

**СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПТЫ
ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

**(памяти профессора А.Б. Мезяева
и профессора Р.Ф. Степаненко)**

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Под редакцией

С.М. Аламовой, Я.В. Солдатова, С.Н. Тагаевой

УДК 340
ББК 67
Г34

Авторы коллективной монографии: Айнутдинова И.Н., Айнутдинова К.А., Аламов И.Л., Аламова С.М., Ахметов Р.Р., Ахметова А.Р., Бадамшин С.К., Белослудцев О.С., Бодурова Г.Г., Бухмин С.В., Гатауллин З.Ш., Горбунов М.Д., Давлатов Х.Х., Исаев Э.Е., Исакова Н.Р., Комлев Ю.Ю., Лебедева Е.А., Лесив Б.В., Ливенцев Д.В., Лягин К.А., Малышева Ю.Ю., Марданова Г.Р., Матвеев Г.В., Меликовский А.А., Мугинова Н.Х., Нуруллина Г.М., Романовская В.Б., Рябцева О.Н., Салиева Р.Н., Салиева Р.Н., Солдатов Я.В., Солдатова А.В., Степаненко Г.Н., Тагаева С.Н., Талан М.В., Фролова Е.А., Харисова Э.А., Юн Л.В.

ISBN 978-5-93593-375-3

Научные редакторы:

Аламова Светлана Мухаметовна - кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань);

Солдатов Яков Владимирович - кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань);

Тагаева Санавбар Назиркуловна - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань).

Рецензенты:

Шайхутдинова Г.Р. - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Казанского (Приволжского) федерального университета;

Гаранина И.Г. - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Казанского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);

Мотрохин Е.Ю. - кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Университета управления «ТИСБИ».

Г34 Современные концепты защиты прав человека: актуальные проблемы (памяти профессора А.Б. Мезяева и профессора Р.Ф. Степаненко): Коллективная монография / Под ред. С.М. Аламовой, Я.В.

Солдатова, С.Н. Тагаевой. - Казань: ИЦ Университета управления «ТИСБИ», 2025. - 262 с.

Монография посвящена комплексному исследованию современных концептов защиты прав человека с позиций теории и истории права и государства, международного права и отраслевого российского законодательства. В работе рассматриваются исторические корни и эволюция идей прав человека, механизмы их реализации и существующие проблемы. Авторы анализируют эффективность международных стандартов и национальную практику, выявляя направления совершенствования правотворческой и правоприменительной практики.

Монография предназначена для юристов, преподавателей вузов, студентов и аспирантов, изучающих право, философию права и международные отношения, а также для всех, интересующихся проблемами прав человека в современном мире.

ISBN 978-5-93593-375-3

© Авторы исследований, 2025.

© ИЦ Университета управления «ТИСБИ», 2025.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	12
ЧАСТЬ I. ТЕОРЕТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	
Глава 1. Концептуальные основы защиты прав и свобод личности	
§ 1.1. Права человека: философские и теоретико-правовые аспекты	14
§ 1.2. Человек в центре юридического процесса: аксиологические основы защиты прав человека в свете идей Р.Ф. Степаненко	22
§ 1.3. Права человека: историко-теоретический анализ	31
§ 1.4. Социальное государство как основа реализации прав и свобод человека	38
§ 1.5. Принципы правового статуса личности в России	45
Глава 2. Права человека в национальной истории и научной рефлексии	
§ 2.1. Правовое положение удельных крестьян по «Учреждению об Императорской фамилии» 1797 г.	53
§ 2.2. Позитивистское измерение вопроса прав человека в англо-американской правовой доктрине	60
§ 2.3. Конституционная идентичность и защита фундаментальных прав человека: ресторативная функция доктрины	69
§ 2.4. Современные концепты защиты прав человека: актуальные проблемы	80
Глава 3. Формирование правосознания и юридическое образование в сфере защиты прав человека	
§ 3.1. Учебная дисциплина «Духовно-нравственные основы противодействия экстремизму» как элемент формирования правосознания студентов юридических факультетов	88
§ 3.2. Проблемы защиты прав человека в процессе обучения будущих юристов	93
§ 3.3. Взаимосвязь криминалистики и этики	99
ЧАСТЬ II. МЕЖДУНАРОДНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И СТАНДАРТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	
Глава 4. Международное законодательство и правовые стандарты защиты прав человека	
§ 4.1. Международное и российское законодательство о защите прав человека (сравнительно-правовое исследование)	106
§ 4.2. Международные стандарты защиты интеллектуальных прав	120
§ 4.3. Международно-правовые основы защиты семьи и семейных прав	128
§ 4.4. Международно-правовые аспекты эволюции экологических прав человека в свете классической концепции прав и свобод личности	136

Глава 5. Специальные направления защиты прав человека в международном праве	
§ 5.1. Международно-правовое регулирование безопасности детского питания	145
§ 5.2. Судебная защита конституционных экологических прав граждан в фокусе экологического правосудия	152
§ 5.3. Защита прав человека от преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей	159
§ 5.4. О праве человека на живое общение	169
ЧАСТЬ III. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	
Глава 6. Уголовно-правовые аспекты защиты прав человека	
§ 6.1. Правовое регулирование защиты интересов граждан в сфере хозяйственной активности: уголовно-правовые аспекты	179
§ 6.2. Современные концепты защиты прав медицинских работников: уголовно-правовой аспект	186
§ 6.3. Киберпреступность: девиантологическая интерпретация, объяснительная модель, проблемы и меры социального контроля в цифровом мире	194
§ 6.4. Этические и правовые вопросы, связанные с преступной деятельностью	214
Глава 7. Криминологические аспекты защиты прав человека	
§ 7.1. Противодействие экстремизму в молодежной среде через призму соблюдения прав человека	222
§ 7.2. Нарушение прав человека как следствие деформации морального сознания под влиянием негативного онлайн-контента	234
ЧАСТЬ IV. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	
Глава 8. Гражданско-правовые и процессуальные аспекты защиты прав и восстановления нарушенных интересов	
§ 8.1. Гражданско-правовая ответственность в сфере недропользования и восстановление нарушенных прав участников	241
§ 8.2. Цифровые технологии в гражданском судопроизводстве и обеспечение процессуального равенства сторон	247
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	255
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	257

Уважаемые коллеги, друзья и читатели!

Эта книга посвящена светлой памяти двух замечательных ученых-юристов, талантливых педагогов и прекрасных людей - Александра Борисовича Мезяева и Равии Фаритовны Степаненко. Они долгие годы служили нашему Университету, вложив душу и сердце в обучение нескольких поколений юристов. Их опыт, профессионализм и глубокое понимание права навсегда останутся образцом для подражания.

С чувством искренней благодарности и любви я вспоминаю **Александра Борисовича**, необыкновенного человека, доброго и верного друга, исключительного профессионала.

Он был глубоким специалистом в области международного уголовного права, международного права прав человека, большим энтузиастом в юридической балканистике и африканистике. Принимал участие в защите Президента Югославии С. Милошевича в Международном трибунале по бывшей Югославии (2003-2006 гг.), также участвовал в защите других обвиняемых трибунала – профессора В. Шешеля и генерала Р. Младича.

В нашей памяти Александр Борисович останется не только как ученый, истинный мастер своего дела, но и как совершенно незаурядная, разносторонне развитая творческая личность. Все его научное творчество, публичные выступления, зажигательные лекции неразрывно связаны с актуальными проблемами международного права.

По его личной инициативе и при непосредственном участии в Университете были созданы уникальные образовательные программы всех уровней высшего образования, реализация которых обеспечила Университету заслуженно высокий уровень подготовки квалифицированных юридических кадров. В рамках деятельности его научной школы «Основные тенденции развития современного международного права» выполнялись научные исследования в области международного права и международного уголовного суда, подготовлены и успешно защищены 6 кандидатских диссертаций, проводилось оппонирование научных работ в МГУ, МГИМО, РУДН и др. вузах.

Именно благодаря ему в нашем Университете появился Музей Африканистики и Африка стала намного ближе к каждому из нас. Кроме того, Александр Борисович был Почетным консулом Республики Намибия и ежегодно читал лекции в вузах Йоханесбурга (ЮАР), он мог часами рассказывать об удивительной культуре и природе загадочного Африканского континента.

Александр Борисович жил наукой и нашим Университетом. Вечная память ему...

Равия Фаритовна - выдающийся ученый, прекрасный человек и просто очаровательная женщина, которая более четверти своей жизни посвятила служению науке и высшему юридическому образованию в стенах нашего Университета.

Равия Фаритовна безгранично любила юридическую науку, и она отвечала ей взаимностью. Ее научные труды были признаны и востребованы не только в России, но и в зарубежных странах. В 2024 г. она вошла в ТОП-100 ученых стран БРИКС.

Будучи основателем и руководителем научной школы «Интегративная юриспруденция в познании социально-правовых явлений», она воспитала несколько поколений юристов и ученых-правоведов, став настоящим наставником в мире юриспруденции для огромного количества студентов, магистрантов, аспирантов и молодых преподавателей. Диссертации, выполненные под ее чутким руководством, с первого раза проходили любое, даже самое строгое, рецензирование и успешно выдерживали критику оппонентов и членов диссертационных советов.

Она всегда щедро делилась своим богатым жизненным и профессиональным опытом, разносторонними глубокими знаниями с коллегами и учениками, заботливо поддерживала их в трудных ситуациях, вдохновляла молодых исследователей на раскрытие талантов, а коллег - на дальнейшее саморазвитие, всегда оказывая посильную помощь. Являлась примером неиссякаемой жизненной и творческой энергии, безграничной тяги к новым знаниям, обладая тонким чувством юмора и душевностью, Равия Фаритовна умела создать теплую атмосферу в коллективе, на учебных занятиях, оставляя яркий след в сердцах окружающих.

Скоропостижный уход глубокоуважаемой Равии Фаритовны является поистине невосполнимой утратой, мы всегда будем бережно хранить светлую память о ней!

Я горжусь тем, что Александр Борисович и Равия Фаритовна однажды связали свою трудовую деятельность с нашим Университетом (хотя у каждого был выбор, но они сделали его в пользу «ТИСБИ») и были верны ему до последнего дня.

Память о них навсегда останется в наших сердцах. Их не стало, но ценности, которые они прививали, - любовь к знаниям, уважение к традициям, преданность профессии - будут жить в их учениках и последователях.

С глубоким уважением и признательностью,
Президент Университета управления «ТИСБИ»,
профессор Прусс Нэлла Матвеевна.

Мезяев Александр Борисович

(18.01.1971 - 23.04.2025)

Республика Татарстан, г. Казань

Доктор юридических наук,
профессор,

Почетный профессор Университета
управления «ТИСБИ»

1997 г. - окончил юридический факультет Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина.

1997-2025 гг. - трудовая деятельность в Университете управления «ТИСБИ».

2001 г. - защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему: «Международное право об отмене смертной казни».

2013 г. - защита диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему: «Права обвиняемого в современном международном уголовном процессе: вопросы теории и практики».

Член Ассоциации адвокатов, практикующих в Международном трибунале по бывшей Югославии (2011-2016 гг.).

Assistant-to-counsel, Международный уголовный суд (с 2011 г.).

Признанный специалист по вопросам теоретических и практических проблем международно-правовой защиты прав человека и деятельности международных судов. Занимался научными проектами: в Университете г. Левена, Бельгия (1997 г.); в Университете г. Фрибурга, Швейцария (2000 и 2007 гг.); в Институте сравнительного права, г. Лозанна, Швейцария (2001 г.); в Институте международного публичного и частного права им. Ассера, г. Гаага, Нидерланды (2003 г.); в Институте международного и публичного права им. М. Планка, г. Хайдельберг, Германия (2007 г.).

Почетный консул Республики Намибия в г. Казань и Республике Татарстан.

Член Комитета по процедуре международных судов и трибуналов Всемирной ассоциации международного права.

Участие/организация международных научных конференций:

- Rhodes Forum (о. Родос, Греция; 2014, 2016);
- Совещание судей Верховных Судов стран Африки (г. Хартум, Республика Судан, 2017);
- Академический саммит БРИКС (г. Йоханнесбург, Южная Африка, 2018);
- Конференция «SREBRENICA – REALITY AND MANIPULATION» (г. Бания-Лука, Босния и Герцеговина, 2019);
- Конференция «Мир и напредак уместо ратова и сиромаштва» (г. Белград, Сербия, 2019).

Член Всемирной Ассоциации международного права (член Комитета по правам человека данной ассоциации), Внешнеполитической Ассоциации РФ, Российской Ассоциации международных исследований, Российской Ассоциации африканистов.

Приглашенный профессор Йоханнесбургского университета (ЮАР), член диссертационного совета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова-МГУ.051.3, создатель и главный редактор Казанского журнала международного права и международных отношений, заместитель главного редактора журнала «Инклюзия в образовании», член редакционных коллегий и редакционных советов изданий «Московский журнал международного права», «Международное право и международные организации», «Право и политика», «Публичное право сегодня», «Вестник КЮИ МВД России» и «Вестник Университета управления «ТИСБИ».

Награжден Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации (2016 г.).

Опубликовано более 150 научных работ как федерального и регионального значения, так и международного уровня. Подготовил 6 кандидатов наук.

Степаненко Равия Фаритовна

(19.06.1961 – 24.08.2025)

Республика Татарстан, г. Казань

Доктор юридических наук,
профессор,
Заслуженный деятель науки
Республики Татарстан,
Почетный работник сферы
образования Российской Федерации,
Почетный профессор Университета
управления «ТИСБИ»

1984 г. - окончила юридический факультет Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина.

1979-1995 гг. - служба в органах внутренних дел МВД РТ на различных должностях рядового и начальствующего состава.

1996-2025 гг. – преподаватель юридических дисциплин в вузах Республики Татарстан.

2005 г. - защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему: «Предупреждение преступлений, совершаемых лицами, ведущими маргинальный образ жизни».

2015 г. - защита диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему: «Общеправовая теория маргинальности».

Член редакционных коллегий и редакционных советов федеральных научных юридических журналов: «Вестник экономики, права и социологии», «Вестник Казанского юридического института МВД России», «Право и государство: теория и практика», «Аграрное и земельное право», «Академическая наука», «Образование и право».

Член диссертационного совета Казанского (Приволжского) федерального университета.

Автор более 300 научных трудов, более 40 учебных и учебно-методических работ.

Модератор 12-ти Всероссийских «круглых столов» по общетеоретическим проблемам права и государства.

Руководитель научной школы «Интегративная юриспруденция в познании социально-правовых явлений».

Под научным руководством Р.Ф. Степаненко выполнено более 200 студенческих и магистерских научных статей, защищено 5 диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Награждена медалями: «За безупречную службу» в МВД России III степени, «100 лет уголовному розыску МВД России».

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Настоящая коллективная монография посвящена памяти двух профессоров, долгое время работавших в Университете управления «ТИСБИ», двух выдающихся ученых с мировым именем: доктора юридических наук, профессора Мезяева Александра Борисовича и доктора юридических наук, профессора Степаненко Равии Фаритовны, безвременно ушедших из жизни в 2025 г.

Профессор Мезяев Александр Борисович был авторитетным ученым в области международного права. Его научные работы, отличавшиеся глубоким анализом международно-правовых институтов, оригинальностью методологических подходов и прогностической ценностью, получили признание научного сообщества как в России, так и за рубежом. Он посвятил свою жизнь изучению сложных механизмов международного сотрудничества, защиты прав человека на глобальном уровне и развитию международного права. Его лекции в аудиториях юридических факультетов Казани, Москвы и Йоханесбурга вдохновляли студентов на глубокое познание права и формировали у них критическое мышление.

Профессор Степаненко Равия Фаритовна была видным специалистом в области теории государства и права - одной из фундаментальных дисциплин юридической науки. Ее научный вклад характеризовался философской глубиной, методологической строгостью и стремлением к синтезу различных правовых традиций. Она посвятила свои научные исследования осмыслению природы права, роли государства в обеспечении прав и свобод человека, а также развитию теоретико-правовых концепций, соответствующих вызовам современности. Ее работы стали ориентиром для целого поколения исследователей, занимающихся фундаментальными вопросами правоведения.

Ученых объединял глубокий интерес к проблеме защиты прав человека - той центральной оси, вокруг которой вращаются современные дебаты о роли права в жизни общества и государства. А.Б. Мезяев рассматривал эту проблему сквозь призму международно-правовых стандартов и глобальных механизмов защиты, тогда как Р.Ф. Степаненко разрабатывала ее теоретико-методологические основы, создавая концептуальный фундамент для практической защиты прав личности. Их научное наследие, несмотря на различие подходов и предметных областей, образует единую систему знаний о защите прав человека в России и за рубежом.

Профессиональная честность, требовательность к себе и своим ученикам, верность принципам научной истины - вот качества, которые определяли образ этих выдающихся ученых. Они были не только авторитетными исследователями, но и вдохновляющими педагогами, которые через живое общение передавали своим ученикам любовь к науке, уважение к праву и понимание значимости защиты прав и свобод человека.

Вопрос о защите прав человека, к которому обращались оба ученых на протяжении своей научной карьеры, не утратил актуальности. Напротив, в условиях стремительных социальных трансформаций, информационной революции, климатических вызовов и геополитических потрясений традиционные подходы требуют переосмысления и адаптации к новым реалиям. Вместе с тем, обращение к философским, историческим и теоретико-правовым основам прав человека остается необходимым условием для выработки современных концептов их защиты.

Содержание настоящей монографии отражает многоаспектный характер проблемы защиты прав человека. Монография состоит из четырех взаимосвязанных частей: теоретико-философские основы прав человека; международные механизмы и стандарты защиты; уголовно-правовые и криминологические аспекты; гражданско-правовые и процессуальные механизмы защиты. Эта структура вобрала в себя научный опыт профессоров, расширив их исследовательский фокус на современные вызовы правовой действительности.

Коллективный характер монографии позволил привлечь разнообразные научные взгляды. Каждый из авторов вносит собственный вклад в общее дело изучения защиты прав человека. Авторы уверены, что именно такой подход - сочетание фундаментальной теории с практической направленностью, сохранение классических традиций с восприимчивостью к новому - соответствует духу научного наследия Александра Борисовича и Равии Фаритовны.

Авторы надеются, что эта работа будет полезна для научного сообщества, практикующих юристов, студентов юридических факультетов и всех, кто неравнодушен к проблемам защиты прав человека в современной России и в глобальном мире. Настоящая монография представляет собой дань уважения памяти двух великих ученых и одновременно - попытку развития их идей в условиях стремительно меняющегося мира.

**Памяти профессоров
Александра Борисовича Меязева и Равии Фаритовны Степаненко
этот труд посвящается...**

ЧАСТЬ I. ТЕОРЕТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Глава 1. Концептуальные основы защиты прав и свобод личности

§ 1.1. Права человека: философские и теоретико-правовые аспекты

Солдатова А.В., Степаненко Г.Н.

Категория «прав человека», имея многовековой путь зарождения и развития в истории философской и политико-правовой мысли, не теряет своей актуальности по настоящее время. Права человека в полной мере можно отнести к достоянию человеческой цивилизации, а теорию прав человека – к одному из величайших достижений социогуманитарной науки. Философия рассматриваемого концепта основана на абсолютной ценности Человека, его Прав и Свобод. Они имеют внерасовый, вненациональный, внеклассовый, вневозрастной, внеполовой и др. характер. Этим обусловлена стабильно высокая востребованность категории прав человека в современных условиях социального неравенства, обострения многочисленных межнациональных конфликтов, стремительного расширения сферы влияния научно-технологического прогресса на жизнь общества и т.д.

Бесценный вклад в развитие современной концепции прав человека с позиций общей теории права внесен почетным профессором Университета управления «ТИСБИ», Заслуженным деятелем науки Республики Татарстан, основателем и руководителем научной школы «Интегративная юриспруденция в познании социально-правовых явлений» Степаненко Равией Фаритовной. В научных исследованиях и в процессе многолетней службы в правоохранительных органах приоритетом для ученого всегда был Человек, его права и свободы. Автор уделял особое внимание Человеку как центру методологии целеполагания в доктрине правовой политики [11], определению места и роли Человека и права в современном многополярном мироустройстве [10], правам человека в контексте проблематики отчуждения [8], а также гносеологическому потенциалу культурологического подхода в праве [9] и др.

Значительную роль в развитии юридической науки в разрезе изучения международно-правовых аспектов обеспечения прав человека [4], тенденций развития международного права прав человека [5], проблем современного международного уголовного правосудия [6], а также вопросов международно-правовой защиты прав человека сыграли труды почетного профессора Университета управления «ТИСБИ», руководителя научной школы «Основные тенденции развития современного международного права» Мезяева Александра Борисовича. Отстаиванию ценности человека и его прав посвящены не только научные работы всемирно известного ученого, но и его практическая деятельность в качестве члена Комитета по правам человека

Всемирной Ассоциации международного права.

Данной работой мы отдаем дань памяти глубокоуважаемых профессоров и выражаем им искреннюю благодарность за фундаментальные исследования, определившие одни из стратегических направлений развития современной юридической науки.

Права человека традиционно воспринимаются как явление юридическое, однако в разные исторические эпохи они анализировались с позиций религии, философии, этики, нравственности и т.д. С уверенностью можно сказать, что права человека составляют идеологический и аксиологический фундамент культуры гуманитарного мышления. Такой интерес человеческой мысли к данному многогранному, сложному феномену объясняется его большим значением для нормальной жизнедеятельности как отдельных индивидов в рамках социального взаимодействия, так и общества в целом. Именно права человека являются критерием человеческого измерения политических, экономических и иных процессов, происходящих в социуме, а также эффективности функционирования государства.

В юриспруденции права человека, как правило, рассматриваются в качестве одного из основных элементов правового статуса личности. Под ними понимаются «определенные нормативно структурированные свойства и особенности бытия личности, которые выражают ее свободу и являются неотъемлемыми и необходимыми способами и условиями ее жизни, ее взаимоотношений с обществом, государством, другими индивидами» [7]. С праксиологической точки зрения права человека олицетворяют его социальные и юридические возможности пользоваться материальными и иными благами. Они составляют одну из важнейших общечеловеческих ценностей, которая признается и закрепляется на конституционном уровне. Конкретный объем и содержание прав человека детализируется, как правило, в отраслевом законодательстве, а обязанность по обеспечению их реализации возлагается на государство.

Принятие в 1993 г. Конституции Российской Федерации заложило аксиологические, идеологические и методологические основы трансформации российского правопонимания и правосознания в целом. Внесение последующих поправок в Основной закон усилило наметившиеся ранее тенденции перехода от юспозитивизма к юснатурализму, а в дальнейшем и к интегративному подходу к пониманию права. Все это в совокупности объективирует верховенство прав человека в российской правовой системе и актуализирует исследования вопросов порядка их зарождения, эволюции, признания, соблюдения, охраны и защиты. Особое значение данные проблемы приобретают в современных условиях широкого внедрения новых технологий, в том числе информационных, биологических, когнитивных и т.д., когда возникают острые дискуссии о формировании новой группы прав человека, рисках ограничения и нарушения традиционных прав. Сказанное

детерминирует необходимость обращения к теоретическим и историческим аспектам анализируемой проблематики.

Тем более ценными являются философские основания современных представлений о правах человека, которые были заложены еще в древнеегипетской, древнеиндийской, древнекитайской мифологии, развивались в политико-правовой мысли Древней Греции (Аристотель, Гераклит, Платон, Сократ и др.), Древнего Рима (Цицерон, римские юристы), юриспруденции Средневековья, концептуально оформившиеся в западноевропейской философии Нового времени (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш.Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Г. Гроций, И. Кант и др.). Например, Аристотель, рассуждая о свободе индивида, рассматривал ее, в том числе, в контексте отношений человека и государства, отводя последнему ключевую роль в обеспечении условий для свободного существования граждан путем создания законов и институтов, поддерживающих добродетельную жизнь. Для Платона свобода, в отличие от современных либеральных трактовок, - это не отсутствие ограничений, а способность жить в согласии с законами общества в соответствии с добродетелью и разумом.

Воззрения величайших мыслителей прошлого помогают осознать сущностную природу свободы, ориентируют на понимание необходимости равноправия всех членов социума. Это имеет особое значение для современного человека, который все более вовлекается в бескомпромиссную борьбу за безграничную свободу и права личности. В этой связи актуализируется вывод, сформулированный немецким философом Г. Гегелем, о том, что право является формой объективного существования свободы [2]. Право как институт, способный реализовать свободу каждого индивида в обществе и одновременно обеспечить равенство и гарантированность прав людей, исследуется и в современной философии права.

Стоит подчеркнуть, что философские постулаты прошлых исторических периодов актуальны для общества и социогуманитарной науки в разрезе выстраивания и развития взаимосвязей и взаимодействия между личностью и социальными группами, между личностью и государством. Кроме того, они составляют идеологическую основу современных принципов прав человека, представляющих ценностные ориентиры правового развития государства.

Анализ содержания основополагающих правовых актов в сфере прав человека как внутригосударственного, так и международного уровней (Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г., Декларации прав и свобод человека от 5 сентября 1991 г., Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и др.), позволяет выделить ряд принципов прав человека. Каждый из них самоценен, но лишь в своем диалектическом единстве они составляют

идеолого-аксиологическую основу современной концепции прав человека. Отметим, что перечень принципов не является нормативно-установленным, по сути, имеет открытый характер, поэтому мы ограничимся рассмотрением лишь некоторых из них, которые, на наш взгляд, имеют основополагающее значение.

Так, принцип гуманизма ориентирует общество и государство на защиту достоинства личности, признание безусловной ценности человека и, как следствие, использование в качестве критерия оценивания эффективности функционирования социальных и государственных институтов блага человека.

Реализация идеи гуманизма тесно связана с принципами свободы и равенства. Важным аспектом в их понимании является необходимость учета интересов иных лиц и общества в целом. Свобода в рассматриваемом контексте всегда ограничена правами других членов общества, что требует ответственности, а также высокого уровня культуры, в том числе политической и правовой. Несмотря на то, что люди от рождения не только свободны, но и равны, достижение фактического абсолютного равенства остается недостижимым. Однако в соответствии с принципом равенства какие-либо социальные различия между людьми допустимы исключительно в целях обеспечения общего благополучия. Следовательно, примат общего над частным никоим образом не противоречит концепции прав человека, более того, составляет одно из его основополагающих начал.

Принцип естественности определяется самой природой человека, обуславливающей независимое от государства и общества возникновение его прав. Это дает начало принципу неотъемлемости прав человека, который означает, что ни один человек не может быть лишен своих прав, поскольку они ему никем не дарованы. При этом права принадлежат каждому члену огромной человеческой семьи, в какой бы точке Земного шара он не находился, к какой бы расе, нации, полу и т.д. не принадлежал. В этом заключается суть принципа универсальности или всеобщности прав человека.

Принцип непосредственного действия предполагает, что права человека должны осуществляться вне зависимости от их конкретизации в нормативно-правовых актах, то есть органы защиты прав человека имеют право ссылаться на норму Основного закона или вступивший в силу международный договор.

Переведение прав человека из декларативной идеи в практическую плоскость требует реализации принципа их гарантированности. Он предполагает системный подход к созданию условий (социальных, экономических, политических, специально-юридических и др.) для обеспечения возможности человека использовать свои права. В этом процессе должны быть задействованы все органы государственной и муниципальной властей, институты гражданского общества и т.д.

В числе прочих принципов прав человека называют такие идеи,

как сочетание государственных, общественных и частных интересов, государственной защиты прав и свобод, их полноты и динамизма, неделимости, ответственности, приоритета норм международного права и т.д.

Не менее важным для современной концепции прав человека является решение вопроса о взаимоотношении и взаимодействии личности, общества и государства. В ретроспективе теории прав человека сформировалось несколько подходов к определению моделей таких взаимоотношений.

К примеру, естественно-исторический подход базируется на признании объективности существования естественных прав, их независимости от государства ввиду их возникновения до образования государственной формы жизнедеятельности общества. Следовательно, государство не может лишить человека этих прав, однако отношение к их соблюдению, охране и защите не одинаковое у различных государств в те или иные исторические периоды.

Религиозный подход включает права человека в единый каркас религиозно-нравственных ценностей, что детерминирует необходимость и обязанность государства, общества, индивидов уважать каждого человека, реализуя тем самым принцип равенства всех людей.

Марксистская концепция трактовала права человека как исходящие от государства блага, объем и содержание которых зависят от соответствия интересам отдельных классов и общества в целом. В этом марксистская теория схожа с социалистическим подходом, согласно которому права человека – это законодательно установленные, социальные возможности личности. Кроме того, социалистическая концепция выделила личные, политические и социально-экономические права и свободы.

Определенные сходства с последними двумя теориями имеет и позитивистский подход, отрицающий внесударственное происхождение прав и свобод человека и, как следствие, признающий их изменчивость, определяемую возможностями общества и государства, а также целесообразностью в соответствии с общими интересами.

Изначально классовый характер имела либеральная концепция, идеологически направленная на утверждение свободы буржуазного класса, прежде всего от запретов государства в сфере производства, торговли и предпринимательства, путем установления контроля над властью с помощью влияния крупного капитала.

Современный подход к определению порядка взаимоотношений личности, общества и государства признает человека, его права и свободы высшей ценностью, возлагает на государство ответственность за их соблюдение, охрану и защиту. В рамках данной концепции права человека рассматриваются в диалектической взаимосвязи и взаимодействии с такими социальными феноменами, как культура, право, религия, этика, мораль и т.д.

Следующим важным компонентом концепции прав человека является их классификация. На данный момент выработано несколько

классификационных критериев. Например, наличие или отсутствие правовой связи с государством, обязанным защищать права и свободы, является основанием для разделения прав человека и прав гражданина. Перечень последних, как правило, намного шире, поскольку государство предоставляет ряд прав (политических, социально-экономических) только своим гражданам.

По субъектному составу носителей прав выделяют индивидуальные (субъектом является конкретный человек) и коллективные (субъектом являются два и более лица). В качестве примера первого вида можно привести право на жизнь, на личную тайну и др. Второй вид представлен такими правами, как право на объединение, на собрания, на забастовку и прочие.

В зависимости от степени участия государства в процессе реализации прав выделяют:

- позитивные права, предполагающие активное участие государства и иных субъектов в создании юридических фактов для их реализации (право на социальные пособия, пенсионное обеспечение и др.);

- негативные права, предусматривающие пассивную обязанность всех иных субъектов не препятствовать их реализации (право на жизнь, свободу передвижения и т.п.).

Еще один критерий классификации прав человека – их направленность. В соответствии с ним права подразделяются на материальные (к ним относится абсолютное большинство прав и свобод, направленных на удовлетворение потребностей человека во всех сферах жизнедеятельности) и процессуальные (направлены на обеспечение, охрану и защиту материальных прав путем совершения собственных действий и обращения за помощью к уполномоченным субъектам).

Сфера реализации прав человека является основанием для выделения следующих групп: гражданские (личные), политические, социально-экономические и культурные. Право на жизнь, на личную неприкосновенность и др., будучи гражданскими правами, определяют границы личной свободы человека, имеют своей направленностью удовлетворение его внутренних потребностей, что влечет установление запретов на воспрепятствование их реализации со стороны любых иных лиц. Право избирать и быть избранным, право на обращение, право на объединение и т.д. относятся к политическим правам и свободам, направленным на участие человека в политической жизни общества и государства, в осуществлении государственной власти. Право на собственность, право на предпринимательскую деятельность, право свободного владения, пользования и распоряжения землей и иные права входят в состав экономических прав и охватывают свободу человеческой деятельности в сфере производства, обмена, распределения и потребления материальных благ. Большинство прав данной группы достаточно сложно разграничить от социальных прав (право на труд, на отдых и др.), поскольку они имеют двойственную природу и их реализация призвана обеспечить достойный

уровень жизни каждому члену общества. В этой связи традиционно данные права объединяют в единые социально-экономические права. Смежными с ними можно считать и культурные права (право на образование, на творчество, на язык и т.д.), формирующие и развивающие культурную идентичность личности, обеспечивающие свободу индивида на участие в культурной жизни социума.

Из приведенных примеров следует, что вопрос разграничения прав человека в зависимости от сферы их реализации остается не до конца решенным, поскольку группирование прав по данному критерию имеет относительный характер, а определение места того или иного права в данной системе во многом зависит от направленности их реализации.

Необходимо упомянуть и такой классификационный критерий, как исторические этапы возникновения и нормативного признания и закрепления прав человека. В рамках этого подхода выделяют поколения прав. Первое поколение включает личные и политические права, второе поколение – социально-экономические и культурные права, третье поколение – коллективные или права солидарности. В настоящее время в научной среде ведутся весьма активные дискуссии о характере и содержании формирующегося в современных условиях глобальной цифровизации и технологизации всех сфер жизни и деятельности общества четвертого поколения прав человека.

На сегодняшний день фактически бесспорным является факт эволюции системы прав и свобод человека, что обусловлено воздействием на их содержание и процесс реализации результатов стремительного прогресса информационных, когнитивных, биологических и иных технологий. Однако не решен вопрос о характере прав четвертого поколения. В качестве возможных вариантов в юридической литературе предлагаются соматические права (право на эвтаназию, на экстракорпоральное оплодотворение и др.), информационные права (право на защиту персональных данных, на доступ к информации и т.д.).

Вместе с тем, в науке представлено мнение, что так называемые новые права есть не что иное, как современное проявление прав первого и второго поколений [3]. На наш взгляд, подобная позиция не безосновательна, а вопрос эволюции системы прав человека имеет не только теоретическое, но и практическое значение ввиду объективной необходимости дальнейшего адекватного возникающим угрозам совершенствования правовых механизмов охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Не менее интересной представляется позиция авторов, выделяющих права четвертого поколения, исходя из того, что они вытекают из взаимоотношений между индивидом и результатами научно-технического прогресса [1, с. 21]. При этом степень его влияния на жизнь человека потенциально может стать критерием обоснования самостоятельного характера прав для их включения в состав четвертого поколения.

Таким образом, динамичность мира науки и техники детерминирует

активное развитие общественных отношений, подлежащих правовому регулированию, а также необходимость формулирования, признания и защиты как традиционных, так и новых прав человека. Конкретизация их содержания – исследовательская задача современного правоведения, требующая не только межотраслевых, но и междисциплинарных усилий научного сообщества.

Список литературы:

1. Глуздак, Г.Н. Генезис и эволюция концепции поколений прав человека // Уральский ж-л правовых исслед. - 2022. - № 4 (21). - С. 17-23.
2. Гегель, Г. Философия права. - М., 1990. - С. 90-91.
3. Зайцева, Т.С. Динамика развития прав человека: генерационная (поколенческая) концепция прав человека и ее трансформация в современном мире // Право и государство: теория и практика. - 2023. № 6 (222). - С. 6-9.
4. Мезяев, А.Б., Дао Х.М. Решение новых проблем в обеспечении прав человека во Вьетнаме // Вестник «ТИСБИ». - 2021. - № 1. - С. 116-122. - EDN UCMTTW.
5. Мезяев, А.Б. О некоторых тенденциях развития международного права прав человека на современном этапе / А.Б. Мезяев // Правовые механизмы защиты прав человека и гражданина в современных условиях: Материалы науч.-практ. конф. (к 25-летию Университета управления «ТИСБИ»). - Казань, 03-05 окт. 2016 г. - Казань: ИЦ Университета управления «ТИСБИ», 2016. - С. 102-105. - EDN YNPAQV.
6. Мезяев, А.Б. Права обвиняемого в международном уголовном процессе / А.Б. Мезяев; Академия управления «ТИСБИ». - Казань: Изд. Акад. упр. «ТИСБИ», 2010. - 324 с. - ISBN 978-5-93593-123-0. - EDN QRRGVR.
7. Права человека: Учебник / Отв. ред. Е.А. Лукашева. - 3-е изд., перераб. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. - 512 с.
8. Степаненко, Р.Ф. Права человека и проблема отчуждения: философско-правовой дискурс / Р.Ф. Степаненко // Права человека и политика права в XXI в.: перспективы и вызовы: Сб. науч. трудов по итогам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. - Москва, 27-28 мая 2022 г. - Саратов: Изд. «Саратовский источник», 2022. - С. 62-73. - EDN OOOTSE.
9. Степаненко, Р.Ф. Культурологический подход в праве: проблемы междисциплинарных исследований / Р.Ф. Степаненко // Государство и право. - 2022. - № 1. - С. 64-74. - DOI: 10.31857/S102694520018273-1. - EDN ISUHFA.
10. Степаненко, Р.Ф. Человек и право в новом многополярном мироустройстве / Р.Ф. Степаненко // БРИКС как новое пространство диалога культур и цивилизаций: Материалы XXII Междунар. Лихачевских научных чтений. - С.-Петербург., 12-13 апр. 2024 г. – СПб.: С.-Петербург. гуманит. ун-т профсоюзов, 2025. - С. 523-525. - EDN NENPOX.
11. Степаненко, Р.Ф. Человек - центр методологии целеполагания в доктрине правовой политики (мировоззренческие и юридические аспекты) /

Р.Ф. Степаненко // Основные тенденции развития современного права: право стран БРИКС: Материалы VIII Национ. науч.-практ. конф. (с междунар. участ.). - Казань, 09 февр. 2024 г. - Казань: ИЦ Университета управления «ТИСБИ», 2024. - С. 305-312. - EDN BXESQG.

**§ 1.2. Человек в центре юридического процесса:
аксиологические основы защиты прав человека
в свете идей Р.Ф. Степаненко**

Исаев Э.Е.

В условиях, когда правовые системы все чаще подвергаются испытанию технологическим прорывом, политической нестабильностью и ростом утилитарного подхода к праву, особенно остро встает вопрос о возвращении к человеку как к неотчуждаемому центру юридического процесса. Современная практика нередко сводит процесс к набору процедурных формальностей, где эффективность измеряется скоростью рассмотрения дел, а не качеством защиты прав. В таких обстоятельствах научное наследие Равии Фаритовны Степаненко приобретает не только теоретическую, но и глубоко этическую значимость. Ее работы, пронизанные философско-правовой рефлексией, последовательно развивали идею о том, что человек - не объект правового регулирования, а его цель и смысл. Эта антропоцентричная парадигма, заложенная ею в основу целеполагания правовой политики, предлагает не просто научную модель, но моральный императив для современной юриспруденции.

Лишь сквозь призму ее утверждения – «в миропорядке существуют только две реальности: природа и человек» – становится видимым, насколько глубоко современное право отклонилось от своего антропологического фундамента. Эта аксиома, впервые системно развернутая в русле российской правовой антропологии, перестает быть метафизическим постулатом и превращается в диагностический инструмент: она позволяет распознать, когда процедура перестает быть пространством признания и превращается в технику управления «делом №...». Ведь если человек – не побочное следствие регулирования, а его ядро, то любая норма и любая процессуальная модель должны оцениваться не по эффективности, а по тому, утверждают ли они субъектность или, напротив, способствуют ее отчуждению.

В этом свете особенно тревожным выглядит отсутствие четкого целеполагания в действующем процессуальном законодательстве. Гражданский, Арбитражный процессуальные кодексы и Кодекс административного судопроизводства формулируют задачи, Уголовно-процессуальный кодекс – принципы, но ни один не содержит прямого указания на цели. Эта неопределенность – не техническая деталь, а системный дефицит, который, как предупреждала Р.Ф. Степаненко, способен породить «неправовой

результат», обесценивающий «паттерны конституционных гарантий». Когда эффективность правосудия измеряется количеством рассмотренных дел, а не качеством признания личности как субъекта, «бесцельная деятельность» становится реальным механизмом отчуждения.

Антропоцентризм, таким образом, выходит за рамки доктринального идеала и приобретает статус практического критерия легитимности. Процесс, нацеленный не на «управление делом», а на восстановление человеческого достоинства, становится не абстрактной гарантией, а актом этического сопротивления технократическому порядку. Особенно продуктивным оказывается обращение к наследию автора, которая, развивая идею С.А. Муромцева об «устремлении к идеальному правопорядку, в котором безопасно и комфортно будет жить человеку», настаивает на том, что юридический процесс не является лишь средством достижения этой цели, а представляет собой ее первичную и неотъемлемую форму реализации. Именно в процедуре – через право высказываться и быть услышанным, через возможность диалога с властью на равных – человек вновь обретает статус субъекта, а не остается объектом административной обработки.

Когда процесс утрачивает антропологическое измерение и превращается в механизм «законопорядка» – в том смысле, в каком этот термин используется в работе «Справедливость и законопорядок» [6]: как почти механистическое упорядочивание отношений при помощи действия нормативных правовых актов – право рискует превратиться в систему институционализированного отчуждения. Как указывается в этих исследованиях со ссылкой на Д.А. Керимова, «в какой мере социальная система будет демократична и справедлива, то ее правопорядок будет соответствовать общепризнанным ценностям права» [2, с. 495]. А формальный законопорядок, не опирающийся на эти ценности, остается лишь каркасом – пустым, но опасным.

Особую остроту эта угроза приобретает в понятии «человека юридического», введенного в научный оборот как антропологическая альтернатива абстрактному «носителю прав». Это не пассивный адресат норм, а «цивилизованный индивидуум, способный самостоятельно перераспределять свою витальную и социальную энергию и направлять свои инстинкты и страсти в русло нормативного сосуществования» [8, с. 310]. Такой человек – субъект диалога с правом, а не объект его воздействия. Но в условиях, когда целеполагание вытесняется логикой КРП, он неминуемо уступает место безымянному элементу отчетности – «делу», лишенному имени, истории и достоинства.

Отчуждение перестает быть метафорой и становится социальной практикой. В работе «Права человека и проблема отчуждения» Р.Ф. Степаненко рассматривает отчуждение как одновременно факт и фактор бытия человека, указывающий ему на временность его пребывания в мире и невозможность полностью распоряжаться им [4, с. 72]. Право призвано не углублять это от-

чуждение, а снимать его – через процедуру, в которой человек вновь обретает контроль над своей судьбой. Когда же процесс лишен этой функции, когда он служит не признанию, а контролю, не свободе, а управлению – тогда, по меткому замечанию, «отчуждающаяся ценность права» отрывается от самого человека.

Антропоцентричное целеполагание – это не дополнение к праву, а его условие возможности. Без него формальный законопорядок рискует стать системой институционализированного отчуждения, где человек – не цель, а ресурс, не субъект, а объект, не носитель достоинства, а элемент отчетности. Возвращение к вопросу, «в каких целях и во имя чего конструируется отечественное законодательство?» – это не академическая рефлексия, а этический императив нашей эпохи.

Глубочайшее значение научного наследия Р.Ф. Степаненко состоит в том, что она не просто констатирует кризис целеполагания, но указывает путь его преодоления через восстановление человека в центре правовой политики, через признание того, что цель права – не порядок ради порядка, а человек ради человека. В условиях современной России, где законодательство нередко меняется под влиянием текущей политической конъюнктуры, а судебная практика все чаще ориентируется на формальное толкование норм, эта позиция приобретает особую остроту. Как справедливо отмечается в ее работах, право не может быть простым инструментом управления. Оно должно быть мерой человеческого достоинства. И если эта мера утрачена, то даже самый «законный» процесс перестает быть правовым.

Однако антропоцентризм, оставаясь лишь принципом целеполагания на уровне правовой политики, рискует остаться «идеальным правопорядком» на бумаге. Его подлинная проверка – не в декларациях, а в конкретной процедуре, в том, как человек встречается с правом в момент кризиса, конфликта, обращения за защитой. Именно здесь, в юридическом процессе, должен проявиться этический императив: либо человек признается как субъект, либо вновь превращается в объект. Поэтому следующий шаг осмысления этого наследия логично ведет к признанию процессуальности права как самостоятельной аксиологической ценности – не как техники, а как пространства признания [5].

Традиционное правопонимание, особенно в наследии позитивизма, привычно сводит процессуальное право к техническому инструменту реализации материального. Судебное разбирательство, административная процедура, досудебное урегулирование – все это воспринимается как «механизм», «форма», «настройка», существующая лишь для того, чтобы «включить в действие» норму. Однако именно в этом технократическом взгляде скрывается глубочайшее этическое умолчание – утрата самого смысла процедуры как пространства признания.

Как отмечается в ее работах, «процессуальность права ... представ-

ляет собой социокультурный феномен, устанавливающий порядок осуществления ... деятельности, нацеленной на соблюдение и защиту конституционных прав и свобод» [7, с. 516]. Но ключевое здесь – не «осуществление», а «нацеленность». Процедура не нейтральна: она либо утверждает достоинство личности, либо становится формой насилия. Именно поэтому в концепции, разработанной Р.Ф. Степаненко, решительно отвергается представление о процессуальном праве как о вторичном, зависимом, инструментальном. Наоборот, в работах «Ценность процессуального права» и «Процессуальность права в аксиологическом измерении» утверждается: «абсолютная ценность единства материального и процессуального в праве» лежит в их диалектическом равенстве – ни одно не доминирует над другим, ибо оба выражают общечеловеческие, вневременные ценности [7, с. 509].

Эта идея получает методологическое обоснование через призму интегративной теории права и, в особенности, концепции «процедурного естественного права» Л. Фуллера. Подчеркивается, что Фуллер «постулировал абсолютную ценностную природу «вдохновляющей» (морали) и относительную природу «обязывающей». А поскольку процедура – это не просто применение норм, но целеположенная деятельность, направленная на «подчинение человеческого поведения власти норм», то именно в ней раскрывается этическое ядро права. Если материальное право формулирует что защищено, то процессуальное – как человек обретает возможность быть услышанным, уважаемым, признанным.

Справедливый процесс – это не средство реализации права, а само его выражение. Как отмечается со ссылкой на классиков российской процессуальной школы, судебный процесс исторически понимался как «зеркальное отражение меры правды и справедливости», то есть как само право в действии. Именно поэтому формальная законность без справедливой процедуры оказывается пустой: человек может быть «прав» по существу, но проиграть «по процедуре» – и тогда система не защищает, а отчуждает.

Это особенно остро проявляется в эпоху цифровизации и ускоренных процедур. Когда «право говорить» сокращается до заполнения онлайн-формы, а возможность быть понятым заменяется алгоритмической обработкой, процедура утрачивает свою антропологическую функцию. В таких условиях человек перестает восприниматься как субъект диалога и превращается в объект технического учета. Лишь в диалоге, в процедуре, уважающей субъектность личности, человек перестает быть объектом административного воздействия и вновь обретает статус равного участника правового общения. Именно в этом – аксиологическое ядро процессуального права: его способность восстанавливать субъектность в условиях правового взаимодействия. Процедура, лишённая этого диалогического измерения, даже при полной формальной корректности, становится механизмом юридического насилия – ведь она не признает человека, а лишь «обрабатывает дело».

Ключевым методологическим вкладом автора становится различение абсолютных и относительных ценностей – не как иерархии, а как синергетического единства, в котором одно питает и направляет другое. По мнению Р.Ф. Степаненко, абсолютные ценности обладают вневременным и универсальным характером: они не подвержены влиянию социально-исторических трансформаций, не зависят от воли государства и не могут быть отменены ни нормативными актами, ни сиюминутными политическими интересами. Напротив, именно они составляют несокрушимый фундамент правопорядка и не подлежат девальвации в принципе. Они вневременны, универсальны, естественно-правовы: равенство, достоинство, справедливость, правонапризнание. Относительные же ценности «темпорально и топологически изменяемы», они отражают конкретные политические, экономические и культурные условия, но не могут противоречить абсолютным, иначе система права деградирует.

В этом диалоге раскрывается подлинная природа процессуальности. Она не нейтральный «механизм реализации», а пространство синергии, где абсолютные ценности материализуются через относительные институты: состязательность, разумные сроки, открытость, презумпцию невиновности. Как подчеркивается в указанных работах, отраслевые принципы процессуального права «находясь в постоянном движении к абсолютным правовым ценностям, создают положительный синергический эффект». Это движение – не техническое, а этическое: оно направлено на то, чтобы в каждом деле, в каждой процедуре человек не терял своего статуса субъекта.

Антропоцентризм, заявленный как основа целеполагания, обретает свое практическое оформление именно в процедуре. Если человек – центр методологии, то процесс не может сводиться к «управлению делом»; он обязан быть актом признания. Только в процедуре, уважающей диалогичность и субъектность, человек перестает быть объектом административного воздействия и вновь обретает статус равного участника правового общения. Эта формула – не риторика, а операционализация антропоцентризма: только в диалоге, в процедуре, уважающей субъектность, человек перестает быть «объектом воздействия» и вновь становится человеком юридическим – «цивилизованным индивидуумом».

Без этого антропологического ядра даже самая «эффективная» процедура становится формой отчуждения. В эпоху КРП-ориентированного правосудия, ускоренных производств и алгоритмической обработки угроза именно в этом: процедура лишается нравственного измерения, остается лишь техника. Но, как напоминает со ссылкой на Л. Фуллера, право – это «целесообразная деятельность», направленная на «подчинение человеческого поведения власти норм», но не ради контроля, а ради достижения добра в социальных коммуникациях. А добро в праве – это, прежде всего, уважение к человеку как таковому.

Таким образом, процессуальность права – это не вторичная техника, а первичная форма проявления абсолютных ценностей в конкретных исторических условиях. Она – мост между антропоцентричной целью и ее практическим воплощением. И если этот мост рухнет под грузом технократии, то вместе с ним рухнет и сама легитимность правовой системы. Поэтому признание процессуальности как аксиологической ценности – это не академическая тонкость, а условие сохранения права как гуманного института.

Современная правовая система стоит перед вызовом онтологического сдвига – превращением человека из субъекта права в объект обработки, из носителя достоинства – в совокупность данных. Цифровизация, ускоренные процедуры, алгоритмическое правосудие, тотальный контроль – все это не просто инструменты эффективности, а проявления нового паноптикума, в котором, по Фуко, «видеть – значит контролировать, а быть видимым – значит подчиняться». Здесь особенно остро звучит одна из ключевых идей Р.Ф. Степаненко: отчуждение выступает как неотъемлемый аспект человеческого существования – напоминание о его конечности и невозможности полностью овладеть миром.

Ранее отчуждение было следствием экономических или идеологических структур (как у Маркса или в советской практике), сегодня оно становится результатом самой логики цифрового порядка – логики профилирования, предиктивного анализа, автоматизированного принятия решений. Человек больше не «дело №...» – он «пользователь ID...», «риск-скор», «аномалия в потоке». Его голос, его субъективность, его позиция замещаются расчетами вероятностей. А поскольку процедура лишена нравственного измерения, даже при формальной законности она становится механизмом насилия – тихого, невидимого, но тем более тотального.

Критическое различие, установленное в работе «Справедливость и законопорядок» [6], проявляется в противопоставлении формального законопорядка – «почти механистического упорядочивания отношений при помощи действия нормативных правовых актов» – справедливому правопорядку, в котором «люди сознают себя общественными существами» и следуют не по принуждению, а из уважения к общим ценностям [6, с. 81]. Формальный законопорядок, лишенный антропоцентрического ядра, не защищает права – он их стирает, заменяя человека управляемым параметром. Как справедливо отмечается со ссылкой на Д.А. Керимова, «в какой мере социальная система будет демократична и справедлива, то ее правопорядок будет соответствовать общепризнанным ценностям права» [6, с. 81]. А в цифровом паноптикуме ценностью становится не достоинство, а предсказуемость.

Это особенно опасно в сфере процессуального права, где справедливость традиционно воплощалась в личном присутствии, диалоге, возможности возразить. Сегодня же судебное разбирательство может происходить «в один клик», административное производство – завершаться

без участия стороны, а право на обжалование – блокироваться логикой «автоматической правоты алгоритма». В таких условиях, как предупреждается в указанных работах, «отчуждающаяся ценность права отрывается от самого человека». Система перестает быть институтом защиты и превращается в технократический механизм управления, в котором человек – не цель, а ресурс.

Единственным барьером против этого дрейфа может стать антропоцентрично ориентированная правовая процессуальная политика – та, что берет за отправную точку не эффективность, а признание субъектности. Право будет реализовано тогда, когда «право говорить и право быть услышанным начнут рассматриваться как две части одного целого» [9, с. 90]. Эта фраза – не риторика, а методологический ориентир: любая цифровая инновация в праве должна проходить проверку на сохранение диалогичности процедуры. Если алгоритм лишает человека возможности быть понятым – он недопустим, даже если «точен».

В этом контексте вновь обретает значение доктрина естественного права – не как историческая реликвия, а как методологический императив. Как справедливо отмечает Р.Ф. Степаненко со ссылкой на Е.А. Фролову, возрожденное естественное право конца XIX – начала XX вв. «небезосновательно отождествляется с философией права, целью которой называется умозрительное построение идеального политического и правового порядка», и «воспринималось в науке как методология», способная «выявлять условия и принципы практически разумного строя мысли» [10, с. 166-167]. Сегодня эта «умозрительность» приобретает новое значение: она становится этическим контрагентом технологического рационализма.

Технологический рационализм оперирует категориями скорости, предсказуемости, оптимизации, алгоритмической «нейтральности». Он исходит из логики системы, а не из логики человека. В его мире нет места пограничным состояниям, моральному сомнению, диалогу, непредсказуемой свободе – всему тому, что делает человека субъектом. Именно поэтому естественное право, в отличие от позитивизма, не может быть «апгрейдом» системы; оно – ее совесть. Оно напоминает, что цель права – не «управление делом», а признание человека, и что любая процедура, лишенная этого признания, даже при формальной корректности, становится формой насилия.

Связь с тезисом об антропоцентрическом целеполагании проявляется в том, что технологические инновации в праве должны проходить этический тест на субъектность. Идеал, к которому стремилась правовая политика в российской традиции, – «устремление к идеальному правопорядку, в котором безопасно и комфортно будет жить человеку» – невозможно реализовать на алгоритмах, не учитывающих нерациональное, трагическое, уязвимое в человеческой природе. А значит, право должно быть не только «технологически адаптированным», но и гуманитарно защищенным.

Предложенная К.В. Агамировым идея «выжидательной позиции

законодателя», поддержанная в анализе отчуждения автором, обретает сегодня особую остроту. В работе «Права человека и проблема отчуждения» указывается [4], что существует «прогностический пробел» – отсутствие нормативного регулирования в «возникающих или вызреваемых общественных отношениях» [1, с. 24], в том числе в информационной среде. Но заполнять эти пробелы впопыхах – значит рисковать навязыванием упреждающего контроля, который, будучи оправданным соображениями безопасности, может усугубить отчуждение.

Поэтому, как справедливо утверждается, «законодатель должен занять выжидательную позицию, когда привлекающие его внимание общественные отношения можно будет считать находящимися в «правовом поле для его дальнейшего регулирования». Эта «выжидательность» – не бездействие, а этическая осмотрительность. Она означает: прежде чем вводить норму, надо понять, не ломает ли она то, что право призвано защищать – свободу, достоинство, возможность быть услышанным.

О.Ю. Рыбаков, в свою очередь, подчеркивает, что в обществе рисков, где «деятельностные риски ... продуцируют непрогнозируемые последствия» [3, с. 30], право не может ограничиваться ролью технического регулятора. Оно должно выполнять экзистенциальную функцию: «снимать отчуждающие аспекты жизнедеятельности человека от непропорционально возрастающих технологических потребностей современности» [4, с. 71]. Но это возможно только при условии, что правовая доктрина опирается на абсолютные ценности естественного права, а не на сиюминутную логику эффективности.

Соответственно, в эпоху паноптикума и алгоритмического правосудия естественное право становится не утопией, а стратегией выживания права как гуманного института. А «выжидательная позиция законодателя» – не бюрократическая медлительность, а методологическая ответственность: право должно приходить не как «решение проблемы», а как признание человека в его неповторимости. Иначе оно рискует превратиться в механизм управления, а человек – в его «данные».

В условиях, когда право все чаще рискует превратиться в инструмент управления, а человек – в объект обработки, возвращение к антропоцентрическим основаниям правовой политики перестает быть теоретической рефлексией и становится этическим императивом. Идеи, разработанные в трудах Р.Ф. Степаненко, глубоко укорененные в традиции естественного права, но переосмысленные в условиях цифровой эпохи, предлагают не просто критику, но конструктивный путь: восстановить человека в центре юридического процесса – не как формального субъекта, а как носителя достоинства, субъектности и права на признание своей позиции.

Это наследие проявляется в трех взаимосвязанных направлениях. Во-первых, в утверждении человека не как объекта регулирования, а как центра и цели правовой политики. Во-вторых, в аксиологической реабилитации

процессуальности права как самостоятельной ценности, выражающей уважение к личности уже в самой процедуре. В-третьих, в пророческом предупреждении: в эпоху паноптикума, алгоритмического правосудия и КРП-ориентированного правопорядка только антропоцентрично ориентированная правовая политика способна стать барьером против отчуждения.

Кризис, зафиксированный в научных работах автора, не констатируется ради диагноза – указывается путь его преодоления через возвращение к абсолютным ценностям: достоинству, справедливости, диалогу. Идея «права говорить и быть услышанным как двух частей одного целого», критическое осмысление «бесцельной деятельности» и акцент на процедуре как носителе абсолютных ценностей – все это, в свете ее идей, приобретает особую силу в рамках подхода, делающего человека центром юридического процесса. Именно такой подход становится методологическим компасом для юриспруденции, стремящейся остаться гуманной в мире технологического рационализма. Право, лишенное признания субъектности, перестает быть правом. И именно в этом – не в цитировании, а в продолжении дела – заключается подлинная дань уважения научному наследию Р.Ф. Степаненко: напоминать системе, что ее цель – не управление делом, а защита человека.

Список литературы:

1. Агамиров, К.В. Вынужденные отклонения и прогностические пробелы как категории юридической науки / К.В. Агамиров // Государство и право. - 2019. – № 1. - С. 18-26.
2. Керимов, Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права: Монография / Д.А. Керимов. - 6-е изд. - М.: Изд. Современного гуманит. ун-та, 2011. - 520 с.
3. Рыбаков, О.Ю. Значение права в обществе риска / О.Ю. Рыбаков // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики: Материалы V Национ. науч.-практ. конф. - Казань, 26 февр. 2021 г. - Казань: ИЦ Университета управления «ТИСБИ», 2021. - С. 28-38.
4. Степаненко, Р.Ф. Права человека и проблема отчуждения: философско-правовой дискурс / Р.Ф. Степаненко // Права человека и политика права в XXI в.: перспективы и вызовы: Сб. науч. трудов по итогам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. - Москва, 27-28 мая 2022 г. - Саратов: Изд. «Саратовский источник», 2022. - С. 62-73.
5. Степаненко, Р.Ф. Процессуальность права в аксиологическом измерении: общетеоретические и методологические проблемы / Р.Ф. Степаненко // Вестник гражданского процесса. - 2019. - Т. 9. - № 3. - С. 34-44.
6. Степаненко, Р.Ф. Справедливость и законопорядок: теоретико-методологический аспект / Р.Ф. Степаненко // Государство и право. - 2020. - № 6. - С. 79-89.

7. Степаненко, Р.Ф. Ценность процессуального права: социально-философское измерение / Р.Ф. Степаненко, Г.Н. Степаненко // Право. Порядок. Ценности: для студентов, обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (квалификация «Бакалавр»), магистрантов, обучающихся по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» (квалификация «Магистр»), и аспирантов, обучающихся по направлению подготовки 40.06.01 «Юриспруденция» (квалификация «Исследователь. Преподаватель-исследователь»). - М.: Блок-Принт, 2022. - С. 508-516.

8. Степаненко, Р.Ф. Человек - центр методологии целеполагания в доктрине правовой политики (мировоззренческие и юридические аспекты) / Р.Ф. Степаненко // Основные тенденции развития современного права: право стран БРИКС: Материалы VIII Национ. науч.-практ. конф. (с междунар. участ.). - Казань, 09 февр. 2024 г. - Казань: ИЦ Университета управления «ТИСБИ», 2024. - С. 305-312.

9. Султанов, А.Р. Упрощение судопроизводства, или По ком звонит колокол? / А.Р. Султанов // Вестник гражданского процесса. - 2018. - Т. 8. - № 5. - С. 79-102.

10. Фролова, Е.А. Проблемы теории и философии права / Е.А. Фролова. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Юрлитинформ, 2018. - 304 с.

§ 1.3. Права человека: историко-теоретический анализ

Солдатов Я.В.

В постсоветской отечественной юридической науке права человека являются одной из фундаментальных и наиболее разрабатываемых тем исследований. Они изучаются в различных, как правило, формально-юридических аспектах. Вместе с тем, для более объективного и глубокого понимания данного правового института в настоящее время и перспектив его развития в будущем необходим анализ их содержания, исходя из специфики конкретно-исторических факторов их появления и эволюции. Учитывая законы диалектики человеческого бытия, можно констатировать, что права человека формируются, существуют и реализуются в определенных социально-экономических, политических и историко-культурных условиях. При этом методологически, помимо диалектического, системного, функционального и логического подходов, значительным познавательным потенциалом при их исследовании, как видится, обладает принцип историзма.

Стоит отметить, что права человека, наряду со свободами и юридическими обязанностями, обладают способностью к трансформации, наполнению новым содержанием под влиянием той или иной исторической эпохи. Исследование данных процессов является трудоемким и требует анализа их зарождения, эволюции, выявления закономерностей и тенденций их развития, а также преемственности в отдельные периоды времени. В

рамках данной части работы будет проведен ретроспективный анализ лишь некоторых основных аспектов трансформации системы прав человека.

В первую очередь стоит остановить внимание на таком вопросе, как обусловленность появления прав человека и их содержания политико-правовой, социально-экономической, духовно-культурной спецификой жизни общества. В научных исследованиях на эту тему, как правило, устанавливается привязка появления того или иного вида прав человека к определенной социально-экономической формации или типу цивилизации, то есть признается бесспорным факт детерминированности прав человека конкретными историческими условиями и факторами.

Так, один из ведущих отечественных специалистов в рассматриваемой проблематике, профессор Ф.Н. Рудинский, справедливо отмечал, что «права человека возникли в рамках буржуазной социально-экономической формации и были порождены экономическими и политическими требованиями буржуазии, выступившей за свободную конкуренцию и формальное равенство участников отношений производства и обмена» [4, с. 18]. При этом необходимо понимать, что процесс возникновения новых поколений прав человека является сложным по содержанию и длительным по времени, в некоторых случаях может не ограничиваться временными рамками только одной общественно-экономической формации. Следовательно, факт обусловленности прав человека историческими особенностями конкретного периода эволюции общества является бесспорным, однако оставляет поле для научных дискуссий в части абсолютизации соответствия отдельных прав и свобод строго определенному уровню развития социальных отношений.

По мнению авторитетного российского ученого, профессора М.Н. Марченко, фиксация прав человека в определенном формально-юридическом акте, традиционно ассоциируемая с фактом возникновения того или иного права, является лишь завершающей стадией этого процесса. В качестве примера исследователь приводит Кодекс Наполеона 1804 г., порожденный формированием капиталистической формации, одновременно вобравший в себя ряд положений и прав, зародившихся еще в рамках рабовладения, в частности, закрепленных еще в Законах XII таблиц [3, с. 377]. Этот пример наглядно демонстрирует значимость преемственности в развитии не только объективного права, но и прав и свобод человека. В продолжении своей мысли автор акцентирует внимание на важности учета не только межформационной исторической среды, но и внутрiformационных, порой противоречивых условий возникновения и реализации прав человека. Иллюстрирует данное утверждение ситуация с отношением к правам человека в США в конце XVIII - первой половине XIX вв. (практически одновременное признание ценности прав человека принятием Билля о правах и закрепление на конституционном уровне рабовладельческих отношений) [3, с. 378-379].

Еще одним немаловажным аспектом ретроспективы системы прав человека является поднимаемый в научной литературе вопрос соотношения естественных и позитивных прав. Как известно, первые рассматриваются как незыблемые и неотчуждаемые в силу того, что принадлежат человеку с момента рождения. Позитивные права производны от них, изменчивы, поскольку их содержание обусловлено трансформацией государственного и общественного устройства. Вместе с тем, в научной среде представлена и иная позиция, обосновывающая свойство эволюционирования содержания естественных прав человека как моральной основы позитивного права. В данном контексте необходим анализ аксиологической составляющей естественных прав человека и их социальной ценности на разных этапах исторического развития общества. Действительно, содержание и значение таких прав, как, к примеру, право на жизнь, честь и достоинство личности, существенно видоизменялось с переходом от одной общественно-экономической формации к другой. Это не могло не сказаться и на представлениях людей о естественных правах: от вечного характера на ранних стадиях до их изменчивости на более поздних этапах развития политико-правовой и общественной мысли.

Классики отечественной философии и правоведения (Муромцев С.А., Новгородцев П.И., Ильин И.А., Трубецкой Е.Н. и др.) в своих рассуждениях также отходили от представлений о естественных правах человека в контексте их природного характера, отождествляя их более с моралью, нравственностью, такими социально-философскими категориями, как справедливость, равенство, честь и т.д.

Поднимается в научных исследованиях и вопрос о социальной обусловленности естественных субъективных прав. Бесспорно, взаимодействие человека исключительно с миром природы не может породить каких-либо субъективных прав. Как справедливо отмечает Н.М. Марченко, «вне социальной природы и социальной среды самоузнавание и самопознание человека как носителя прав, свобод и обязанностей полностью исключаются» [3, с. 385]. Данное верное по своей сути утверждение, как видится, не противоречит постулату о неотчуждаемости естественных прав, об их характере, проистекающем от природы человека, а лишь подчеркивает их неразрывную связь с системой общественных отношений.

Из этого следует и взаимосвязь естественного и позитивного права, более того, их взаимная зависимость и способность к взаимному влиянию. Глубина же и степень этого взаимодействия определяются историческими условиями существования и развития конкретного общества и государства. Наиболее ярко подобные процессы прослеживаются в рамках правотворческой деятельности, когда на законодательном уровне происходят признание естественных прав человека, возложение на соответствующих субъектов юридических обязанностей по их соблюдению, охране и защите, закрепление необходимых правовых механизмов.

Рассмотренный широкий подход к пониманию естественного права, выходящий за рамки архаичного отождествления его исключительно с «прирожденностью» и «незыблемостью», выступает одним из весомых аргументов необходимости расширения духовно-нравственных начал объективного права, приведения его содержания в соответствие с ними. Это позволит добиться солидарности субъектов права с сутью правовых установлений, повысить их убежденность в правильности неукоснительного следования нормативно-правовым предписаниям. Следовательно, повысится уровень правосознания и правовой культуры, а законность и правопорядок приобретут более прочный характер.

Стоит особо подчеркнуть, что история человечества настолько сложна и многогранна, что установление взаимосвязи между естественным и позитивным правом прошло очень долгий и сложный путь. Более того, мы можем вспомнить бесчисленное множество примеров как из истории государства и права зарубежных стран, так из отечественной истории, иллюстрирующих не просто отдаление данных феноменов друг от друга, но и их полное содержательное противоречие.

Так, в XVIII веке в России государство проводит политику, направленную на дальнейшее ужесточение правового положения крепостных крестьян и ограничение их естественных прав в современном понимании. К примеру, Петр I устанавливает практику свободной купли-продажи крепостных крестьян (1690 г.). В период абсолютизма достаточно широкое распространение получает институт дарения монархом государственных крестьян дворянам в знак царской милости. Как следствие, они получали статус крепостных и утрачивали свои прежние права. Указом 1724 г. «О перемещении крестьян» ужесточалось ограничение свободы передвижения для этой категории крестьянства. Крепостной, не имевший паспорта или отпускного свидетельства от помещика, объявлялся беглым, если он находился на расстоянии более 30 верст от постоянного места жительства. Екатерина II в 1765-1767 гг., укрепляя вотчинную юрисдикцию помещика над его крепостными, принимает указ, запрещающий крестьянам жаловаться на владельца и позволявший помещику ссылать своих крестьян не только в Сибирь на поселение (подобная практика была введена в правление Елизаветы Петровны), но и на каторжные работы.

Еще больше примеров можно привести из правотворческой практики зарубежных стран. В США, несмотря на принятие на федеральном уровне Билля о правах, в законодательстве большинства штатов содержались нормы, ограничивающие права коренного и афроамериканского населения по расовому признаку. Например, на Конституционном съезде Северной Каролины в 1835 г. свободным не европеоидным мужчинам было отказано в праве голоса. В отношении них устанавливались запреты на ношение оружия, собрания для отправления религиозных обрядов, а также обучение чтению и письму.

Принятие в 1865 г. 13-й поправки к Конституции, отменяющей рабство на всей территории США, является знаковым событием в истории этой страны, однако необходимо отметить, что признание всеми штатами этого факта происходило в течение почти полутора веков (штат Миссисипи официально ратифицировал данную поправку только в 2013 г.). Отмена рабства и завершение гражданской войны привели к появлению в южных штатах печально известных «черных кодексов» и «законов Джима Кроу», направленных на правовое закрепление расовой сегрегации и дискриминации в доступе к различным социальным благам. Дискриминирующие нормы действовали в сфере трудоустройства, транспорта, образования, медицины и др. Под запретом нередко находились межрасовые браки, проживание в населенных пунктах для белого населения («закатные города») и т.д. Устанавливались ограничения по участию в голосовании: вводился избирательный налог и тест на грамотность, которые применялись только к афроамериканцам. Постепенная отмена данных норм произошла лишь в середине XX века.

Истории XX века известны и другие факты нарушения естественных прав человека, основанных на национальных, конфессиональных и идеологических различиях. Немецкие нацисты в ходе очередного «имперского партийного съезда», проводившегося в Нюрнберге в сентябре 1935 г., в целях придания антисемитскому террору законной основы принимают «Закон об имперских гражданах» и «Закон о защите немецкой крови и немецкой чести», получившие в дальнейшем название «Нюрнбергские законы». В соответствии с их положениями евреи лишались права голоса при решении политических вопросов и права занимать должности на государственной и общественной службе, запрещалось заключение брака не евреев с евреями, а уже заключенные браки объявлялись недействительными. За внебрачную половую связь с евреями устанавливалось уголовное наказание.

Проводимая нацистами и их союзниками на оккупированной территории СССР политика геноцида в отношении советских граждан, трагедия холокоста, массовые казни китайского населения японскими захватчиками в период Второй мировой войны и иные вопиющие факты нарушения прав человека побудили мировое сообщество к принятию в середине XX века ряда международных актов, направленных на признание и соблюдение прав человека. Основополагающим документов среди них стала Всеобщая декларация прав человека 1948 г. Таким образом, человечество прошло долгий, сложный и временами трагичный путь осознания ценности человека, его прав, необходимости их охраны и защиты.

Сказанное обуславливает и этапность в становлении и развитии системы прав человека, которая стала одним из основных и наиболее распространенных их классификационных критериев. Исторически в научно-практический оборот он был введен в 70-х гг. XX века чешским юристом, Генеральным секретарем Международного института прав человека Карлом

Васаком, предложившим классифицировать их на три поколения. На первый взгляд, основу данного подхода составляет исключительно хронология возникновения тех или иных прав и свобод. Однако не меньшее внимание уделяется их сущностной характеристике. Выделенные К. Васаком три поколения прав человека соответствовали девизу Великой французской революции: «Свобода, Равенство, Братство».

Так, первое поколение по своей правовой природе олицетворяет Свободу и формировалось в ходе буржуазных революций XVII-XVIII вв. Оно состоит из двух групп прав - личных и политических. Первая группа основывается на естественных правах человека (на жизнь, свободу, свободу вероисповедания и т.д.) и неразрывно связана с ними. Вторая группа включает в себя такие права, как право на свободу мысли и убеждений, на управление государственными делами и др. Большинство прав первого поколения было закреплено в основных законах европейских государств, а также получило международное признание, в том числе в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г.

Второе поколение представлено диалектической триадой прав человека: социальными, экономическими и культурными. Их сущностной характеристикой является социальная ценность Равенства. Исторически данное поколение прав формировалось в XIX-XX вв. и относится к одному их значимых результатов борьбы рабочего класса ряда буржуазных стран за улучшение своего экономического положения. Специфика данного поколения прав заключается в высокой степени условности разделения входящих в его состав прав на три группы. К примеру, до настоящего времени исследователям-правоведам не удалось четко разграничить социальные и экономические права, в том числе по причине того, что конечной целью реализации как социально-экономических, так и культурных прав является устойчивое развитие личности, а также обеспечение достойного уровня жизни каждого человека. Право на труд, отдых, социальное обеспечение, творчество, образование и т.д. в совокупности может гарантировать достижение перечисленных целей. Данное поколение прав человека также признано на международном уровне. Специальным международно-правовым актом является принятый в 1966 г. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Его отличительной особенностью является условная императивность его положений для государств-адресатов, поскольку обязательность обеспечения и соблюдения перечисленных в данном акте прав установлена только в пределах имеющихся у них экономических возможностей. Этим же предопределяется необходимость конкретизации содержания прав второго поколения в отраслевом законодательстве, содержание которого не всегда способствует достижению цели благополучия граждан.

Третье поколение – так называемые права солидарности, которым присущи признаки коллективности, то есть отражающие Братство из

названного революционного девиза. Они формировались в период 1970-1980-х гг., когда возникают глобальные проблемы современности, затрагивающие интересы не одной личности, а общества в целом, что актуализирует общие социальные ценности: всеобщая безопасность, мирное существование, благоприятная окружающая среда и т.д. Одной из отличительных черт этих прав является необходимость активного участия государства в их осуществлении. Нормативно данные права закреплены ст. 28 Всеобщей Декларации прав человека, а также рядом международных конвенций и хартий.

Как видим, концепцию поколений прав человека отличается достаточно глубокой степенью проработанности исторического материала. Однако ввиду того, что она была создана более 50 лет назад, требуется ее дальнейшая разработка. Необходимо учитывать существенную трансформацию общества, произошедшую за этот период (переход от индустриального к постиндустриальному типу), обусловленную, в числе прочего, мощным научно-техническим прогрессом. Как следствие, эволюционировала и система общественных отношений, что повлияло на изменение содержания уже признанных прав человека и породило научные дискуссии о формировании новых. В связи с этим вполне справедливым представляется утверждение, что технологическое развитие социума в аспекте личности послужило основанием для формирования прав человека нового, четвертого по счету, поколения.

Подчеркнем, что вопрос об объективности процесса формирования новых прав фактически не вызывает споров в научном сообществе. Вместе с тем, дискуссии ведутся по содержательному наполнению данной группы прав человека. Нерешенным остается вопрос и о критериях отнесения прав к четвертому поколению. В качестве возможных вариантов рассматриваются хронологический и предметный параметры. Так, достаточно распространенной является точка зрения, согласно которой данное поколение должны составить так называемые соматические права, то есть связанные со здоровьем человека, распоряжением своим телом и т.д. Также достаточно широко в современной научной литературе разрабатывается концепция биогенетических прав человека [1]. Так, М.Ю. Галюкова предлагает понимать под биогенетическими правами «совокупность прав человека, базирующихся на Конституции РФ, результатах и достижениях биомедицины, геной инженерии/биогенетики и НБИК-технологий, направленных на защиту генома человека, генетической информации, обеспечение биобезопасности человека, общества, государства и человечества» [2]. Еще одна позиция заключается в том, что новое поколение составляют информационные права человека. В юридической науке представлены и иные подходы к определению содержания четвертого поколения прав человека.

Не имея своей целью детальный анализ научных дискуссий по данному вопросу, в контексте рассматриваемых аспектов темы отметим, что бесспорной является зависимость системы прав человека от конкретных

исторических условий, которые в настоящее время весьма динамично эволюционируют и определяют дальнейшее развитие концепции прав и свобод человека в ее методологическом, теоретическом, историческом и праксиологическом аспектах.

Список литературы:

1. Галюкова, М.И. Биогенетические права человека: новый вектор развития четвертого поколения прав / М.И. Галюкова // Роль юридических и социальных наук в развитии современного общества: Сб. статей по материалам Всерос. науч.-практ. конф. - Владивосток, 30-31 марта 2023 г. - Владивосток: Изд. Дальневосточного ун-та, 2023. - С. 29-32.
2. Галюкова, М.И. Биогенетические права человека: новый структурный элемент в системе четвертого поколения прав / М.И. Галюкова // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). - 2023. - № 6 (106).
3. Марченко, М.Н. Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исслед.): Учебное пос. - М.: Проспект, 2019.
4. Рудинский, Ф.Н. Методологические проблемы науки прав человека: Сб. науч. трудов юрид. факультета МГПУ. Право и права человека. - Кн. 6. - М., 2003.

§ 1.4. Социальное государство как основа реализации прав и свобод человека

Лягин К.А.

Современная концепция социального государства вызывает большое количество дискуссий и интерпретаций в силу того, что такое государство имеет сложный многоаспектный характер и содержит в себе многообразие различных элементов. Социальное государство можно исследовать через призму различных экономических, социальных и идеологических конструкций, что само по себе не позволяет выработать какое-то общее единое понимание данного феномена. На протяжении многих лет в правовой литературе предлагаются различные подходы к исследованию социального государства как самостоятельного института, поднимаются разнообразные проблемы, имеющие отношения к этой сфере научного познания, а также рассматриваются возможные пути преодоления существующих противоречий. Несмотря на достаточно серьезные временные рамки изучения вопросов, имеющих отношение к социальному государству, самостоятельная концепция такого государства сложилась относительно недавно. На сегодняшний день, на наш взгляд, необходимо подчеркнуть актуальность данной концепции и необходимость продолжения исследований социального государства как самостоятельного института, а также всех основополагающих аспектов его функционирования. Это приобретает особенное значение в рамках

существующей проблемы низкой эффективности реализации прав человека.

Неизбежность формирования теории социального государства как самостоятельной концепции объясняется многообразием соответствующих предпосылок, которые постепенно складывались на протяжении многовековой истории развития государственности. Любой человек по своей природе желает лучших условий для своего существования и подсознательно стремится к этому. В этой связи идеи так называемого всеобщего блага, а также социальной справедливости и равенства начинали формироваться еще в период первобытно-общинного строя и перехода к первичной государственности. Данные идеи можно обнаружить еще в трудах философов Античной эпохи, заложивших элементарные основы социального строя, что в более поздние периоды получило свое всестороннее развитие. На определенном этапе своего развития человечество столкнулось с острейшими социально-экономическими проблемами, которые ставили под угрозу существовавшие политические устои государства. В этой связи со временем достаточно остро встал вопрос о выявлении роли государства и уровня его участия в вопросах справедливого распределения доходов, обеспечении единых прав и свобод для всех социальных групп и индивидов. Вышеуказанные вопросы легли в основу проблематики, которая не теряет своей актуальности сегодня, и решение этих проблем как раз и предложила теория социального государства, по настоящее время находящаяся в состоянии непрерывных преобразований и своего непосредственного совершенствования. В рамках данного исследования мы более подробно остановимся на современном понимании социального государства, рассмотрим его принципы, основные функции и цели, а также роль в контексте эффективной реализации прав человека и гражданина на современном этапе развития общества [5].

Несмотря на относительное единство во взглядах на характеристики социального государства, можно выделить отдельные концептуальные различия, которые влияют на определение его основных функций. В этой связи следует отметить отсутствие единого мнения относительно самостоятельного характера социального государства. Некоторые исследователи, изучающие проблематику данного государства, не признают за ним самостоятельности и призывают рассматривать этот феномен в качестве одной из основополагающих функций государства. В то же время противоположный подход к социальному государству предлагает понимать под данным термином конкретную разновидность государства, обладающую многообразием самостоятельных функций и признаков [4].

Согласно первому подходу, социальное государство представляет собой такое государство, в котором осуществляется проведение определенной политики в социальной сфере и закрепляются основные социально-экономические права граждан. Данное государство осуществляет свои первостепенные функции, реализует установленные цели и задачи, принимая

на себя, в некотором роде, дополнительные обязательства, направленные на обеспечение социальной защиты всего населения. На наш взгляд, данный подход не раскрывает в полном объеме всей сущности социального государства, назначение которого состоит в осуществлении более широкого круга функций и полномочий, а также реализации внутри себя многообразия отдельных существующих сегодня социальных институтов.

Второй подход к современному пониманию социального государства предполагает рассмотрение данного феномена в качестве самостоятельного типа государства, объединяющего в себе совокупность различных правоотношений, охватывающих не только социальную сферу, но и также различные экономические и политические институты.

Принимая во внимание вышесказанное, по нашему мнению, целесообразнее отталкиваться от второго подхода к пониманию социального государства и рассматривать данный феномен в качестве особой разновидности современного государства с высоким уровнем развития, в котором гарантируется социальная защищенность всех граждан посредством эффективной деятельности государства, направленной на регулирование социальной, экономической и других важнейших сфер жизнедеятельности общества, установление в нем социальной справедливости и солидарности.

Переходя от общего представления социального государства к его правовым характеристикам, отметим, что данная концепция основывается на определенной совокупности нормативно-правовых актов, которые направлены на закрепление за всеми гражданами единых прав и свобод, а также устанавливают социальные гарантии, обеспечивающие достойный уровень жизни для каждого человека. У каждого гражданина должен быть одинаковый доступ к таким необходимым благам, как здравоохранение, образование, социальное обеспечение. Достичь этого представляется возможным только при условии осуществления государством соответствующей политики, способствующей устранению неравенства и повышению уровня социальной защищенности. Однако не стоит забывать и о существовании определенных противоречий между социальными и правовыми принципами функционирования государства. Например, когда правовые механизмы не обеспечивают должной защиты социальных прав или когда социальные обязательства сталкиваются с экономическими или политическими интересами. Таким образом, для успешного функционирования социального государства необходимо не только наличие соответствующих юридических норм, но и их правильное использование на практике вкупе с непрерывным совершенствованием действующего законодательства, которое, в свою очередь, должно быть адаптировано под изменяющиеся общественные потребности.

Что касается единства вышерассмотренных принципов, то оно проявляется, прежде всего, через стремление к достижению конкретного

блага, что является основой функционирования современного общества, ведь эффективная реализация социальных благ и обеспечение соблюдения всех прав и свобод каждого конкретного индивида выступают залогом стабильности как общества, так и государства, учитывая их неразрывную связь. При этом отметим, что гарантирование социальной безопасности и материальных благ также выступает важнейшим аспектом реализации социальной политики. Это упрощает получение образования, предоставляет возможности получения качественного медицинского обслуживания, открывает доступ к иным ресурсам, обеспечивающим достойную жизнь для каждого. В перспективе в результате подобной политики должно сформироваться устойчивое общество, в котором будут реализованы права и свободы для каждого индивида.

Основываясь на вышесказанном, мы приходим к выводу, что первостепенным назначением социального государства выступает его деятельность, направленная на гарантированность основополагающих прав и свобод каждого гражданина и борьбу с социальным неравенством. В данном контексте важнейшее значение приобретает реализуемая уполномоченными органами государства правоприменительная политика, целью которой является создание такой нормативно-правовой базы, в рамках которой эффективность действующего законодательства в сфере реализации прав и свобод граждан значительно повысится. На сегодняшний день это реализуется через многообразие существующих гарантий, среди которых закрепляются законность, справедливость, гуманизм, демократизм и ряд иных. Каждый гражданин должен с уверенностью смотреть в будущее, осознавая, что он правомочен самостоятельно принимать решения и быть ответственным за свои действия. В укреплении личных прав, свобод и притязаний всех участников правовых отношений должно быть объективно заинтересовано все общество.

Социальное государство в рамках своей собственной концепции ориентировано на создание таких условий, в которых все субъекты будут иметь одинаковый доступ к любым ресурсам и возможностям, что является стартовой площадкой на пути к стремлению справедливости и гармонии как в рамках всего общества, отдельных социальных групп, так и между конкретными субъектами. Равенство прав всех граждан выступает в качестве основного аспекта модели рассматриваемого нами государства. Это касается не только стремления к достижению высокого уровня обеспечения реализации прав граждан, но и подразумевает устранение дискриминации на основе пола, расы, возраста, национальности, религии и ряда других важных факторов. Важно отметить, что под равенством в данном случае следует понимать не только предоставление государством каких-либо дополнительных возможностей для отдельных социальных страт, хотя этого тоже не следует исключать на определенных этапах развития общества. Скорее, это некое уравнивание всех членов общества в их правах, которое не будет зависеть от каких-либо сторонних условий, а также не подпадать под какие-либо ограничения.

Каждое государство, которое декларирует права и свободы граждан своей высшей ценностью, обязано в рамках своей политики создавать условия, обеспечивающие достойную жизнь и развитие каждой личности. Каждый человек, удовлетворенный качеством жизни в государстве, права и свободы которого будут гарантироваться этим государством, с большей долей вероятности не будет совершать действий, направленных на изменение своего социального статуса или положения в обществе. В результате чего будет обеспечиваться стабильность как в рамках общественных отношений, так и в самом государстве, что, в конечном итоге, окажет непосредственное влияние на реализацию основополагающей цели социального государства, а именно обеспечение соблюдения всех прав и свобод каждой личности.

Более подробно рассмотреть механизм реализации целей и задач социального государства, на наш взгляд, целесообразно через исследование многообразия функций данного государства. Посредством осуществления своих функций государство проявляет свое социальное назначение, поскольку, анализируя содержание деятельности любого государства, мы можем проследить особенности внутренней и внешней политики этого государства, исследовать особенности его структуры и признаков. Основные направления деятельности государства не следует отождествлять с самой этой деятельностью или ее элементами. Функции выражают деятельность государства, которая реализуется в рамках решения поставленных целей и задач, а также выступают в качестве средств осуществления этих задач.

Функции социального государства, прежде всего, характеризуются относительно устойчивым характером, поскольку, как уже отмечалось выше, посредством осуществления определенных функций социальное государство стремится к реализации своего первостепенного назначения, а также целей и задач, которые сохраняют свою значимость на протяжении времени, несмотря на постоянно происходящие изменения социальных, экономических и политических условий. Устойчивость этих основополагающих функций позволяет государству адаптироваться к изменениям, оставаясь при этом верным своим основным принципам. В процессе своего развития, в силу естественных исторических факторов, функции социального государства могут видоизменяться, соответствуя тем потребностям общества, которые актуальны в конкретный период времени. Например, при наличии каких-либо кризисов акцент может смещаться в сторону социальных гарантий и защиты более уязвимых слоев населения, в то время как в условиях роста экономики социальная политика может быть направлена на развитие инфраструктуры и изменение ее в лучшую сторону. Социальное государство закрепляет собственные цели и задачи в виде определенных форм, которые могут изменяться в зависимости от того или иного социального контекста.

Как отмечает Л.Н. Кочеткова, среди многообразия различных функций социального государства можно выделить такие его основные

функции, как ограничительная, обеспечительная и гарантирующая. Назначение ограничительной функции выражается в решении важнейших задач социальной политики государства по ограничению монополизации, регулированию трудовых и экономических отношений, эффективному распределению бюджетных средств на различные социальные нужды. В свою очередь, в рамках осуществления обеспечительной функции государство решает задачи, направленные на социальное страхование и социальное обеспечение населения, предоставляет гражданам возможность получения образования и квалифицированной медицинской помощи, обеспечивает занятость и постоянный рост доходов населения, оказывает воздействие на духовно-культурное развитие человека. Гарантирующая функция предполагает закрепление за государством определенных обязательств перед своими гражданами, которые должны обеспечиваться и гарантироваться на федеральном уровне посредством их конституционного закрепления. В частности, речь идет о предоставлении необходимых прав и свобод каждому индивиду в различных областях регулирования общественных отношений, вне зависимости от его статуса и социального положения в обществе.

По мнению Н.А. Володиной, функции социального государства также можно рассматривать в контексте их подразделения на внутренние и внешние. К первой группе следует относить хозяйственно-организаторскую функцию, подразумевающую под собой организацию производства, поощрение предпринимательства, управление внутренней торговлей, взимание налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджет. Кроме того, в рамках данной функции осуществляется управление образованием, наукой, культурой; большое внимание уделяется заботе о личности и, в первую очередь, поддержке социально незащищенных слоев населения; реализуется защита прав, свобод и законных интересов граждан; обеспечиваются охрана правопорядка, наказание преступников и иных лиц, совершивших противоправные поступки. В свою очередь, вторую группу составляют культурный, научный и информационный обмен с другими государствами. Государство на международном уровне контролирует обеспечение прав, свобод и законных интересов граждан во всех странах мира, а также участвует в реализации межгосударственных экологических, культурных и социальных программ [1].

Функции социального государства через реализацию и взаимодействие друг с другом образуют многоаспектную самостоятельную систему, которая должна стремиться к адаптации относительно часто меняющихся условий и потребностей современного общества. Социальная политика, в зависимости от особенностей экономической ситуации, культурных и исторических факторов, может меняться параллельно реализации этих функций. Каждая функция важна для формирования справедливого и устойчивого общества. Важно уметь находить правильный вектор и балансировать между данными функциями в соответствии с требованиями

человека и вызовами времени. Это постоянный процесс, который будет иметь свою актуальность в различные исторические периоды, поскольку общество в процессе своего постоянного развития всегда будет нуждаться в регулировании отношений в социальной сфере и без вмешательства государства это не представляется возможным. Функции социального государства имеют определенную направленность на достижение как социальных, так и экономических целей. Решение таких социальных задач, как выравнивание условий жизни, сглаживание социального неравенства, повышение уровня личного потребления, одновременно способствует решению и таких экономических задач, как мотивация повышения производительности труда, увеличение потребительского спроса, предотвращение социальных конфликтов и учет изменения роли человека на производстве.

Таким образом, подводя определенные итоги, отметим, что концепция социального государства, изучаемая современными исследователями, останавливает внимание на необходимости создания таких условий, при которых стремительно повышался бы уровень жизни как общества в целом, так и отдельных его членов. Этого можно достичь только через призму комплексного подхода, который включал бы разработку мер в различных сферах: здравоохранения, образования, социального обеспечения. Развитое социальное государство должно гарантировать социальную и правовую защищенность населения, чтобы все общественные и государственные институты функционировали исключительно в плоскости права, признавая, закрепляя и обеспечивая права и свободы всех граждан. Одновременно с этим, социальная политика должна иметь всеобъемлющий характер, содержать в себе меры, направленные на борьбу с социальным неравенством, незаконным принижением или даже игнорированием прав отдельных категорий лиц. Кроме того, социальная политика государства должна самым непосредственным образом обеспечивать доступ ко всем ресурсам и услугам, которые необходимы каждому человеку для полноценного удовлетворения всех его потребностей.

Достичь всех вышеописанных целей в рамках проведения соответствующей политики социального государства представляется возможным только лишь посредством достижения определенной политической и социальной стабильности через проведение конструктивного диалога между различными социальными группами, обеспечивая при этом легитимность и доверие к своим институтам. Стремление к социальному развитию государства представляет собой очень многоуровневый и длительный процесс, в который вовлечены, не только соответствующим образом уполномоченные представители государства, но и все общество в целом, отдельные социальные группы и каждый индивид, в частности. Достижения всех обозначенных целей и задач социального государства, что является важнейшим этапом на пути к построению непосредственно самого стабильного социального государства, можно добиться только через сотрудничество государства и общества. А

построение такого государства, в свою очередь, является необходимой основой для реализации всех прав и свобод человека и гражданина в современном обществе.

Список литературы:

1. Володина, Н.А. Социальное государство: цели, функции, принципы / В сб.: Транспорт. Экономика. Социальная сфера: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., 2014. - С. 15-18.

2. Кочеткова, Л.Н. Социальное государство: цели и функции // Социально-гуманит. знания. - 2008. - № 3. - С. 68-79.

3. Лягин, К.А. Современные направления правовой политики России в области защиты прав и свобод личности / К.А. Лягин, Р.Р. Рахматуллин // Правовые механизмы защиты прав человека и гражданина в современных условиях: Материалы Науч.-практ. конф. (к 25-летию Университета управления «ТИСБИ»). - Казань, 03-05 окт. 2016 г. - Казань: ИЦ Университета управления «ТИСБИ», 2016. - С. 47-49. - EDN YNPAIT.

4. Нечаева, Е.Г. Социальное государство: самостоятельные направления деятельности // Право и государство. - 2007. - № 5 (29).

5. Савин, В.М. Современное состояние и проблемы социального государства в России: общетеоретический и историко-правовой аспект / В.М. Савин, К.А. Лягин // Право, экономика и управление: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. - Чебоксары, 09 июля 2021 г. / Чувацкий гос. инст. культуры и искусств» Мин-ва культуры по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики. - Чебоксары: Изд. дом «Среда», 2021. - С. 189-192.

§ 1.5. Принципы правового статуса личности в России

Фролова Е.А., Лесив Б.В., Меликовский А.А.

Профессоров Мезяева Александра Борисовича и Степаненко Равию Фаритовну мы знали лично. Это авторитетные ученые, труженики на научном поприще, интеллектуалы и замечательные педагоги, внесшие неоспоримый вклад в юридическую науку. Но хотелось бы обратить внимание и на другую сторону их жизнедеятельности. Обладатели высоких должностей, докторских ученых степеней и почетных званий, которые они имели заслуженно, Александр Борисович и Равия Фаритовна были очень отзывчивыми и внимательными людьми. С Александром Борисовичем мы работали вместе (к сожалению, не очень долго) в качестве членов Диссертационного совета на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Скромный и доброжелательный человек, хороший специалист и профессионал своего дела, очень ответственный и приятный в личном общении, он создавал вокруг себя атмосферу спокойствия, надежности и радости. С Равией Фаритовной мы тесно общались порядка десяти лет на уровне межфакультетского сотрудничества и лично.

Прекрасный человек и организатор, ответственный и радеющий всем сердцем за учеников и молодых коллег, действительно поддерживающий всех знакомых и незнакомых ей коллег и в личном, и в профессиональном плане – человек с огромным добрым сердцем! Можно было только удивляться ее колоссальной жизненной силе, с которой она всегда и с радостью приветствовала очный формат наших научных и учебно-образовательных мероприятий, отстаивала культурологический характер теоретико-правовой науки в современные непростые времена, боролась за решение проблем политики права, где в качестве ориентира развития предлагала поставить потребности и интересы человека.

Говорить о Равие Фаритовне и Александре Борисовиче в прошедшем времени невозможно – их энергетика присутствует здесь и сейчас, наполняя нас уверенностью в необходимости продолжить начатые ими научные проекты, прежде всего, социокультурной и аксиологической направленности. Этим проблемам и посвящена данная работа.

* * *

Тема прав человека – классическая для юриспруденции, она отражает не только конкретную деятельность государства по защите прав и свобод человека на исторически-конкретном отрезке времени, но и, в более широком смысле, на цивилизационном уровне трактует взаимоотношение личности и государства, в связи с чем данная проблематика актуальна как для фундаментальных, так и для отраслевых юридических наук.

На протяжении многовековой истории отношение к личности, пониманию природы человека и его месту в окружающем мире существенно различалось, начиная от подхода «человек есть мера всех вещей» до роли «винтика» в системе механизма государства [7; 11; 12]. На доктринальном уровне можно проследить конкуренцию идей между коллективистским и личностным началами, с перевесом то в одну, то в другую сторону. Применительно к российской государственности эту проблему блестящим образом проиллюстрировал Б.С. Эбзеев: «...Проблема заключается совсем не в том, чтобы отдать коллективное начало организации социума под суд научной философии или заменить системоцентризм персоноцентризмом, а в том, чтобы найти баланс между частным и публичным и согласовать индивидуальное эго с общим благом. (...) Конституционный идеал заключается в синтезе двух начал: сильного и дееспособного государства, могущего своим позитивным воздействием охватить все сферы жизни общества, и свободной, гарантированной в своих неотъемлемых правах личности» [13, с. 31].

В юридической науке можно встретить разные подходы к определению составляющих правовой статус личности элементов. Тем не менее, общепризнанно к ним относят основные права, свободы и обязанности личности. При этом имеются в виду главным образом конституционные права и обязанности, характеризующие в целом отношения личности и

государства, тогда как права и обязанности, возникающие при вступлении в частноправовые отношения, относятся к понятию правового положения участников соответствующих отношений. В этом плане заслуживает внимания также замечание М.С. Строговича о том, что структурными компонентами правового статуса личности, помимо прав и обязанностей, становятся гарантии прав (с этим был согласен Л.Д. Воеводин [1]) и юридическая ответственность за выполнение обязанностей [10, с. 33-35], поскольку последние являются продолжением и закономерным правовым следствием первых, обеспечивая реальность прав и действенность обязанностей.

Вместе с тем, взгляд на положение индивида в структуре современного общества был бы неполным, если бы перечисленные элементы рассматривались в отрыве от современной концепции прав человека (концепции публично-правового статуса личности) и от принципиальных начал, непосредственно следующих из этой концепции. Так, современная концепция прав человека основана на взаимодополняющем сочетании трех универсальных аксиоматических установок: (1) признание каждого человека субъектом в глазах закона; (2) признание всеобщего равенства людей и их равноправия; (3) неисчерпаемость прав человека исключительно государственной волей и содержанием государственных актов [8, с. 106-107]. Если бы права, свободы и обязанности в качестве структурных элементов статуса личности рассматривались изолированно от указанных аксиоматических установок, то, во-первых, они немногим отличались бы по своему гарантирующему эффекту от тех, которые имели место в течение не самых благоприятных для индивида периодов истории государства и права (позднее Средневековье, Новое и начало Новейшего времени). Во-вторых, познание их юридического содержания и защитного потенциала было бы существенно ограничено. Напротив, рассмотрение отдельных прав, свобод и обязанностей в аспекте современной концепции прав человека и прямо вытекающих из нее принципов правового статуса личности открывает возможности преломления соответствующих норм конституционного и международного права к конкретным ситуациям в их общем нормативно-ценностном контексте и, как следствие, возможность подбора такой правозащитной стратегии в каждом конкретном деле, которая наиболее полным образом отвечала бы конкретному вызову, брошенному правам человека.

Конституция Российской Федерации не просто восприняла указанную современную концепцию прав человека и гражданина, но шагнула еще дальше международно-правовых актов в сфере прав человека, принятых в послевоенное время, и воплотила собой один из наиболее прогрессивных нормативных подходов к защите основных прав и свобод. Как показал А.И. Ковлер, наша Конституция «может войти в учебники как яркий образец удержания всего положительного, рационального, эффективного, что наработано опытом конституционных реформ в современном мире» [4,

с. 9]. Благодаря богатой практике конституционного правосудия этот подход продолжил развиваться и сформировал надежную основу правового статуса личности. Анализ российской конституционной парадигмы, проведенный В.Д. Зорькиным, максимально точно резонирует с траекторией эволюции правового статуса личности. Подчеркивая значение жертвы, принесенной во имя мира во Второй мировой войне, В.Д. Зорькин объясняет, что «Конституция России целиком и полностью находится в русле этой общемировой тенденции, поскольку в ее основе лежит принцип приоритета прирожденных и неотчуждаемых прав человека» [3, с. 61]. Более того, «текст Конституции предопределяет выбор в пользу человекоцентристской доктрины правопонимания». Подчеркивая важность конституционных положений о неотчуждаемости и первичности прав человека для понимания пределов политической дискреции государства, В.Д. Зорькин справедливо утверждает, что данная парадигма различает право и закон, отдавая верховенство именно правовому закону, поскольку, как он подчеркивает, «политическая власть не может навязать все, что захочет» [3, с. 72].

Таким образом, если вышеупомянутая концепция прав человека представляет собой целостную основополагающую идею и общий принцип, в соответствии с которым строятся отношения индивида с обществом и государством, то содержательные (материальные) принципы правового статуса человека и гражданина выступают в качестве самостоятельных структурных элементов этой концепции – идейных векторов и ориентиров, которые оказывают уже вполне ощутимое регулирующее воздействие на указанные общественные отношения. Они обладают нормативным содержанием и непосредственно применяются на практике, особенно когда отсутствует норма, необходимая для разрешения спора [2]. Тем самым принципы правового статуса личности оказывают системное влияние на разрешение конкретных вопросов, возникающих в сфере прав человека, выступая руководящими указаниями как для законодателя, так и для правоприменителей [6].

В России принципы правового статуса человека и гражданина являются конституционными принципами, поскольку следуют напрямую из положений Конституции и, как указал Конституционный Суд, сопоставимы с основами конституционного строя (например, постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 13 марта 2008 г. № 5-П, от 2 декабря 2013 г. № 26-П и др.); некоторые из них сами по себе являются таковыми – например, высшая ценность прав и свобод, закрепленная в ст. 2 Конституции, или единое и равное гражданство, закрепленное в ст. 6 Конституции, и т.д. Конституционные принципы статуса личности обладают особой стабильностью, поскольку содержатся в главах 1 и 2 Конституции России (положения глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием), а их нормативное содержание последовательно раскрывается и развивается Конституционным Судом в

ходе рассмотрения конкретных законодательных решений по жалобам на нарушение конституционных прав или по запросам судов.

Как уже было сказано, ряд таких принципов является содержательным продолжением концепции прав человека. Высшая ценность человека и его прав, их неотъемлемость и непосредственное действие и целеполагающая направленность деятельности государственных органов на реализацию этих прав безоговорочно утверждают любого человека в качестве субъекта перед лицом закона и государства. В совокупности с принципом уважения достоинства личности соответствующие конституционные нормы означают, что ни государству, ни какой-либо организации или группе лиц не позволено при принятии властных или публично-значимых решений, затрагивающих права человека, относиться к конкретным людям в качестве объекта своей деятельности. В этой связи можно вспомнить вторую формулу категорического императива Канта, согласно которой следует смотреть на человека только как на цель и никогда не относиться к нему как к средству; человек не должен оцениваться государством как «винтик» в системе своего механизма. Категорический императив, как заметила Р.Ф. Степаненко, «уподобляет всякого человека образу и подобию Бога, высшей ценности, наставляя всех к исполнению нравственного долга как по отношению к себе, так и к другим, созерцая в другом абсолютную ценность. Обязывающая, общеобязательная и неоспоримая сила нравственного закона И. Канта содержится во внутренних сферах человекозаконодательства» [9, с. 111]. Человек является субъектом, наделенным разумом и разделяющим общее человеческое достоинство, чьи интересы и способность к осмысленным действиям должны приниматься в расчет при принятии касающихся его решений. Это является прямым следствием описанной ранее эволюции парадигмы отношений между государством и личностью, которая характеризуется меткими словами В.М. Гессена: «В абсолютном государстве индивид - объект власти; в государстве конституционном - субъект прав». В современной публично-правовой плоскости это означает, что законодатель и органы публичной власти при осуществлении конституционных полномочий обязаны рассматривать людей не в качестве объектов регулирования или управления (наравне с вещами, деньгами, экономическими проектами и пр.), а в качестве разумных субъектов права, взаимодействие которых порождает общественные отношения и которые способны руководить своим поведением исходя из установленных правил и общих требований заботы и осмотрительности.

Конституционный Суд подтвердил указанный принцип, указав, что поскольку по смыслу статей 21 (ч. 1) и 45 (ч. 2) Конституции в сфере любых правоотношений личность выступает не как объект государственной деятельности, а как полноправный субъект, который может защищать свои права и свободы всеми не запрещенными законом способами и оспаривать деятельность государства в лице любых его органов, гарантии судебной защиты долж-

ны быть достаточными для того, чтобы обеспечить конституционным правам и свободам эффективное и реальное действие, а суды при рассмотрении дел обязаны исследовать фактические обстоятельства по существу, не ограничиваясь установлением формальных условий применения нормы.

Еще одним системообразующим элементом современного российского правопорядка в рассматриваемом аспекте является принцип прямого действия прав человека. Составляя одну из основ конституционного строя России и следуя из ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации, принцип прямого действия равным образом распространяется на закрепленные в главе 2 положения о правах человека и гражданина. Статья 18 Конституции прямо указывает на то, что права и свободы являются непосредственно действующими. Этот принцип имеет особое значение в действующей системе публичного права, поскольку он отменил советский подход к формальной роли конституции в качестве декларативного идеологического документа и привел к пересмотру концепции «зависимых прав».

В отличие от советской модели опосредованного действия конституции, требовавшего принятия законодательных и других нормативных актов (т.е. одобрения государственных органов) для реализации конституционных прав, Конституция России исходит из принципа прямого действия закрепленных в ней основных прав. Помимо прочего, именно это позволяет Конституционному Суду по жалобам граждан признавать неконституционными акты законодателя, нарушающие конституционные права. Кроме того, отказ от концепции «зависимых прав» отразился и на организации главного надзорного и правоохранительного ведомства России: надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина стал самостоятельной отраслью прокурорского надзора, отдельной от надзора за исполнением законов (глава 2 раздела III Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»).

Конституционный и Верховный суды неоднократно указывали на принципиальную возможность непосредственного применения конституционных норм о правах человека и гражданина, поскольку права и свободы определяют смысл иных, в том числе конституционных, норм и деятельность государственных органов. На практике это означает, в самом наглядном виде, например, что человек не может быть задержан или иным образом лишен свободы без решения суда более чем на 48 часов (ч. 2 ст. 22 Конституции РФ) или может не свидетельствовать против себя и своих близких родственников (ч. 1 ст. 51 Конституции РФ), при этом для реализации таких прав не требуется принятия федерального закона, если самой Конституцией это не предусмотрено.

Правовой статус личности неразрывно связан с вопросами публичного права еще и потому, что Конституция РФ прямо устанавливает принцип обусловленности деятельности государства правами человека. Признание,

соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – это одна из основных конституционных обязанностей государства (ст. 2 Конституции РФ). В свою очередь, ст. 18 Конституции указывает, что права и свободы определяют не только деятельность органов законодательной и исполнительной власти, органов местного самоуправления, но также смысл, содержание и применение любых законов. При беглом прочтении указанной конституционной нормы может остаться не замеченным содержащееся в ней и связанное с концепцией прав человека сущностное разграничение функций в системе разделения властей. Если в отношении законодательной и исполнительной властей права и свободы определяют смысл законов и, следовательно, их текущей деятельности, то предназначение судебной власти – обеспечивать права человека правосудием. Эта дихотомия политической и правовой ветвей власти [6] ставит справедливый суд в особенное положение, возлагая на него специальную миссию и наделяя повышенными конституционными гарантиями независимости [5] для возможности эффективно обеспечивать то, что признается высшей ценностью (человек, его права и свободы – ст. 2 Конституции России). В частности, уровень реализации основных прав первого поколения не зависит столь сильно ни от законодательной, ни от исполнительной власти. Если они не обеспечиваются, то не обеспечиваются именно правосудием, выступающим прямой конституционной гарантией прав человека. Конституционное разграничение политической и правовой компетенций нашло отражение в базовых принципах осуществления правосудия – судам запрещено проверять целесообразность решений, принимаемых политическими органами (п. 62 постановления Пленума Верховного Суда от 27 сентября 2016 г. № 36), и, следовательно, санкционировать вмешательство в права граждан с точки зрения политической целесообразности. Ориентиром для судей служат только Конституция и федеральный закон (ч. 1 ст. 120 Конституции РФ).

Приведенный обзор принципиальных начал правового статуса личности в современном российском правовом порядке, с учетом формата настоящей работы, не претендует на исчерпывающий характер. Среди принципов, оставшихся за рамками данного анализа и, безусловно, заслуживающих отдельного внимания, следует иметь в виду принципы равенства и равноправия, принцип правовой определенности, принцип пропорциональности (соразмерности), запрет умаления прав и свобод и ряд других. Кроме того, нельзя забывать, что статус личности в демократическом обществе современного типа невозможно представить без принятия каждым на себя определенных обязанностей «перед всеми» (т.е. перед обществом), поскольку только при этом условии и возможно обеспечение самого по себе режима прав человека. Несостоятельность подхода «абсолютной свободы» была давно обнаружена в истории правовой мысли и, надо сказать, нашла прямое отражение даже во Всеобщей декларации прав человека (п. 1 ст. 29).

Список литературы:

1. Воеводин, Л.Д. Юридический статус личности в России. - М., 1997. - 304 с.
2. Гаджиев, Г.А. Принципы права и право из принципов: конституционные суды и законодательные органы – друзья и соперники на арене конституционной политики // Сравнительное конституционное обозрение. - 2008. - № 2 (63). - С. 22-45.
3. Зорькин, В.Д. Лекции о праве и государстве. - СПб.: Конституционный Суд Российской Федерации, 2024. - 352 с.
4. Ковлер, А.И. Конституция России как сравнительный проект (к истории создания Конституции Российской Федерации) // Ж-л зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. - 2019. - № 1 (74).
5. Лесив, Б.В. Уважение к суду как конституционная ценность: формирование доктрины // Судья. - 2019. - № 9. - С. 32-39.
6. Лесив, Б.В. Уважение к суду: теоретико-правовой генезис // Юрид. наука в современном мире: Россия и Болгария: Монография / Под общ. ред. Е.А. Фроловой. - М.: Проспект, 2020. - 584 с.
7. Меликовский, А.А. Теоретическая юриспруденция: Учебно-метод. пос. / А.А. Меликовский. - М., 2022. - 104 с.
8. Публичное право / Под ред. В.А. Виноградова. - М.: Проспект, 2025. - 624 с.
9. Степаненко, Р.Ф. Человек в современной этико-правовой реальности (к юбилею И. Канта) // Понятие права: история и теория (к 300-летию со дня рождения Иммануила Канта) / Отв. ред. Е.А. Фролова. - М., 2025. - С. 105-114.
10. Строгович, М.С. Вопросы теории прав личности // Философия и современность. - М., 1976. - С. 33-35.
11. Фролова, Е.А. История политических и правовых учений: Учебник. - 2-е изд., перераб. и доп. - М., 2025. - 528 с.
12. Фролова, Е.А. Рациональные основания права: классика и современность: Монография. - 2-е изд, испр. и доп. - М., 2023. - 576 с.
13. Эбзеев, Б.С. Государство как «образ и действительность разума», или Конституция России о гражданском мире и согласии / Ценность права (к 100-летию со дня рождения О.Э. Лейста): Монография / Отв. ред. Е.А. Фролова. - М.: Проспект, 2025. - 576 с.

Глава 2. Права человека в национальной истории и научной рефлексии

§ 2.1. Правовое положение удельных крестьян по «Учреждению об Императорской фамилии» 1797 г.

Ливенцев Д.В.

Удельные крестьяне появились после издания императором Павлом I нормативно-правового акта «Учреждение об императорской фамилии». До данного документа эти крестьяне находились в юридическом статусе дворцовых крестьян. Император Павел I в свое недолгое правление законодательно укрепил власть русских монархов [2] и обозначил юридический статус императорской фамилии [1, с. 101-103]. Источником гарантированного благосостояния великих князей и великих княжон стал департамент уделов Российской Империи, распределявший земельные владения, населенные удельными крестьянами [12, с. 457].

Надо сказать, что удельные крестьяне не были обделены вниманием исследователей. Среди работ историков можно выделить следующие диссертации:

1. С.С. Бразевич – кандидатская диссертация об удельных крестьянах Санкт-Петербургской губернии [3].

2. Н.П. Гриценко – докторская диссертация об удельных крестьянах Среднего Поволжья [5].

3. Ю.Н. Красникова – кандидатская диссертация об удельных крестьянах северо-запада России [9].

4. С.В. Орлов – кандидатская диссертация об удельных крестьянах Алатырского удельного округа [11].

5. Н.С. Половинкин – кандидатская диссертация об удельных крестьянах Приуралья [13].

Общие проблемы повседневной жизни императорской фамилии рассматривает кандидатская диссертация по истории Е.Н. Старовойтовой [14].

Если говорить о юридических исследованиях, то необходимо отметить докторскую диссертацию В.В. Денисенко о легитимности права на власть [6] и кандидатскую диссертацию С.А. Мельникова о юридической процедуре наследования российского престола [10].

Уже в нормативно-правовом акте «Учреждение об императорской фамилии» император Павел I законодательно закрепил многие моменты, связанные с правовым положением удельных крестьян [8]. В своих научных работах исследователь Н.В. Дунаева отмечала, что удельные крестьяне относились к формально «свободным сельским обывателям» [7]. Основы упомянутой формальной свободы по отношению к другим категориям зависимого крестьянства и заложил нормативно-правовой акт «Учреждение об императорской фамилии».

Задачей данного исследования является научный анализ правового положения удельных крестьян по нормативно-правовому акту «Учреждение об императорской фамилии», изданному императором Павлом I 5 апреля 1797 г.

Прежде всего, для крестьян императорской фамилии под руководством департамента уделов было учреждено внутреннее сельское управление. В уездах, где компактно проживали удельные крестьяне, в самом большом поселении вводились Приказы. В состав каждого приказа, входили следующие выборные лица из удельных крестьян:

1. Приказной староста.
2. Казенный староста.
3. Писарь.
4. Сельский выборный от каждого удельного села.
5. Деревенский выборный от каждой уездной деревни.
6. Ктитор от каждой церкви в удельных поселениях.
7. Десятский от каждых десяти дворов удельных крестьян [15, с. 67].

Выборные лица должны были являться примером крепких и зажиточных удельных крестьян. Приказного и казенного старост вместе с писарем выбирали один раз в пять лет, а у других должностных лиц проводились ежегодные выборы.

У всех приказных должностных лиц внутреннего сельского управления имелся ряд служебных обязанностей:

- Собирать по сигналу колокола сельские и деревенские сходы удельных крестьян.
- Обнародовать любые законодательные акты, касающиеся удельных крестьян.
- Поддерживать среди удельных крестьян добрые нравы в их повседневной жизни.
- Следить за соблюдением удельными крестьянами церковных обрядов.
- Предостерегать односельчан от возможных преступных деяний.
- Выявлять беглых крестьян и преступников.
- Пресекать попытки удельных крестьян заняться нищенским промыслом.
- Надзирать за границами земельных участков удельных крестьян.
- Обеспечивать эффективное скотоводство в поселениях удельных крестьян.
- Поощрять среди удельных крестьян занятия огородничеством.
- Вводить новые методы обработки сельскохозяйственных земель среди уездных крестьян.
- Поощрять развитие среди удельных крестьян кустарных промыслов и ремесел.

- Содействовать в создании удельными крестьянами фабрик и мануфактур.

- Предупреждать болезни, которые могут привести к массовому падежу скота.

- Контролировать строительство жилья удельными крестьянами.

- Создавать новые поселения для удельных крестьян.

- Наблюдать за строительством речных запруд и чистой воды в сельских и деревенских колодцах.

- Заставлять удельных крестьян строго соблюдать правила пожарной безопасности.

- Следить за чистотой на улицах сел и деревень в поселениях удельных крестьян.

- Ежегодно составлять списки удельных крестьян, наиболее отличившихся в сельскохозяйственной работе.

К обязанностям казенного старосты относились сбор с удельных крестьян всех видов податей и своевременное предоставление их чиновникам департамента уделов.

Приказные старосты исполняли следующие функции: мирили поссорившихся односельчан, представляли интересы удельных крестьян во время судебных заседаний, опекали вдов и сирот, надзирали за правильным ведением сельскохозяйственных работ.

Ктитору должны были оберегать от порчи церковное имущество и следить за соблюдением удельными крестьянами религиозных обрядов русской православной церкви [15, с. 68].

Все должностные лица сельского внутреннего управления подчинялись чиновникам губернской удельной экспедиции. Все распоряжения выборных удельных крестьян заносятся в специальные книги. Управленческая деятельность выборных лиц оплачивалась за счет удельного сельского общества денежными суммами:

1. Приказной староста – 20 руб. в год.

2. Казенный староста – 15 руб. в год.

3. Писарь – 15 руб. в год.

4. Сельский выборный от каждого удельного села – 10 руб. в год.

5. Деревенский выборный от каждой уездной деревни – 10 руб. в год [15, с. 69-70].

Должности ктитора и десятского не оплачивались, но им предоставляли льготы при сборе податей и освобождали от других видов общественных работ.

Всем выборным лицам из удельных крестьян предоставляли дни для ведения собственного хозяйства. За словесное оскорбление выборного лица удельные крестьяне платили денежные штрафы от 50 коп. до 1 руб., а за физическое оскорбление полагались тройная денежная плата или временное

тюремное заключение.

Ежегодно при общем сборе должностные лица внутреннего самоуправления вручали денежные премии удельным крестьянам, достигшим значительных успехов в ведении сельского хозяйства.

Ктиторы должны были помогать священникам организовывать при каждой церкви сельские школы для детей от 6 до 10 лет. Каждый год составлялись реестры крестьянских детей, достигших лучших результатов в учении. После чего, родителей отличившихся учеников освобождали от части податей и повинностей. Подобный подход стимулировал получение начального образования детьми удельных крестьян [15, с. 71-72].

Если у стариков из среды удельных крестьян не оставалось родственников и они были вынуждены из-за своей нетрудоспособности заниматься нищенским промыслом, то сельский священник вместе с ктитором организовывали на денежные средства при церкви богадельню. Помимо казенных денег для содержания богадельни, в церкви стоял специальный ящик для пожертвований удельных крестьян.

Всем должностным лицам Приказов внутреннего сельского управления предписывалось препятствовать бракам с участием несовершеннолетних среди удельных крестьян. Родственникам, отдавшим несовершеннолетнего ребенка возрастному супругу, грозило тюремное заключение.

Штрафы, взысканные с удельных крестьян в течение года, поступали в кассу Приказа внутреннего сельского управления. С разрешения чиновников департамента уделов выборные лица могли потратить деньги на следующие нужды Приказа:

- Закупка бумаги.
- Закупка свечей.
- Содержание богаделен для нищих удельных крестьян.
- Повседневные потребности сельского общества удельных крестьян

[15, с. 73-74].

Отдельно оговаривалось, что должностные лица внутреннего сельского управления должны были при каждой богадельне организовывать госпитали для удельных крестьян. Упомянутое медицинское учреждение должно было соответствовать ряду параметров:

- Располагаться рядом с рекой.
- Строиться на высоком месте.
- Обладать просторными внутренними помещениями.
- Иметь отдельные мужские и женские отделения.
- Иметь помещение для карантина заразных больных.

Для госпиталя департамент уделов выделял штатных оплачиваемых лекаря и подлекаря, выполнявшего функции аптекаря. Из местных удельных крестьян для мужского и женского отделений госпиталя нанимали смотрителей

мужского и женского пола.

В свою очередь, выборные лица внутреннего сельского управления должны были заставить лекаря и подлекаря следовать в их работе правилам для сельских госпиталей, разработанным департаментом уделов.

При каждом Приказе должностные лица внутреннего сельского управления в обязательном порядке организовывали хлебный магазин. Для строительства хлебного магазина чиновники департамента уделов снабдили выборных лиц строгой ведомственной инструкцией:

1. Строить хлебные магазины на значительном удалении от сел и деревень удельных крестьян для избежания возможного пожара.

2. Процесс строительства хлебного магазина поручается самым авторитетным и проверенным в деле выборным лицам внутреннего сельского управления.

3. Для ежегодного наполнения хлебного магазина учредить среди удельных крестьян следующие продовольственные сборы:

- С каждой озимой десятины – полпуда ржи.
- С каждой яровой десятины – десять фунтов овса.
- Десять фунтов гречи.

4. Ежегодный хлебный сбор с удельных крестьян должен осуществляться безостановочно.

5. Хлеб, пролежавший два года в магазине, подлежит немедленной продаже, а на вырученные денежные средства восполняются заново хлебные запасы.

6. За продажей хлеба должны надзирать все должностные лица внутреннего сельского управления.

7. Возможна обмена двухгодичного хлеба на хлеб нового урожая у местных удельных крестьян.

8. Местные удельные крестьяне имеют право воспользоваться хлебом из магазина для посева и прокормления в ряде случаев:

- С разрешения выборного старосты.
- С условием возврата хлеба при первом урожае.
- С займом хлеба не больше по весу четырех пудов.

9. Чиновники департамента уделов обязаны вести строгий учет количества хлеба в магазине. Ежегодно выборные должностные лица внутреннего управления представляли в департамент уделов следующую информацию о хлебных магазинах:

- Количество хлеба в магазине.
- Сколько лет хранится хлебный запас в магазине.
- Объем ежегодных хлебных сборов с удельных крестьян.
- Количество хлебных займов местным удельным крестьянам.
- Возвращение хлебных займов местными удельными крестьянами.
- Качество хлеба, хранящегося в магазине.

- Возможность обмена у местных удельных крестьян хлеба прежних лет на свежий хлеб нового урожая [15, с. 75-76].

Если по ходатайству выборных должностных лиц внутреннего сельского управления удельный крестьянин отлучался из села или деревни на промысел для заработка денег, то ему надо было получить разрешение от чиновников департамента уделов.

Отдельный пункт нормативно-правового акта предостерегал приказных и казенных старост с другими выборными должностными лицами от возможных служебных злоупотреблений и напоминал об их ответственности перед законом.

Таким образом, нормативно-правой акт «Учреждение об императорской фамилии» узаконил среди удельных крестьян, которыми владели представители императорской правящей фамилии, местное самоуправление. Внутренне самоуправление удельных крестьян состояло из следующих выборных лиц, объединенных в Приказ: приказной староста, казенный староста, писарь, ктитор, сельский староста, деревенский староста и десятский. В задачи должностных лиц внутреннего управления удельных крестьян входили: организация сельского хозяйства; формирование хлебных магазинов; строительство начальных детских школ, богаделен и госпиталей; профилактика преступлений среди удельных крестьян; пожарная безопасность и гигиена местного населения.

На выборных должностях работали наиболее рачительные и зажиточные из среды удельных крестьян. Несмотря на то, что местное самоуправление контролировалось чиновниками департамента уделов, для XVIII века нормативно-правой акт «Учреждение об императорской фамилии» можно назвать прогрессивным в социальном плане. Конечно, император Павел I заботился, прежде всего, о стабильном благосостоянии великих князей и великих княжон. Однако крестьяне, принадлежавшие императорской правящей династии, самостоятельно решали свои внутренние проблемы в хозяйственной, религиозной, медицинской и образовательной сферах повседневной жизни. Подобного правового положения не было у подавляющего большинства лично и экономически зависимого сельского населения в конце XVIII века.

Список литературы:

1. Акт, высочайше утвержденный 5 апреля 1797 г. в день Священной коронации Его Императорского Величества и положенный для хранения на Престоле Успенского собора // Корево Н. Наследование престола по основным государственным законам. - Париж, 1922. - С. 101-103.

2. Акт, высочайше утвержденный в день Священной коронации его императорского величества и положенный для хранения на престол Успенского собора. - М., 1797. - 3 с.

3. Бразевич, С.С. Удельные крестьяне Санкт-Петербургской губернии в конце XVIII - середине XIX веков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 - Отечественная история / С.-Петербург. гос. ун-т. - СПб., 1993. - 19 с.
4. Василенко, С.А. Императорская фамилия в России конца XIX - начала XX вв. Имущественное положение и общественная деятельность: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 - Отечественная история / С.-Петербург. гос. ун-т. - СПб., 2007. - 22 с.
5. Гриценко, Н.П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Ленинградское отделение Инст. истории Академии наук СССР. - М., 1961. - 35 с.
6. Денисенко, В.В. Легитимность права: Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 - Теория и история права и государства; История учений о праве и государстве / Воронежский гос. ун-т. - СПб., 2021. - 282 с.
7. Дунаева, Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII - первая пол. XIX вв.): Историко-правовое исслед. - СПб., 2006. - 282 с.
8. История уделов за столетие их существования, 1797-1897. - СПб., 1901. - Т. 1. - 723 с.
9. Красникова, Ю.Н. Департамент уделов и удельные крестьяне северо-запада России в конце XVIII - первой четверти XIX веков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 - Отечественная история / Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина. - СПб., 2007. - 22 с.
10. Мельников, С.А. Наследование престола в Русском государстве в XIV-XV веках: анализ правового механизма: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 - Теория и история права и государства; История учений о праве и государстве / Российская академия гос. службы при Президенте Российской Федерации. - М., 1999. - 22 с.
11. Орлов, С.В. Удельные крестьяне Алатырского удельного округа в первой половине XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 - Отечественная история / Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарева. - Саранск, 2003. - 22 с.
12. Полное собрание законов Российской Империи. - Собр. 3-е. - Т. 26. - СПб., 1909. - 1143 с.
13. Половинкин, Н.С. Дворцовые (удельные) крестьяне Приуралья во второй половине XVI - первой половине XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 - Отечественная история / Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького. - Екатеринбург, 1996. - 31 с.
14. Староверова, Е.В. Правовой статус Императора Российской Империи (1721-1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 - Теория и история государства и права; История учений о праве и государстве / Московский гос. ун-т. - М., 2009. - 37 с.
15. Учреждение об императорской фамилии. - СПб., 1797. - 77 с.

§ 2.2. Позитивистское измерение вопроса прав человека в англо-американской правовой доктрине

Горбунов М.Д.

Проблема прав человека имеет значимое философско-правовое измерение и уже несколько веков является предметом теоретического обоснования и имплементации в практике государственно-правовых систем. При этом следует констатировать, что центральный дискурс сложился вокруг естественно-правового подхода, апеллирующего к неотчуждаемому характеру прав и фундаментальным ценностным основаниям права [1, с. 4-10]. Позитивистский правовой дискурс, в свою очередь, с его фундаментальным тезисом о разделении права и морали и отрицанием правовых ценностей, не имеющих прямой фиксации в законе, традиционно находится в интеллектуальной оппозиции по вопросу прав человека.

Особенно остро это догматическое противостояние проявилось в современной российской правовой теории, где, с одной стороны, действующая Конституция прямо закрепляет естественно-правовые идеи, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью и признавая неотчуждаемый характер прав, а с другой – в юридической науке и практике главенствующее положение по-прежнему сохраняет позитивистская традиция с присущим ей акцентом на верховенство закона и формальную определенность [2, с. 3-18; 4, с. 195-202]. В результате задача совмещения ценностного априорного обоснования прав человека и их позитивного закрепления приобретает особую проблемность и актуальность.

Необходимо отметить, что если отечественный правовой позитивизм критикуется за индифферентность к теории прав человека, как минимум, в контексте признания их фундаментального значения для государственно-правовой системы, прежде всего, в аксиологическом измерении [5, с. 28-34], то в мировой правовой мысли современный позитивистский дискурс органично включил в себя идеи либерального правопорядка. В связи с этим обращение к зарубежной, и прежде всего к англо-американской, традиции и ее опыту может значительно поспособствовать снятию указанной догматической напряженности.

Эволюция взглядов на права человека в рамках англо-американской позитивистской доктрины от ее классического периода к современным подходам демонстрирует значительную внутреннюю динамику правового позитивизма. Несмотря на изначальное неприятие теории естественного права, англо-американский правовой позитивизм через осознание социальной функции права и его связи с моралью в широкой системе нормативного регулирования пришел к сложным теориям, которые придают правам человека центральное значение в государственно-правовой системе. На обоснование этого тезиса и будет направлено данное исследование.

Классический правовой позитивизм

Как было отмечено выше, изначально ядром правового позитивизма как направления правопонимания стало жесткое неприятие метафизической категории «естественных прав». Подобную критику можно обнаружить в трудах выдающегося британского философа Иеремии Бентама, чьи взгляды, по общему признанию, легли в основу позитивистской правовой теории [20, р. 8]. В ряде своих трудов, и прежде всего в «Анархических заблуждениях» (*Anarchical Fallacies*), Бентам подверг решительной и последовательной критике Французскую декларацию прав человека и гражданина 1789 г., назвав перенос естественных прав в закон «вредной бессмыслицей» [9, р. 501].

Философ пришел к выводу, что права могут существовать только в рамках государства и закона, которые придают им содержание и смысл. Признание наличия естественных прав, не обеспеченных ничем, кроме метафизических деклараций, способствует только легитимации беззакония и анархии [10, р. 53-55]. При этом государственный закон оправдан, потому что он способствует «наибольшему счастью наибольшего числа людей», но только в том случае, если обладает утилитарной полезностью [8, р. 12].

Во многом события Великой французской революции и война США за независимость подтвердили опасения Бентама и показали, что просвещенческая идея естественного закона действительно может создавать практическое поле для значительно большего произвола и преступлений в отношении человека и его прав. Это обусловило дальнейшую позитивистскую реакцию на теорию естественного права.

Наиболее ярко такая реакция была представлена в концепции основоположника британского правового позитивизма – Джона Остина [20, р. 15]. В ряде своих работ, и в первую очередь в труде «Область определения юриспруденции» (*The Province of Jurisprudence Determined*) и «Лекции по юриспруденции, или философии позитивного права» (*Lectures on Jurisprudence, or The Philosophy of Positive Law*), правовед сформулировал авторский аналитический подход к пониманию права, также подтвердив принципиальное разграничение позитивного закона и метафизической морали (включая естественные права).

Остин систематизировал идеи Бентама, определив право как «приказ суверена» (*sovereign command*). Право с позиции правоведа обладает принудительным характером и представляет собой обязанность к совершению действий, определенную в команде официального лица и обеспеченную санкцией [7, р. 117-118]. Права при такой интерпретации являются лишь логическим следствием обязанности. Двумя другими важными тезисами классического позитивистского подхода являются то, что: во-первых, следует строго разделять сущность и качество закона, поскольку его моральная оценка является этическим, а не юридическим вопросом; во-вторых, поскольку единственным источником права является суверен, ничто не может ограничивать

его власть.

Таким образом, юридическая действительность закона не зависит от каких-либо внешних или внутренних ограничений морального плана, интересов конкретной личности или ценностей общества, если они входят в противоречие с волей государства. Такое обоснование создает значительный риск поглощения индивидуальной сферы публичной, что вызвало сопротивление уже у современников правоведа и сторонников идеи либерального конституционализма [3, с. 86].

Теоретическая основа позитивистской теории прав человека

Значительное влияние на гуманистическую составляющую британского политико-правового дискурса оказала теория Джона Стюарта Милля [17]. Милль, будучи современником Остина, придал новое качественное измерение теории утилитаризма, сформированной Бентамом, что впоследствии способствовало формированию ценностных рамок позитивного закона.

В своих значимых трудах «О свободе» (On Liberty) и «Утилитаризм» (Utilitarianism) философ сформулировал фундаментальное понимание прав человека. Милль указал: «иметь право ... означает иметь нечто, обладание чем общество должно защищать. Если же возражающий спросит: почему? Я не могу привести ему никакого другого довода, кроме общей пользы» [18, ch. 5, par. 25]. Права человека представляются Миллю абсолютными и выражают стремление к всеобщему благу, особенно в индивидуальной сфере, а само осуществление власти над членами общества против их воли допустимо только для предотвращения вреда другим [17]. Вместе с тем, в отличие от теорий естественного права философ обосновывает утилитарный характер прав как полезных для общества, совместив идею о необходимости защиты индивидуальной автономии с построением официального правопорядка.

Общие этико-философские декларации Милля приобрели аналитическую основу благодаря теории Уэсли Хофеляда, с чьим именем во многом связывается построение первой полноценной теории прав человека в англо-американском дискурсе [13]. Как отмечается в литературе: «анализ прав, предложенный Уэсли Ньюкомбом Хофельдом, позднее доработанный другими авторами и перекликающийся с идеями Бентама и других предшественников, на сегодняшний день является наиболее распространенной и влиятельной систематикой форм прав» [13].

Хофельд смог преодолеть смысловую неопределенность понятия «права человека» в юридическом пространстве, определив ситуации употребления и значения данного термина в государственно-правовой системе. Ученый выделил 4 составляющих, из которых складывается общая концепция прав:

- 1) требование (claim) как притязание, которому корреспондирует соответствующая обязанность его исполнения;
- 2) свобода (privilege) как возможность действия, которое не зависит

от дополнительного требования к обеспечению условий для его реализации;

3) правомочие (power) как способность изменить правовое положение (включая статусы, набор прав и обязанностей) другого лица;

4) иммунитет (immunity) как обусловленная защита от изменения правового статуса [14, p. 35-64].

Конкретные права представляют собой набор названных составляющих в разном соотношении (например, требование и иммунитет или свобода и правомочие).

Такой подход во многом позволил интегрировать сформулированную Миллем этическую систему в реальный механизм правового регулирования в действии позитивного права. Это, в свою очередь, привело к формированию на современном этапе двух взаимосвязанных теорий, объясняющих как права имплементируются в названный механизм. Как подчеркивается в литературе: «каждая из них позиционирует себя как отражение обыденного понимания того, что права делают для тех, кто ими обладает. Вопрос о том, какая из теорий лучше описывает функции прав, стал предметом ожесточенных споров, которые длятся буквально веками» [25].

Теория воли (will theory) предполагает понимание права как сферы юридической власти индивида, в которой иметь право означает контроль над соответствующей юридической обязанностью, где его ценность определяется через обеспечение индивидуальной автономии. Теория интереса (interest theory), в свою очередь, рассматривает право как юридически защищенный интерес, достаточно важный для возложения обязанностей на других, чья значимость определяется способностью обеспечения общественного благополучия.

Данная теоретическая основа позволила по-новому рассмотреть вопрос о правах человека в позитивистском дискурсе в рамках англо-американской правовой доктрины. Необходимо также отметить, что формирование прочного философского фундамента к середине XX века значительно усилилось благодаря эпистемологическим и конкретно-историческим факторам, связанным с радикальной реакцией на гуманитарную катастрофу Второй мировой войны, в которой классическая позитивистская правовая доктрина была обвинена [19, p. 331]. В результате в пространстве западной правовой мысли произошел гуманистический поворот, затронувший также и правовой позитивизм.

Неопозитивизм как переломный этап

Значимой вехой в решении проблемы интеграции концепции прав человека в ядро правового позитивизма стала публикация в 1961 г. работы «Понятие права» (The Concept of Law) выдающегося правоведа Герберта Харта.

Важным достижением Харта стало признание несостоятельности подхода Остина для объяснения современных государственно-правовых

систем, поскольку сведение правовых норм к простой форме команды скрывает важное свойство права – предоставление статусов и правомочий [6, с. 40-50].

Правомочие индивида было описано правоведом в контексте упомянутой выше теории воли. Обладатель субъективного права, по Харту, выступает как «маленький суверен» (*small-scale sovereign*), поскольку получает юридическую власть над корреспондирующей обязанностью другого лица [11, р. 183]. На практике правомочие может выражаться в различных формах, включая требование исполнения, освобождение обязанного лица или применение санкции в случае нарушения обязательства. Ограничить такую власть могут только встречные обязательства индивида, благодаря чему он и обладает автономией. Кроме того, индивиды должны естественным образом обладать рядом правомочий, которые им по умолчанию предоставляет правовая система.

Харт признает «минимальное содержание естественного права», указывая, что в силу определенных свойств человеческой природы (уязвимость, приблизительное равенство, ограниченный альтруизм, ограниченные ресурсы, знания и сила воли) право имеет минимальную цель – обеспечение выживания человеческого общества, а потому вынуждено включать определенные фундаментальные правила, схожие с базовыми нравственными императивами (запрет насилия, охрана собственности, обеспечение обязательств и прочие) [6, с. 185-186]. По сути, Харт признал фундаментальный, встроенный характер ключевых прав человека, что стало важным шагом на пути к признанию аргументов школы естественного права.

Примечательным здесь будет резюме самого Харта, показывающее, с какой установкой в отношении прав человека англо-американский позитивизм подошел к современному этапу своего развития: «очевидно, что теория прав действительно необходима. В течение последнего полувека бесчеловечность человека по отношению к человеку была такова, что самые основные и элементарные свободы и гарантии были лишены бесчисленного количества мужчин и женщин, виновных, если уж на то пошло, лишь в том, что они требовали таких свобод и защиты для себя и других, и иногда им отказывали в них под конкретным предлогом того, что они требуются для общего благосостояния общества. Таким образом, защита доктрины основных прав человека, ограничивающей то, что государство может делать со своими гражданами, кажется именно тем, чего так действительно требуют политические проблемы нашего времени... И, по сути, философские разработки, которые я обрисовал, сопровождалась ростом, в последнее время ускорившимся, международного движения за права человека. С 1946 г., когда Устав Организации Объединенных Наций утвердил веру в основные права человека, достоинство и ценность человеческой личности, ни одно государство не может утверждать, что отказ в таких правах своим собственным гражданам является исключительно его собственным делом... Концепция основных прав человека

глубоко повлияла на стиль дипломатии, мораль и политическую идеологию нашего времени, хотя тысячи невинных людей, все еще находящихся в тюрьмах или подвергающихся угнетению, еще не ощутили ее преимуществ. Доктрина прав человека, по крайней мере временно, заменила доктрину максимизации утилитаризма в качестве главного философского источника вдохновения для политических и социальных реформ» [12, р. 679-680]. Тем не менее, правовед сохранил общую позитивистскую установку на то, что действительность права не зависит от признания и гарантирования прав человека, хотя и признал необходимость установления внутренних взаимосвязей и придания правам человека функционально-утилитарной роли в государственно-правовой системе.

Современный позитивизм и либеральная теория

Актуальные представители англо-американского позитивизма, опираясь на богатое наследие Харта и раннюю британскую философию, разработали целый ряд подходов, демонстрирующих позитивистское измерение вопроса прав человека.

Дальнейшие решительные шаги в признании прав человека в качестве ключевой составляющей государственно-правовой системы были сделаны одним из наиболее влиятельных современных англо-американских правовых философов – Джозефом Разом.

В своей правовой концепции Раз поддержал теорию интереса, указав, что правомочие существует тогда, когда наличествует интерес человека, который по своей значимости достаточен для возложения обязанности на другого (так, право на жизнь основано на интересе в безопасности). Правовед указывает: «индивид имеет право, если и его интерес может служить основанием для права, и, при прочих равных условиях, аспект благополучия индивида (его интерес) является достаточным основанием для того, чтобы возложить на какое-либо другое лицо обязанность» [23, р. 166]. Ключевую роль в возложении такой обязанности играет не автономный индивид, а государство, поскольку «индивид имеет законное право, если закон считает, что интерес является достаточным основанием для того, чтобы возложить на другого обязанность» [24, р. 268]. Фундаментальному охраняемому государством интересу корреспондируют обязанность и соответствующее субъективное право в форме обеспечения гарантий интереса через обязанность.

Теория интереса, поддержанная Разом, позволила объяснить наличие прав у индивидов с пороком воли (в частности, недееспособных), а также признать абсолютный характер широкого перечня прав, что теория воли сделать оказалась не в состоянии. С позиции ученого, права человека в государственно-правовой системе трансформируются из моральных принципов в юридические факты, основанные на универсальных человеческих интересах, становясь таким образом основанием для действий как самих индивидов, так и официальных лиц [21, р. 18-63]. Кроме того, практика признания и гарантий прав человека способна усиливать нормативную силу права

без ущерба для его юридической действительности [22, р. 211-250].

К концу XX века общая тенденция в англо-американском правовом дискурсе привела к конвенциональному принятию либерального демократического порядка как итога развития государственно-правовой системы, а сложившаяся практика инкорпорации в позитивное право универсальных человеческих ценностей, базовых международных и конституционных принципов получила широкое теоретическое осмысление.

Показательной в таком контексте стала теория Нейла МакКормика. Правовед рассмотрел право как высшую форму нормативного общественного порядка, обладающего особыми институциональными свойствами [15, р. 20-35]. При этом правовед фактически интегрирует аргументы Харта и Раза в рамках теории воли и интересов соответственно, поскольку обладание правом предполагает как наличие защищаемого значимого интереса, так и правомочие на его защиту. Права человека действуют в правовой системе только тогда, когда государство предоставляет механизм их защиты, который реализуется в балансе с индивидуальной автономией [13].

Правовед также согласился с тем, что право имеет моральную оценку, часто формулируемую в категориях достоинства, справедливости и свободы [16, р. 113]. Их включение в правовую систему через конституцию и международные договоры необходимо для поддержания нормативной силы, поскольку в противном случае такая система будет нелегитимна. Строгая интегрированность социальных интересов в право и его дискурсивная аргументативная природа определили для МакКормика объективную необходимость включения в право либерально-демократических ценностей, а также признания и гарантированности прав человека.

Таким образом, теория МакКормика отмечается синтезом позитивистских и естественно-правовых аргументов, что позволило значительно расширить теоретическое обоснование включения прав человека в ядро государственно-правовой системы.

Таким образом, на основании всего вышесказанного представляется возможным заключить, что эволюция позитивистского подхода к правам человека в англо-американском дискурсе прошла длинный путь от их отрицания к институциональному пониманию.

Если Бентам и Остин видели в концепции прав человека (в ранней естественно-правовой интерпретации) угрозу правопорядку, то развитие дискуссии между теориями воли и интереса в работах Харта, Раза и МакКормика отразило общую эволюцию позитивизма – от формально-догматического к содержательно-ориентированному, социологическому пониманию прав человека, находящемуся в относительном балансе со школой естественного права.

Сегодня постоянный диалог с антипозитивистской традицией в англо-американском дискурсе обогащает правовую науку и способствует

дальнейшему развитию теории и практики прав человека, чего значительно не хватает отечественной доктрине. Современное позитивистское понимание прав человека характеризует их как объективно выраженный функциональный инструмент защиты фундаментальных общественных интересов и механизм обеспечения личной автономии индивида, а потому они рассматриваются как элемент ядра государственно-правовой системы, имеющий приоритетное значение.

Англо-американский правовой позитивизм воспринимает права человека не как данные от природы вследствие существования метафизических моральных императивов, а как результат человеческой деятельности – важный социальный институт, обеспечивающий защиту фундаментальных личных и общественных интересов, а также задающий направление государственной политики. С одной стороны, такой подход позволяет концентрироваться на реальных механизмах реализации и судебной защиты прав человека, но с другой – сохраняет фундаментальную проблему неправового закона, поскольку даже в случае нарушения базовых оснований прав, лежащих в сфере моральных принципов, приверженность правовой системе является приоритетной.

Список литературы:

1. Анохин, Ю.В., Воробьева, С.А. О праве и правах человека в теории правопонимания // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2013. - № 3. - С. 4-10.
2. Бондарь, Н.С. Современный российский конституционализм: философское осмысление в свете конституционного правосудия // Право. Ж-л Высшей школы экономики. - 2012. - № 4. - С. 3-18.
3. Семитко, А.П. О приоритете прав и свобод человека как правовом принципе либерализма в российской и зарубежной литературе // Антиномии. - 2017. - № 1 (17). - С. 83-105.
4. Степаненко, Р.Ф. Парадигма конституционализма в эволюции российской государственности // Вестник «ТИСБИ». - 2017. - № 3. - С. 195-202.
5. Степаненко, Р.Ф. Эффективность права и нормотворчества (вопросы правовой аксиологии) // Право - явление цивилизации и культуры: Материалы II Междунар. научной конф. - М.: Российский ун-т дружбы народов (РУДН), 2020. - С. 28-34.
6. Харт Г.Л.А. Понятие права / Г.Л.А. Харт: Пер. с англ. Е.В. Афонасина, М.В. Бабака, А.Б. Дидикина, С.В. Моисеева. - СПб.: Изд. С.-Петербур. ун-та, 2007. - 304 с.
7. Austin, J. The Province of Jurisprudence Determined / J. Austin; W. Rumble ed. - Cambridge: Cambridge University Press, 1995. - 344 p.
8. Bentham, J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation / J. Burns, H.L.A. Hart eds. - Oxford: Clarendon Press, 1970. - 343 p.
9. Bentham, J. The Works of Jeremy Bentham. - Vol. II. - Edinburgh: Wil-

liam Tait, 1843. - 602 p.

10. Bentham, J. *Anarchical Fallacies* / J. Waldron ed. // *Nonsense upon Stilts: Bentham, Burke and Marx on the Rights of Men*. - London: Routledge, 1987. - P. 46-76.

11. Hart, H.L.A. *Essays on Bentham: Studies in Jurisprudence and Political Theory*. - Oxford: Clarendon Press, 1982. - 280 p.

12. Hart, H.L.A. *Utilitarianism and Natural Rights* // *Tulane Law Review*. - 1979. - Vol. 53. - P. 663-680.

13. Herstein, O. *Legal Rights* // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. - URL: <https://plato.stanford.edu/entries/legal-rights> (дата обращения: 18.10.2025).

14. Hohfeld, W.N. *Fundamental Legal Conceptions* / W.W. Cook ed. // New Haven, CT: Yale University Press, 1919. - 114 p.

15. MacCormick, N. *Institutions of Law: An Essay in Legal Theory*. - Oxford: Oxford University Press, 2007. - 317 p.

16. MacCormick, N. *Natural Law and The Separation of Law and Morals* / R. George ed. // *Natural Law Theory: Contemporary Essays*. - Oxford: Clarendon, 1992. - P. 105-133.

17. Macleod, C. *John Stuart Mill* // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. - URL: <https://plato.stanford.edu/entries/mill> (дата обращения: 18.10.2025).

18. Mill, J. *Utilitarianism*. - London: Parker, Son & Bourn, 1863 (reprinted). - Cambridge: Cambridge University Press, 2014. - 112 p.

19. Paulson, S., Lon, L. Fuller, Gustav Radbruch, and the «Positivist» Thesis // *Law and Philosophy*. - 1994. - Vol. 13. - P. 313-359.

20. Priel, D. *The Politics of Legal Theory Revisited* // *Netherlands Journal of Legal Philosophy*. - 2024. - Vol. 1 (53). - P. 8-36.

21. Raz, J. *Practical Reason and Norms*. - New York: Oxford University Press, 1999. - 220 p.

22. Raz, J. *The Authority of Law: Essays on Law and Morality*. - New York: Oxford University Press, 1979. - 292 p.

23. Raz, J. *The Morality of Freedom*. - Oxford: Clarendon Press, 1986. - 438 p.

24. Raz, J. *Ethics in the Public Domain: Essays in the Morality of Law and Politics*. - Oxford: Clarendon Press, 1994. - 380 p.

25. Wenar, L., Cruft, R. *Rights* // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. - URL: <https://plato.stanford.edu/entries/rights> (дата обращения: 18.10.2025).

§ 2.3. Конституционная идентичность и защита фундаментальных прав человека: ресторативная функция доктрины

Белослудцев О.С., Бухмин С.В.

Трансформационные процессы в конституционных системах современности, усиление влияния наднациональных институтов придают особую актуальность доктрине конституционной идентичности. В российском контексте ее значимость усилилась после внесения поправок в Конституцию в 2020 г., закрепивших особую роль принципов суверенитета и охраны основ конституционного строя. Конституционная идентичность представляет собой выраженное в тексте и практике Основного закона системное единство материальных и ценностных начал, формирующих неизменяемое ядро конституционного порядка государства, включающее фундаментальные права и свободы человека, базовые принципы конституционного строя и институциональные гарантии их реализации. Эти гарантии выполняют двойную функцию: обеспечивают самосохранение конституционного строя и его адаптацию к меняющимся социально-политическим условиям.

В последние десятилетия доктрина конституционной идентичности получила широкое развитие как в теории (*Jacobsohn, Rosenfeld* и др.), так и в практике конституционных судов; одновременно возрос интерес к ее внутренней, «восстановительной», функции - способности предупреждать или исправлять нарушения основополагающих норм, в том числе тех, которые непосредственно касаются прав человека¹. В настоящем исследовании акцент сделан на анализе именно этой функции. Методологическая база включает сравнительно-правовой анализ судебных решений, концепцию «*restorative constitutionalism*» (*Landau & Dixon*) и теорию «конституционной дисгармонии» 33(*Jacobsohn*). Данный методологический подход предоставляет возможность провести анализ механизмов защиты прав и свобод личности через призму конституционной идентичности. Исследование также позволяет определить пределы и потенциальные возможности применения данной доктрины в современных условиях, включая российскую конституционно-правовую систему.

Понятие «конституционная идентичность» и ее компоненты

В рамках настоящего исследования предлагается функционально-комплексное определение конституционной идентичности, включающее в себя нормы, принципы и ценности, отражающие уникальность национального

¹ См., например: Jacobsohn, G. *Constitutional Identity*. - Cambridge: Harvard University Press, 2010; Rosenfeld, M. *The Identity of the Constitutional*. - Subject: Selfhood, Citizenship, Culture, and Community. - London: Routledge, 2010; Versteeg, M. *What Counts as Constitutional Identity?* In *Deciphering the Genome of Constitutionalism: The Foundations and Future of Constitutional Identity* / Edited by M. Rosenfeld and A. Sajó. - Pp. 312-329; Cambridge: Cambridge University Press, 2024; Rosenfeld, M. *On Constitutional Identity and the Loyalties of the Constitutional Judge*. *Cardozo Law Review* 40, № 8 (2017). - Pp. 3253-3276; Bui, N. *Globalization of Constitutional Identity* // *Washington International Law Journal* 26, № 3 (2017). - Pp. 463-490 и др.

правопорядка и формирующие его концептуальное ядро. Состав данного ядра определяется совокупностью исторических, социокультурных и институциональных детерминант, уникальных для каждой национальной юрисдикции. С нашей точки зрения, ключевые аспекты данного определения, имеющие первостепенное значение для защиты прав человека, включают следующие:

1. В структуру конституционной идентичности интегрированы нормы, касающиеся фундаментальных прав человека. Это позволяет рассматривать права человека как неотъемлемую часть конституционного «ядра», которое сохраняет свою неприкосновенность даже в условиях конституционных трансформаций.

2. Конституционная идентичность не тождественна национальной идентичности в строгом смысле слова². Она сохраняет свой юридический характер, одновременно инкорпорируя «местные» ценности. Именно это качество придает ей легитимность как в глазах населения, так и в правоприменительной практике конституционных судов.

Таким образом, предложенное определение конституционной идентичности позволяет глубже понять ее сущность и роль в рамках национального конституционного порядка, а также ее значение для обеспечения прав и свобод человека.

Необходимо отметить, что Г.Дж. Якобсон акцентирует внимание на том, что конституционная идентичность представляет собой не статическую совокупность норм, а динамическую категорию, которая претерпевает сложную эволюцию в процессе конституционного развития [14]. Это позволяет рассматривать идентичность в качестве потенциального поля для конституционной реституции (восстановления исходных конституционных принципов в условиях, когда политические процессы приводят к «подрыву базовых структур конституции»)³. Логика защитно-восстановительной функции базируется на тесной взаимосвязи между двумя теоретическими концептами:

1. «Restorative constitutionalism» (Д. Ландау, Р. Диксон) - суды в кризисных системах действуют не только как арбитры споров, но и как активные реставраторы конституционной целостности: через толкование, через признание недопустимыми поправок/действий, подрывающих «ядро»

² Ряд авторитетных исследователей, включая Э. Клоутс и Т. Дриночи, придерживаются позиции, предполагающей строгое разграничение конституционной и национальной идентичности как отдельных концептов. См.: Cloots, E. National Identity, Constitutional Identity, and Sovereignty in the EU // *Netherlands Journal of Legal Philosophy*. - Vol. 45. - 2016. - № 2. - P. 82-98; Drinóczi, T. Constitutional Identity in Europe: The Identity of the Constitution. A Regional Approach // *German Law Journal*. - Vol. 21. - 2020. - № 2. - P. 105-130 и др.

³ См.: *Anwar Hossain Chowdhury v. Bangladesh* (1989) 18 CLC (AD) 1. Para. 295; *Khandker Dlewar Hossain v. Bangladesh Italian Marble Works Ltd*, (2010) 15 MLR (AD) 249. - P. 32; *Abdul Mannan Khan v Bangladesh* (2012) 64 DLR (AD) 1007. Paras. - Pp. 961, 965-967.

(см. Landau & Dixon). Такая роль предполагает, что защита прав человека становится частью реститутивной миссии суда: суд восстанавливает прежний баланс прав и ограничений, который обеспечивает эффективную защиту индивидуальных прав [см.: 9]⁴.

2. «Конституционная дисгармония» (Г.Дж. Якобсон) - идея о том, что конституционный текст и политическая практика находятся в «постоянном диалогическом напряжении»; когда политический процесс приводит к «дисгармонии», то восстановление (restitution) основы конституции неизбежно затрагивает и права человека, поскольку именно права часто оказываются первыми «жертвами институциональной эрозии». Это особенно актуально применительно к странам Глобального Юга: там, где институты ослаблены, суды чаще берут на себя реститутивную функцию [см.: 2; 13]⁵.

Таким образом, если нормы о правах человека входят в ядро идентичности - их защита получает не только процедурно-юридический, но и «метаправовой» статус. Исходя из этого, любые изменения, которые формально соответствуют процедурам, но разрушают суть прав человека (например, ликвидация независимого суда, умаление или ликвидация прав и свобод), могут и должны быть признаны недействительными как нарушающие идентичность конституции.

Защитно-восстановительная функция доктрины конституционной идентичности в практике конституционных судов

Европа (Германия и Италия). В странах Западной Европы концепция конституционной идентичности получила формальное закрепление, главным образом, в решениях конституционных судов Германии и Италии. Эта концепция с 70-х гг. используется как инструмент защиты основополагающих прав в условиях «многоуровневого конституционализма» [см. 3]⁶. Обе юрисдикции демонстрируют, что доктрина конституционной идентичности выполняет защитно-восстановительную функцию в сфере прав человека, предотвращая их эрозию в процессе европейской интеграции.

Конституционный суд Германии впервые сформулировал доктрину конституционной идентичности в решении «*Solange I*» (1974)⁷. Суд исходил из

⁴ Дэвид Ландау и Розалинд Диксон вводят термин «восстановительный конституционализм» (restorative constitutionalism) для обозначения судебных доктрин, направленных на восстановление утраченной конституционной идентичности и обеспечение соблюдения основополагающих норм Конституции.

⁵ Г.Дж. Якобсон ввел термин «конституционная дисгармония» (англ.: disharmonic constitution). Он использует его в работах, таких как «Constitutional Identity» и «Constitutional revolution», для обозначения конфликтов, приводящих к изменению или уточнению конституционной идентичности государства.

⁶ Многоуровневый конституционализм – это концепция, используемая в контексте европейской интеграции и развития общеевропейского права, известного как *jus commune europeum*. Уитц Р., Шайо А. определяют его «как сложную сеть взаимодействий между традиционными конституционными акторами (национальными государствами и их правительствами) и надгосударственными акторами».

⁷ BverfGE 37, 271 2 BvL 52/71 «*Solange I - Beschluss*».

того, что приоритет права Европейского сообщества возможен лишь при условии, что оно не подрывает «основные структуры Основного закона», включающие систему фундаментальных прав⁸. В дальнейшем эта линия получила развитие. Так, в решении «*Maastricht Urteil*» (1993) суд подчеркнул, что суверенитет немецкого народа предполагает пределы передачи полномочий наднациональным институтам⁹, а в деле «*Lissabon Urteil*» (2009) прямо указал, что «ядро идентичности» составляют положения статей 1 и 20 Основного закона - основные права человека, демократия, федерализм¹⁰.

Особое значение имеет то, что Суд связал конституционную идентичность не только с внешней функцией (барьер против наднациональной интеграции), но и с внутренней защитной функцией: конституционная идентичность служит критерием для оценки любых национальных актов, которые угрожают базовым правам и достоинству личности. Так, в решении по делу «*LuftSiG*» (2006) Суд признал неконституционной норму, допускавшую уничтожение захваченного террористами самолета, подчеркнув абсолютность основных прав и человеческого достоинства¹¹.

В Италии ключевое значение имеет решение *Frontini v. Ministero delle Finanze* (1973), где Конституционный суд указал, что передача полномочий ЕС допустима только в пределах, не затрагивающих «основополагающие принципы конституционного строя и неотчуждаемые права человека»¹². Здесь фактически была заложена основа доктрины контрлимитов («*controlimiti*»), которая получила дальнейшее развитие в решениях 1980-х гг. и в резонансном деле *Taricco II* (2017). В решении 1988 г. (№ 1146) Суд отметил, что к числу неприкосновенных относятся не только прямо названные в Конституции неизменяемые положения (например, республиканская форма правления, ст. 139), но и *имплицитные высшие ценности*: принцип единства юрисдикции, права на судебную защиту, светскости, демократии, а также принцип защиты «неотъемлемых прав человека» и др.¹³ Лишение или подрыв этих ценностей равносильны «замене одной Конституции другой»¹⁴.

Особенно показательное дело *Taricco II*, в этом решении Суд отказался применять позицию Суда ЕС, которая подрывала принцип законности в

⁸ Так, Федеральный Конституционный суд (ФКС) Германии указал, что к «основным структурам», прежде всего, относятся «правовые принципы, лежащие в основе раздела об основных правах Основного закона», и их нарушение равносильно «отказу от идентичности». См.: BVerfGE 37, 271 2 BvL 52/71 «Solange I - Beschluss».

⁹ BVerfGE 89, 155 «Maastricht Urteil».

¹⁰ ФКС Германии прямо указывает, что ими не могут распоряжаться как национальные органы власти (законодательные, исполнительные и судебные), так и наднациональные органы и учреждения (власти Сообществ или Союза), т.к. «конституционная идентичность является неотчуждаемой составной частью демократического самоопределения народа». См.: BVerfGE 123, 267 «Lissabon Urteil».

¹¹ BVerfG, 1 BvR 357/05 «LuftSiG».

¹² Le sentenze della Corte Costituzionale n. 183/73 del 18 dicembre 1973.

¹³ Le sentenze della Corte Costituzionale n. 1146 del 15 dicembre 1988. Para 2.2.

¹⁴ Там же.

уголовном праве, указав, что этот принцип - часть конституционной идентичности Италии¹⁵. Здесь проявилась не только внешняя функция (барьер против интеграции), но и внутренняя - охрана прав обвиняемого как «высшей ценности» Конституции. Итальянская доктрина демонстрирует тесную связь между идентичностью и правами человека: именно права человека как базовые ценности конституции образуют неприкосновенное ядро, ограничивающее как международные обязательства, так и национального законодателя.

Страны Глобального Юга. Индия представляет собой классический пример использования защитно-восстановительной функции доктрины конституционной идентичности (в Индии она получила название доктрины «*basic structure*»), которая стала ключевым инструментом для Верховного суда в защите фундаментальных принципов конституции и прав человека от «неограниченных» поправок парламента. Суд подчеркнул, что «Парламент сам является творением Конституции» и может действовать в только ее рамках¹⁶. Ключевыми аспектами индийской доктрины являются:

1. В деле *Kesavananda* суд установил, что парламент не обладает абсолютной властью «уничтожать» основу Конституции. Это положение предоставило судебной власти дополнительное основание для эффективной защиты основных прав и свобод граждан. Данная концепция получила дальнейшее развитие в последующих делах, таких как *Indira Gandhi v. Raj Narain*, *Minerva Mills* и *I.R. Coelho*, что позволило судебной системе последовательно укреплять свои позиции в качестве гаранта конституционных ценностей¹⁷.

2. Практическая значимость доктрины в контексте защиты прав человека ярко проявилась в деле *Indira Gandhi*, где суд постановил, что свободные и справедливые выборы являются неотъемлемой частью «ядра» Конституции¹⁸. Любые нарушения этой нормы на практике рассматривались как угроза политическим правам и гражданским свободам. В деле *Minerva Mills* суд восстановил баланс между публичными интересами и основными правами граждан, что способствовало укреплению правовой системы и защите индивидуальных свобод¹⁹.

Индийская доктрина «*basic structure*» представляет собой пример институционализации концепции реституции. Судебная система последовательно восстанавливает ключевые элементы конституционной идентичности, включая защиту прав человека. Эти действия не ограничиваются единичными случаями, а представляют собой непрерывный процесс

¹⁵ Le sentenze della Corte Costituzionale n. 115 del 31 maggio 2018.

¹⁶ *Kesavananda Bharati v. State of Kerala* [1973] 4 SCC 225.

¹⁷ Верховный суд Индии неоднократно подтверждал и уточнял доктрину «*basic structure*» в таких делах, как: *Indira Nehru Gandhi v. Raj Narain* [1975] SC 2299; *Minerva Mills Ltd. and Ors. vs. Union of India and Ors.* [1980] SC 1789; *Waman Rao v. Union of India* [1981] 2 SCC 362; *I.R. Coelho v. State of Tamil Nadu* [2007] SC 861.

¹⁸ *Indira Nehru Gandhi v. Raj Narain* [1975] SC 2299.

¹⁹ *Minerva Mills Ltd. and Ors. vs. Union of India and Ors.* [1980] SC 1789.

поддержания конституционного порядка и предотвращения нарушения фундаментальных прав. Такой подход гарантирует устойчивую защиту прав и свобод граждан от реформ, мотивированных политическими интересами. В этом контексте доктрина «*basic structure*» становится важным элементом системы сдержек и противовесов, обеспечивая баланс между ветвями власти и защиту конституционных принципов.

Пакистан и Бангладеш демонстрируют адаптацию доктрины «*базовой структуры*» к национальным реалиям, принимая во внимание сложные политико-правовой контекст этих государств²⁰. Так, судебная практика Пакистана демонстрирует частичный характер рецепции индийской доктрины. Верховный суд Пакистана, включая дело *Mahmood Khan Achakzai* и последующие, установил определенные рамки для законодательной власти, избегая излишней категоричности²¹. Однако практическая реализация реституции зависела от силы судебной системы и политического контекста. Военные перевороты значительно ослабляли судебный потенциал, что затрудняло эффективную защиту конституционных принципов²². Суд использовал реститутивные аргументы для восстановления федерализма и независимости судебной власти, что косвенно способствовало защите гражданских прав.

В Бангладеш рецепция доктрины приобрела более последовательный характер. В деле *Anwar Hossain Chowdhury* судебные органы отменили поправку в Конституцию, непосредственно ссылаясь на идею о неприкосновенности существенных ее характеристик²³. Верховный суд использовал данную доктрину для аннулирования шести поправок к Конституции Бангладеш, опираясь на аналогию с индийским делом *Kesavananda Bharati v. State of Kerala*²⁴. Это имело прямое значение для защиты прав человека, включая восстановление гарантий и отмену актов прямо или косвенно

²⁰ Социально-политическая ситуация в Пакистане и Бангладеш, характеризующаяся частыми сменами политического руководства, военными переворотами и политическими кризисами, оказала значительное влияние на интерпретацию и восприятие доктрины базовой структуры в данных государствах. Конституционная история данных стран представляет собой сложный феномен, насыщенный примерами длительной институциональной нестабильности и многочисленными отступлениями от основополагающего принципа разделения властей. См., подробнее: Gondal, A. Unraveling Justice: A Critical Examination of Pakistan's Judicial History and its Failures // Pakistan Social Sciences Review. - 2023. - Vol. 7. - Pp. 698-712; Khalid, I. Role of Judiciary in the Evolvement of Democracy in Pakistan // Journal of Political Studies. - 2012. - Vol. 19. - № 2. - Pp. 125-142; Hoque, R. Revisiting Judicial Review of Constitutional Amendments in Bangladesh: Article 7B, the Asaduzzaman Case and the Fall of the Basic Structure Doctrine // Israel Law Review. - 2021. - Vol. 54. - № 2. - P. 205-233.

²¹ См.: Mahmood Khan Achakzai v. Federation of Pakistan, PLD 1997 SC 426; District Bar Association (Rawalpindi) v Federation of Pakistan, PLD 2015 SC 401.

²² Как на национальном, так и на международном уровне «судебная система Пакистана печально известна своей слабостью». См.: Gondal, A. Unraveling Justice: A Critical Examination of Pakistan's Judicial History and its Failures // Pakistan Social Sciences Review. - 2023. - Vol. 7. - Pp. 698-712.

²³ См.: Anwar Hossain Chowdhury v. Bangladesh (1989) 18 CLC (AD) 1.

²⁴ См.: Khandker Dlewar Hossain v. Bangladesh Italian Marble Works Ltd (2010) 15 MLR (AD) 249; Siddique Ahmed v Bangladesh (2011) 33 BLD (HCD) 84; Abdul Mannan Khan v Bangladesh (2012) 64 DLR (AD) 1007; Bangladesh and others v. Advocate Asaduzzaman Siddiqui (2017) CLR (Spl) 1 и др.

уменьшающих права человека. С нашей точки зрения, рецепция индийской доктрины в Бангладеш приобрела стратегический характер, поскольку суд защищал не только конкретные нормы, но и политико-правовую идентичность государства²⁵.

Россия. В российской конституционной доктрине понятие конституционной идентичности стало активно использоваться сравнительно недавно и нашло свое закрепление прежде всего в решениях Конституционного Суда РФ, начиная с середины 2010-х гг. Так, в Постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П по делу о проверке конституционности положений Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод» Суд впервые связал конституционную идентичность с принципами суверенитета и верховенства Конституции Российской Федерации²⁶. В дальнейшем данная линия была подтверждена в Постановлении от 19 апреля 2016 г., где подчеркивалось, что исполнение международных обязательств возможно лишь в той мере, в какой они не затрагивают основы конституционного строя²⁷.

Таким образом, российский подход демонстрирует преимущественно «внешнее» измерение идентичности: она рассматривается как инструмент обеспечения приоритета Конституции РФ и защиты национального правопорядка от возможных коллизий с международными органами правосудия [см.: 4]²⁸. Такой акцент согласуется с фундаментальными положениями Основного закона, включая статьи 4, 15 и 79, и отражает специфику национальной правовой системы.

Вместе с тем, в российской Конституции содержатся положения, позволяющие говорить и о «внутреннем» измерении конституционной

²⁵ Стратегическое судебное толкование (strategic judicial interpretation) - это форма судебного активизма, при которой суды целенаправленно формируют доктрину, чтобы сохранить или изменить баланс между ветвями власти, действуя в соответствии с политическим контекстом и «местными» обстоятельствами. См., например: Islam, M. Constitutional Resilience and Bangladesh. ResearchGate, 2021. - URL: <https://www.researchgate.net/publication/356879743> (дата обращения: 03.09.2025); Manzoor, R. Taking Justice Seriously: Judicial Public Interest and Constitutional Activism in Bangladesh // Contemporary South Asia. - 2007. - Vol. 15. - № 3. - Pp. 321-337.

²⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пункты 1 и 2 ст. 32 Федерального закона «О международных договорах РФ», части 1 и 4 ст. 11, п. 4 ч. 4 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса РФ, части 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ, части 1 и 4 ст. 15, п. 4 ч. 1 ст. 350 Кодекса административного судопроизводства РФ и п. 2 ч. 4 ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Официальный Интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).

²⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ Постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «Анчуты и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции РФ» // Официальный Интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).

²⁸ Как справедливо отмечает Маттиас Хартвиг: «Конституционный Суд РФ не одинок в его понимании отношения между конституционным правом и международным правом, а находится, скорее, во вполне приличном обществе».

идентичности. Так, ст. 55 (ч. 2) закрепляет пределы ограничения прав и свобод, а ст. 135 устанавливает особую охрану глав 1, 2 и 9 Конституции, фактически формируя систему барьеров, обеспечивающих сохранение «ядра» конституционного строя. В Постановлении от 11 апреля 2000 г. № 7-П Конституционный Суд отметил, что любые ограничения прав допустимы лишь при условии сохранения их сущности, что корреспондирует с логикой «внутренней функции» идентичности²⁹.

Следует подчеркнуть, что российская модель конституционной идентичности обладает собственной спецификой, отличающей ее как от германской доктрины «*identity review*», так и от индийской концепции «*базовой структуры*». Если в зарубежных правовых порядках особое внимание уделяется реститутивной функции судов в сфере прав человека, то в России ключевыми направлениями стали укрепление конституционного суверенитета и обеспечение системного взаимодействия с международными органами правосудия [см.: 1]³⁰. Однако в рамках научного дискурса все более активно обсуждается потенциал внутреннего измерения идентичности, связанный с обеспечением устойчивости фундаментальных прав и свобод в рамках самой национальной правовой системы. Таким образом, российский подход к конституционной идентичности можно рассматривать как развивающуюся концепцию, которая уже доказала свою значимость в аспекте защиты суверенитета и обладает потенциалом для дальнейшего научного осмысления в контексте обеспечения прав и свобод человека.

Представляет особый интерес анализ опыта стран, в которых концепция конституционной идентичности отсутствует в формальном измерении, однако ее функции успешно реализуются через иные судебные доктрины. В качестве показательного примера такого подхода можно рассмотреть конституционную практику США. Хотя Верховный суд не использует термин «*constitutional identity*», он методологически и практически осуществляет формирование и защиту идентичности Конституции, создавая и поддерживая ее посредством прецедентного права. В частности, защита неперечисленных прав («*unenumerated*») реализуется через доктрины

---

²⁹ В данном Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации установил, что ограничения прав, включая пассивное избирательное право, являются допустимыми при условии их обоснованности, направленности на достижение конституционно значимых целей и соответствия этим целям. Это означает, что ограничения не должны затрагивать суть права. См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2000 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положения п. 11 ст. 51 ФЗ от 24 июня 1999 г. «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Официальный Интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).

³⁰ Данная тенденция прослеживается не только в Российской Федерации, но и в государствах Висшеградской группы. В России, Польше, Венгрии, Чехии и Словакии наблюдается усиление т.н. конституционного «индивидуализма». Это выражается в стремлении национальных конституционных судов к сохранению и укреплению собственной конституционной идентичности. Важной особенностью судебных доктрин в данных странах являются их «защитный характер» и акцент на внешнюю функцию конституционной идентичности.

«*substantive due process*» и «*dignity*». Эти судебные доктрины демонстрируют функциональную аналогию с защитно-реститутивной ролью конституционной идентичности³¹. Рассмотрим несколько знаковых судебных дел в этом контексте: *Marbury v. Madison* (1803), где было признано право суда на судебный надзор; *Brown v. Board of Education* (1954), где сегрегация была признана неконституционной; *Griswold v. Connecticut* (1965), где было подтверждено право на частную жизнь; и *Loving v. Virginia* (1967), где был отменен закон, запрещающий межрасовые браки³². Эти дела демонстрируют способность Верховного суда США эффективно выполнять функции, аналогичные тем, которые в других правовых системах выполняет доктрина конституционной идентичности.

Конституционная идентичность и механизмы защиты прав человека

На основании вышеприведенных теоретических концепций и анализа судебной практики можно выделить следующие механизмы, посредством которых конституционная идентичность способствует защите прав человека:

1. Неприкосновенность. В случае, если норма, касающаяся прав человека, входит в ядро конституционной идентичности, суд может признать ее «неприкосновенной» для любых изменений, которые могут угрожать ее сущности. Этот механизм реализуется через доктрину «базовой структуры» и аналогичные позиции, закрепленные в решениях конституционных судов (например, в Индии и Бангладеш).

2. Реститутивная интерпретация. Суд осуществляет толкование спорных положений с учетом исторического замысла и ценностных ориентиров, восстанавливая первоначальное конституционное содержание прав. Это особенно важно при возникновении конфликта между директивными целями государства и индивидуальными правами. Примером такого подхода является дело *Minerva Mills*, где суд восстановил баланс между государственными интересами и правами индивидов.

3. Процедурная защита. Конституционная идентичность служит основанием для контроля за соблюдением процедур внесения изменений в конституцию. Это позволяет обеспечить защиту сущностного содержания прав, несмотря на формальные изменения.

4. Дополнительная легитимация. Включение прав человека в

³¹ «*Substantive due process*» - это американская судебная доктрина, которая позволяет расширять список прав, не перечисленных в Конституции, если они считаются фундаментальными для свободы личности и человеческого достоинства. В рамках этой доктрины суд защищает саму суть права от вмешательства государства. Понятие «*dignity*» играет ключевую роль в практике Верховного суда США. Достоинство выступает как метапринцип, связывающий все остальные фундаментальные права. Его использование в судебной практике фактически сближает американский подход к защите идентичности конституции с рассмотренными нами доктринами «конституционной идентичности», где достоинство рассматривается как важнейший компонент конституционной идентичности.

³² См.: *Marbury v. Madison*, 5 U.S. (1 Cranch) 137 (1803); *Brown v. Board of Education*, 347 U.S. 483 (1954); *Griswold v. Connecticut*, 381 U.S. 479 (1965); *Loving v. Virginia*, 388 U.S. 1 (1967).

конституционную идентичность повышает их легитимность в общественном сознании, наделяя их особым «метанормативным» статусом, что затрудняет попытки их отмены со стороны политических акторов.

Представляется целесообразным сформулировать и ряд практических рекомендаций, направленных на повышение эффективности доктрины конституционной идентичности в контексте защиты прав человека. Для успешной конституционной реституции нужно создать и внедрить методологию, определяющую ключевые элементы конституционной идентичности. Эта методология должна основываться на критериях исторической значимости, фундаментальности для конституции и связи с основными ценностями государства. Такой подход поможет выявить базовые права и институты, составляющие ядро конституционной идентичности. Судебная аргументация должна быть прозрачной, детализированной и учитывать культурно-исторический контекст, что обеспечит легитимность решений. Для этого полезно применять методы сравнительного анализа и обращаться к опыту стран, сталкивавшихся с аналогичными вызовами. Эффективность реституции зависит от институциональной поддержки, включая гарантии независимости судебной власти и активное участие ведущих конституционалистов и гражданского общества. Следует отметить, что укрепление конституционной идентичности требует формирования прочной социокультурной основы.

Взаимосвязь между конституционной идентичностью и механизмами защиты прав человека является ключевым вопросом современной теории конституционного права и представляет значительный интерес для академического сообщества. Концепции, такие как *«реститутивный конституционализм»* и теория *«конституционной дисгармонии»*, а также конкретные судебные решения стран Глобального Юга и Европы, убедительно доказывают, что интеграция норм о правах человека в ядро конституционной идентичности предоставляет судам мощнейший инструментарий для их защиты и восстановления идентичности конституции. Однако процесс конституционной реституции требует тщательной методологической проработки, четкой юридической аргументации и институциональной поддержки для предотвращения их трансформации в форму произвольного судебного активизма. Теоретически, включение фундаментальных прав человека в доктрину конституционной идентичности наделяет их повышенным «метанормативным» статусом. Они выходят за рамки позитивного текста Конституции и становятся основой правовой и ценностной преемственности идентичности государства.

Список литературы:

1. Белослудцев, О.С., Бухмин, С.В. Конституционная идентичность стран Вышеградской группы и России: сравнит.-правовое исслед. // Сравнительное конституционное обозрение. - 2025. - Т. 34. - № 2 (163). - С. 141-162.

2. Белослудцев, О.С. Теория конституционной дисгармонии: поиск причин и следствий конституционных трансформаций // Антиномии. - 2025. - № 2. - Т. 25. - С. 104-137.
3. Уитц, Р., Шайо, А. Суверен наносит ответный удар: судебная перспектива многоуровневого конституционализма в Европе // Сравнительное конституционное обозрение. - 2018. - № 1 (122). - С. 33-53.
4. Хартвиг, М. От диалога к диспуту? Конституционное право vs. Европейской Конвенции по правам человека - на примере Российской Федерации // Дайджест публичного права. - 2017. - Вып. 6. - № 2. - С. 138.
5. Drinóczi, T. Constitutional Identity in Europe: The Identity of the Constitution. A Regional Approach // German Law Journal. - Vol. 21. - 2020. - № 2. - Pp. 105-130.
6. Gondal, A. Unraveling Justice: A Critical Examination of Pakistan's Judicial History and its Failures // Pakistan Social Sciences Review. - 2023. - Vol. 7. - Pp. 698-712.
7. Hoque, R. Revisiting Judicial Review of Constitutional Amendments in Bangladesh: Article 7B, the Asaduzzaman Case and the Fall of the Basic Structure Doctrine // Israel Law Review. - 2021. - Vol. 54. - № 2. - Pp. 205-233.
8. Khalid, I. Role of Judiciary in the Evolvment of Democracy in Pakistan // Journal of Political Studies. - 2012. - Vol. 19. - № 2. - Pp. 125-142.
9. Landau, D., Dixon, R. Restorative Constitutionalism // Washington and Lee Law Review. Forthcoming 2024. UNSW Law Research Paper. № 24-2. - 84 p. - URL: <https://ssrn.com/abstract=4577066> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4577066> (дата обращения: 23.08.2025).
10. Manzoor, R. Taking Justice Seriously: Judicial Public Interest and Constitutional Activism in Bangladesh // Contemporary South Asia. - 2007. - Vol. 15. - № 3. - Pp. 321-337.
11. Jacobsohn, G. Constitutional Identity // The review of politics. - 2006. - Vol. 68. - № 3. - Pp. 361-397.
12. Jacobsohn, G. Constitutional Identity. - Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010. - 388 p.
13. Jacobsohn, G. Theorizing the Constitutional Revolution // Journal of Law and Courts. - 2014. - Vol. 42. - № 1. - Pp. 10-25.
14. Jacobsohn, G. Rights and American Constitutional Identity. Polity. - 2011. - Vol. 43. - № 4. - P. 410.

§ 2.4. Современные концепты защиты прав человека: актуальные проблемы

Марданова Г.Р., Исхакова Н.Р.

Современные концепты защиты прав человека представляют собой динамично развивающуюся сферу правовой науки, в которой пересекаются международные стандарты, национальные особенности и вызовы глобализации. Особое внимание в научных исследованиях уделяется вопросам правовой культуры, эффективности институтов правосудия и соотношению универсальных норм с региональными практиками. Растущая цифровизация, миграционные процессы и трансформация социальных ценностей усиливают потребность в системном переосмыслении подходов к обеспечению и защите прав человека [1]. Актуальность темы обусловлена необходимостью сопоставления традиционных концептов защиты прав человека с новыми вызовами, включая гендерное равенство, миграцию, цифровые права и вопросы этики.

Цель статьи: комплексно проанализировать современные концепты защиты прав человека в условиях глобализации, цифровизации, миграционных процессов и трансформации правовой культуры, выявив ключевые проблемы, тенденции и направления модернизации международных и национальных механизмов защиты прав личности.

Задачи:

1. Раскрыть эволюцию современного понимания прав человека, определить влияние глобальных социальных и политических процессов на развитие правозащитных концептов.
2. Проанализировать международно-правовые стандарты защиты прав человека, включая Всеобщую декларацию, Европейскую конвенцию и другие ключевые акты, выявив проблемы интерпретации универсальных норм.
3. Исследовать национальный контекст защиты прав человека на примере России, включая конституционные положения, законодательство и правоприменительную практику.
4. Оценить влияние цифровизации на механизмы защиты прав, выявить новые угрозы и возможности, связанные с развитием цифровых платформ и технологий обработки данных.
5. Определить значение гендерного фактора, рассмотреть современные проблемы обеспечения прав женщин и пути достижения гендерного равенства в правовой системе.
6. Исследовать специфику защиты прав мигрантов, сравнив международные и российские практики, а также выявить основные правовые и институциональные недостатки.
7. Проанализировать влияние массовой культуры на правовую культуру современного общества, определить риски для демократических институ-

тов и правового государства.

8. Сформулировать основные направления модернизации систем защиты прав человека, учитывающие международные стандарты, региональные особенности и процессы цифровой трансформации.

Новизна статьи заключается в комплексном рассмотрении современных подходов к защите прав человека с учетом актуальных международных и национальных правовых практик. Особое внимание уделяется гендерному аспекту защиты прав, проблемам реализации прав в условиях цифрового общества, вопросам миграции, а также влиянию массовой культуры.

Методологическая основа исследования определена междисциплинарным характером проблематики защиты прав человека и включает комплекс общенаучных и специальных юридических методов.

1. Сравнительно-правовой метод

Используется для сопоставления международных стандартов защиты прав человека с национальными правовыми системами, прежде всего с российским законодательством и практикой их применения. Он позволяет выявить соответствие или расхождения между универсальными нормами (ВДПЧ, Европейская конвенция, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин) и региональными механизмами правовой защиты.

2. Формально-логический метод

Данный метод обеспечивает логическую последовательность рассуждений, корректную интерпретацию юридических категорий и выявление внутренних противоречий правовых конструкций.

3. Историко-правовой метод

Позволяет исследовать эволюцию концептов прав человека в XX-XXI вв., проследить развитие международных институтов защиты прав и трансформацию национальных правовых систем. Применение данного подхода делает возможным анализ генезиса современных моделей правозащитной деятельности.

4. Системный и структурно-функциональный анализ

Используется для изучения механизма защиты прав человека как целостного комплекса институтов, норм и процедур. Этот метод помогает рассматривать правозащитную систему в ее взаимосвязи с политическими, социальными, культурными и цифровыми процессами.

5. Междисциплинарный подход

Необходим в условиях цифровой трансформации и миграционных процессов. Он сочетает правовые, социологические, культурологические и политологические теории, что позволяет комплексно рассмотреть влияние массовой культуры, цифровых технологий, социальных изменений и образовательных практик на реализацию прав человека.

6. Метод правового моделирования

Используется при формулировании направлений модернизации существующих механизмов защиты прав, а также для прогнозирования развития правовых институтов в условиях цифровизации и глобализации.

Теоретико-правовой базой послужили труды классиков и современных представителей юридической науки, международные правовые акты, а также отечественные и зарубежные исследования в области прав человека: концепции и теория прав человека - работы С.С. Алексеева, В.Н. Синюкова, О.Э. Лейста, В.В. Лапаевой; теории правового государства, правовой культуры и демократических институтов - труды Ю. Хабермаса и представителей современной философии права; исследования в области цифровизации и трансформации правовой системы, включая работы Г.М. Худояна, современных специалистов по цифровым правам; теории гендерного равенства и прав женщин, опирающиеся на международные документы и исследования (в том числе Н.Р. Исхаковой о роли образовательных экосистем); научные разработки в сфере миграционного права - труды Т.Я. Хабриевой и положения международных миграционных регламентов.

Обоснованность полученных результатов позволяет выявить динамику развития прав человека в международном и национальном контексте, показать различия в трактовке и применении универсальных норм, а также определить степень влияния различных социальных факторов на механизмы защиты прав личности. Использование официальных международных актов, российских конституционных положений и современных исследований ведущих правоведов обеспечивает достоверность и системность выводов [2; 3].

Совокупность этих аспектов позволяет утверждать, что формирование новых подходов к защите прав требует переосмысления роли государства, гражданского общества и цифровой среды, а также развития высокоуровневой правовой культуры как ключевого условия укрепления правового государства [4].

Вопрос соотношения универсальности прав человека и культурной специфики отдельных государств является одним из ключевых методологических и практических вызовов современной правовой теории. Концепция универсальности исходит из признания неотъемлемых прав, принадлежащих каждому человеку в силу его природы, независимо от расы, пола, религии, языка, политических взглядов или социального положения. Данное положение закреплено в основополагающих международных документах - Всеобщей декларации прав человека (1948), Международном пакте о гражданских и политических правах (1966), Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950).

Однако несмотря на широкое признание универсальных принципов, их практическая реализация неизбежно сталкивается с культурно-историческими,

религиозными и политическими особенностями отдельных государств и регионов. Культурная специфика влияет на способы интерпретации, восприятия и применения прав человека, создавая пространство для различных моделей их защиты.

Современное понимание прав человека формировалось в течение XX-XXI вв. и прошло путь от общих декларативных принципов к созданию системы международных и национальных механизмов их обеспечения. Сегодняшние концепты защиты прав человека формируются под влиянием глобальных процессов и развития правовых систем в различных государствах, поэтому одним из ключевых вызовов современности является поиск баланса между универсальными стандартами прав человека и культурными особенностями отдельных стран. Международные акты, такие как Всеобщая декларация прав человека (1948), Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950), закрепляют базовые ценности, однако их применение нередко сталкивается с проблемами интерпретации [2]. Эти сложности обусловлены как особенностями международного права; различиями в правовых системах и правовых традициях; абстрактностью и неопределенностью формулировок; проблемой «ценностного расхождения» между государствами; несогласованностью международных механизмов, так и различиями в национальных правовых системах, политических режимах, культурных традициях и правовых доктринах. Однако данные документы задают стандарты, обязательные для стран-участниц, и формируют основу для судебной и правоприменительной практики.

Правовая культура представляет собой совокупность правовых знаний, ценностей, установок, моделей поведения и реальных практик, через которые индивиды и социальные группы взаимодействуют с правовой системой. Она формируется под воздействием исторических традиций, политической среды, качества образования, деятельности государственных институтов, а также средств массовой информации и культурных норм.

Недостаточный уровень правовой культуры приводит к возникновению структурных и поведенческих барьеров в реализации прав человека. Низкая информированность населения о собственных правах и доступных механизмах их защиты вызывает пассивность в случае нарушений. Люди нередко не обращаются за юридической помощью даже при очевидных основаниях, не доверяют государственным институтам или считают защиту прав бесперспективной.

Следовательно, уровень правовой культуры является определяющим фактором успешности реализации прав человека. Без глубоко укорененных правовых ценностей, доверия к институтам и навыков правового поведения невозможно обеспечить действенную защиту прав, даже при наличии развитой законодательной базы. Повышение правовой культуры должно рассматриваться как стратегическое направление государственной политики, а

также как важное условие укрепления правового государства и эффективности международных правозащитных стандартов.

Существенное влияние на развитие концептов прав человека оказывает цифровизация. Появление цифровых платформ, массовое использование технологий обработки персональных данных создают новые угрозы для неприкосновенности частной жизни. Государство должно вести за собой общество по безопасной цифровой тропе, максимально предотвращая какие-либо нарушения прав и свобод людей, оберегая их и создавая наиболее благоприятные условия для такой безопасной цифровой трансформации общества [5]. Необходим поиск баланса между безопасностью государства и защитой индивидуальных прав. Баланс между обеспечением безопасности государства и защитой прав человека представляет собой сложную, динамичную задачу, требующую постоянной корректировки правовых механизмов и укрепления демократических институтов. Только при условии соблюдения принципов пропорциональности, необходимости и судебного контроля возможно предотвратить злоупотребления властью и обеспечить устойчивое развитие, основанное на уважении человеческого достоинства.

Гендерные права становятся неотъемлемой частью дискуссий о правах человека. Несмотря на ратификацию международных конвенций, включая Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979) [6], фактическое обеспечение равенства остается проблемой. Н.Р. Исхакова в своих исследованиях отмечает важность образовательных экосистем как основы для развития гендерного равенства и правовой культуры. Во многих странах женщины по-прежнему сталкиваются с неравным доступом к труду, образованию, политическому представительству. В контексте гендерного равенства и прав женщин важно понимать, что улучшение ситуации требует не только анализа проблем и достижений, но и принятия конкретных мер по усилению защиты прав и достижению равенства в правовой системе [7]. К числу приоритетных шагов относятся: совершенствование механизмов антидискриминационной экспертизы законодательства; расширение представительства женщин в органах государственной власти и судебной системе; развитие образовательных программ, направленных на формирование гендерной правовой культуры; создание специализированных центров поддержки женщин, включая юридические консультации и кризисные службы; внедрение обязательных гендерных индикаторов в стратегические государственные программы; повышение прозрачности расследования преступлений, связанных с домашним насилием; а также системная подготовка специалистов по вопросам гендерной экспертизы и правоприменения. Реализация этих мер создает условия для укрепления равенства и повышения эффективности правовой защиты женщин в национальной правовой системе.

Особого внимания заслуживают вопросы миграции. Европейские страны разрабатывают унифицированные механизмы защиты мигрантов,

включая «Дублинский регламент». В России законодательство определяет права иностранных граждан, однако эксперты отмечают ограниченность доступа мигрантов к социальной защите и правосудию [8]. Это подтверждает Т.Я. Хабриева: «не в полном объеме разработаны и установлены основные гарантии прав мигрантов, соответствующие международным стандартам, что приводит к недостаточной правовой защищенности этой категории населения, отсутствию возможности для осуществления судебной защиты их прав» [9]. Важными мерами правовой защиты мигрантов являются: закрепление в законодательстве четких гарантий прав иностранных граждан, создание специализированных органов или служб для мониторинга соблюдения этих прав, упрощение процедур обращения в суд и получения юридической помощи, а также внедрение программ правового просвещения для мигрантов. Также международные стандарты должны быть адаптированы к национальной практике, чтобы обеспечить соответствие защиты мигрантов принципам не дискриминации, равенства и гуманного обращения.

Влияние массовой культуры на правовую культуру также не может быть проигнорировано. Массовая культура в условиях глобализации часто формирует новые ценностные ориентиры, где интерес к высоким культурным и правовым ценностям снижается, что в долгосрочной перспективе может ослабить демократические институты [10]. Поэтому важным элементом повышения интереса к высоким культурным и правовым ценностям является формирование у граждан осознанного понимания своих прав и обязанностей, а также навыков участия в механизмах контроля за деятельностью государственных органов. Активизация институтов гражданского общества, развитие волонтерских и общественных инициатив, а также внедрение практики взаимодействия между государством и населением создают основу для формирования ответственного и правосознательного общества, способного самостоятельно защищать свои права и содействовать укреплению правового государства.

На основании проведенного анализа современного состояния системы защиты прав человека можно выделить следующие ключевые направления ее модернизации:

1. Адаптация национальных правовых норм к международным стандартам - гармонизация законодательства с универсальными нормами ООН, Европейской конвенции о правах человека и другими международными актами, с учетом обязательств государства в сфере прав человека.

2. Учет региональных и культурных особенностей - разработка механизмов защиты, учитывающих социальные, культурные и исторические контексты отдельных регионов, что позволяет повысить эффективность реализации прав и уважение местных традиций при соблюдении универсальных стандартов.

3. Защита уязвимых и социально маргинализированных групп -

создание специализированных программ и институтов для защиты женщин, детей, мигрантов, лиц с ограниченными возможностями и других уязвимых категорий.

4. Цифровая трансформация и регулирование информационной среды - разработка законодательных и организационных механизмов защиты прав личности в цифровой сфере, включая приватность, безопасность данных, алгоритмическую прозрачность и доступ к цифровым сервисам.

5. Развитие правовой культуры и гражданской ответственности - внедрение образовательных и просветительских инициатив, повышение правовой грамотности населения и активизация участия граждан в контроле за соблюдением прав.

6. Укрепление взаимодействия международных и национальных институтов - координация правоприменительной практики, обмен опытом и лучшими практиками между государственными органами, международными организациями и неправительственными структурами.

Проведенный анализ демонстрирует, что современные концепты защиты прав человека находятся на стадии активной трансформации и требуют переосмысления традиционных подходов. Основными направлениями модернизации становятся адаптация правовых норм к цифровой среде, разработка эффективных механизмов защиты уязвимых групп, включая женщин и мигрантов, повышение уровня правовой культуры (без должного внимания возникает риск правового нигилизма и злоупотребления правами) [11], укрепление взаимодействия международных и национальных институтов, а также формирование моделей защиты прав с учетом региональных особенностей. Современные вызовы - цифровизация, глобальная миграция, гендерные и социальные трансформации - делают необходимым комплексный подход, объединяющий институциональные реформы, образовательные инициативы и активное участие гражданского общества. Только при сочетании этих мер возможно обеспечить реальное соблюдение прав человека, укрепить правовую систему и повысить ее устойчивость в условиях динамично меняющегося общества.

Список литературы:

1. Синюков, В.Н. Теория права С.С. Алексеева и ее роль в развитии отечественной юридической доктрины / В.Н. Синюков // Ж-л российского права. - 2020. - № 2. - С. 6-20. - DOI: 10.12737/jrl.2020.013.

2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948).

3. Лейст, О.Э. Сущность права: проблемы теории и философии права / О.Э. Лейст / Под ред. В.А. Томсинова. - М.: Зерцало, 2008. - XI, [1], 339, [1] с.; 22 см. - (Серия: «Русское юридическое наследие» / Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Юридич. факультет). - ISBN 978-5-8078-0151-7 (В пер.).

4. European Court of Human Rights. Case of Handyside v. the United Kingdom. 1976.

5. Худоян, Г.М. Особенности защиты прав человека в условиях трансформации общества / Г.М. Худоян // Ученые записки Крымского федерального ун-та им. В.И. Вернадского. Юридич. науки. - 2023. - Т. 9 (75). - № 1. - С. 261-264.

6. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 дек. 1979 г.).

7. Исакова, Н.Р. Образовательные экосистемы в регуляции механизмов гендерного равенства в правовой сфере / Н.Р. Исакова / В сб.: Переход от образовательной среды к образовательной экосистеме в интересах устойчивого развития: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 70-летию вхождения СССР (России) в ЮНЕСКО. - Казань, 2024. - С. 115-119.

8. Дублинский регламент Европейского Союза. - 2013.

9. Хабриева, Т.Я. Миграционное право: сравнительно-правовое исследование: Монография / Т.Я. Хабриева // Инст. законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. - М., 2019. - 400 с.

10. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность Моск. лекции и интервью / [Рос. Академия наук. Инст. философии]. - М.: Кامي, ИЦ «Academia», 1995. - 244 с. (Первые публикации в России). - ISBN 5-86187-044-6.

11. Аламова, С.М. Правовые риски в современной правоприменительной деятельности: общетеоретические проблемы / С.М. Аламова, А.Р. Гайнутдинова // Вестник экономики, права и социологии. - 2020. - № 4. - С. 77-81. - EDN KUSVWY.

Глава 3. Формирование правосознания и юридическое образование в сфере защиты прав человека

§ 3.1. Учебная дисциплина «Духовно-нравственные основы противодействия экстремизму» как элемент формирования правосознания студентов юридических факультетов

Лебедева Е.А., Романовская В.Б.

Одной из целей юридического образования является формирование профессионального правосознания студентов юридического факультета. В 2023 г. в соответствии с государственными задачами, стоящими на современном этапе развития российского общества, в учебный план юристов по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности» была введена по выбору учебная дисциплина «Духовно-нравственные основы противодействия экстремизму». Насколько необходимо для будущих юристов вникать в духовно-нравственные, а не чисто правовые проблемы, связанные с таким опасным социальным явлением, как экстремизм? Недостаточно ли юристам знать Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» [2] и Указ Президента «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» [3], а также ст. 280 Уголовного кодекса о публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности [1] для успешного противодействия разрушительной силе экстремизма?

Для ответа на эти вопросы надо осознать, в какой ситуации находится сегодня человечество в целом. О чем должны знать студенты, выходящие в профессиональную жизнь? Глобальное противостояние в идеологической и морально-этической сферах Запада и Востока требует осознания новых реалий и новых подходов к образованию и воспитанию студентов, часть которых станет политиками, законодателями, правоприменителями. «Стратегии правовой этнополитики должны устанавливаться с учетом и использованием таких важных политологических категорий, как толерантность, гражданская, политическая, этническая идентичность, самоидентификация и т.д., лежащих в основе превентивной правореализационной деятельности, противостоящей таким противоправным проявлениям, как дискриминация по национальному и религиозному признакам, ксенофобия, межэтническая нетерпимость, национализм, этнический и религиозный экстремизм, терроризм» [11, с. 22].

Сегодня, в непростое время консолидации общества, жизненно важно, чтобы будущая гуманитарная, техническая и управленческая элита страны разделяла общие ценности и понимала национальные интересы. Учебные заведения формируют ответственного, мыслящего категориями государственной пользы специалиста, наделенного гражданской ответственностью и чувством патриотизма.

Необходимо учитывать последствия появления социальных сетей в повседневной жизни людей, телеграмм-каналов, забросы фейковой информации, потоки сделанного ИИ ложного контента, формирующего определенное мировоззрение у потребителя информации. Сюда можно добавить активно развивающуюся игровую сферу со своим миром, правилами, идеями, извращенными историческими событиями, странными героями и пр., захватывающую студентов и, безусловно, влияющую на их поведение, характер, мировоззрение. По мнению Равии Фаритовны Степаненко, «деструктивизм данных процессов негативным образом отражается на реальном состоянии общественных, в том числе правовых отношений» [11, с. 3].

Экстремистские идеи, оказавшись в подготовленной почве, кажутся привлекательными, верными, смелыми и подавляют способность их самостоятельной оценки. Для этого требуются определенные знания, причем не только интеллектуальные, но и духовные, требуется внутренняя глубина, позволяющая почувствовать за красивой обложкой неправду.

Еще один аспект указанной проблемы – маргинализация части общества, порождаемая незаконными миграционными процессами, в результате которых происходит отрыв от своих культурных корней. В современном обществе маргинальность и экстремизм тесно связаны друг с другом. Маргиналы, находясь на социальном и культурном «краю» общества, часто испытывают отчуждение и фрустрацию, что повышает риск принятия радикальных идеологий. Маргинальное положение способствует уязвимости к экстремистским влияниям, поскольку такие молодые люди теряют чувство принадлежности и начинают искать смысл и идентичность в жестких идеях и действиях. Это особенно заметно среди молодежи в условиях социальной и экономической дестабилизации.

«Важно глубоко познать причины возникновения и предложить наиболее эффективные пути сглаживания социальных и иных противоречий, лежащих в основе негативных, а особенно в крайней форме – агрессивных (скрытых и явных) видов особо общественно опасного маргинального поведения (ксенофобия, национализм, экстремизм, терроризм и др.)» [11, с. 3].

Изучению данного явления посвящено большое количество работ специалистов в области юриспруденции, политологии, социологии, культурологии [4-7; 10; 12-13]. Однако явление от этого не исчезло и продолжает существовать, разрушая социум многих стран. Общепринято говорить об экстремизме как явлении многогранном, связанном с отрицанием существующих норм, законов и традиций, ведущем к насилию, нетерпимости и подрыву стабильности в обществе. Его классифицируют по разным признакам: по идеологии, методам, целям и сферам деятельности, каждая из которых требует отдельного изучения. Самым опасным, на наш взгляд, является религиозный экстремизм, поскольку он используется как розжиг для огня политическими, идеологическими и националистическими экстремистами.

Если современный левый экстремизм, выступая под лозунгами марксизма, анархизма, антикапитализма, борется против правящего класса, крупного бизнеса, империализма, используя методы террора и саботажа, то правый экстремизм основывается на идеях национализма, шовинизма, ксенофобии и часто выступает за сильное авторитарное государство, чистоту нации, против иммиграции, мультикультурализма и либеральных ценностей. Левые и правые находятся по разным краям одной политической прямой - идеологии. К этому виду можно также отнести религиозно-политический экстремизм, который часто пересекается с другими видами и является горячей смесью для террористических действий.

Отдельную опасность для многонациональных и федеративных, прежде всего, государств представляет этнический и сепаратистский экстремизм. Базируясь на идее превосходства одной нации или этнической группы над другой или стремлении к отделению (сецессии) какой-либо территории от государства, он может использовать как насилие против представителей других национальностей, так и против государственных структур для достижения независимости. Сила таких группировок и идей стремительно возрастает, если в них вплетается религиозная составляющая.

И, наконец, религиозный экстремизм, краткую суть которого можно выразить как толкование религиозных учений в крайней, радикальной форме, часто с требованием строгого соблюдения норм и нетерпимостью к инакомыслящим, причем как к представителям других религий, так и к умеренным единоверцам. В отличие от политического и этнического экстремизма основная мотивация действий базируется, прежде всего, на религиозных догматах, а не на политических или национальных идеях. Целью, провозглашаемой идеологами религиозного экстремизма, является утверждение «истинной» веры и образа жизни. На этой почве легко посадить недоверие и даже вражду между представителями традиционных для России и не традиционных религий, зародить семя сомнений в отношении ислама, иудаизма, вайшнавов, буддистов и т.д., в том числе представителей иных христианских конфессий. В одной только Нижегородской области зарегистрировано 700 религиозных организаций [9], среди которых: Местная религиозная организация «Православный Приход Спасо-Преображенского собора г. Нижний Новгород»; Религиозная организация «Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский женский монастырь Нижегородской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)»; Местная религиозная организация христиан веры евангельской «Церковь «Источник жизни», г. Нижний Новгород; Местная религиозная организация «Буддийский Центр Алмазного Пути Традиции Карма Кагью», г. Нижний Новгород.

В Казани столетиями в дружбе и добрососедстве проживают мусульмане и христиане, есть и представители других религий, а также атеисты, пропагандирующие свободу совести, то есть свободу не иметь никакой религии,

но исповедовать общечеловеческие морально-нравственные ценности, доброжелательно относиться к верующим людям. В Республике Татарстан зарегистрировано более 2-х тыс. религиозных организаций [8], в том числе: Местная старообрядческая религиозная организация «Чистопольская община христиан Централизованной Старообрядческой Религиозной Организации Республики Татарстан»; Религиозная организация «Казанская иудейская религиозная община»; Местная религиозная организация «Буддийский Центр Алмазного Пути Традиции Карма Кагью», г. Казань; Местная религиозная организация «Казанское общество сознания Кришны» и многие другие. Доказательством высокой религиозной культуры является Вселенский Храм - уникальное место, как по красоте, так и по своему значению. Это один из самых запоминающихся архитектурных объектов современного Татарстана. Службы в нем не ведутся, да и это не храм в традиционном понимании этого слова, а, скорее, музей культуры всего человечества. Построено это уникальное сооружение братьями Хановыми на месте их родного дома. Здесь собраны основные мировые религии и, в числе прочих, символика исчезнувших цивилизаций. Вселенский Храм постоянно расширяется и преобразуется. Вся работа ведется на благотворительных началах и силами неравнодушных людей.

Казань является во многом примером уважительного отношения между конфессиями и отличается низким уровнем экстремистских идей. Тем не менее, сама проблема противодействия опасным разрушающим единство общества вредоносным идеям не снята с повестки дня в современном российском государстве.

Для решения указанной проблемы - формирования правосознания и противостояния экстремистской идеологии - на юридическом факультете Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского был создан учебный курс «Духовно-нравственные основы противодействия экстремизму». Подобное планируется к реализации и в Президентской Академии – Нижегородском филиале Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы. Данный курс имеет целью ознакомление студентов с разнообразными религиозными традициями народов Российской Федерации и воспитание уважительного отношения к различным религиозным ценностям, традиционно существующим в нашей стране. Студенты изучают историческую роль религий при формировании первых официальных правовых источников и анализируют формы имплементации религиозных норм в правовые памятники европейских государств нового и новейшего времени. Отдельное направление курса – восточные религиозные учения и их влияние на формирование государств и правовых систем Арабских стран, Индии и стран Ближнего Востока. В исламских странах религиозная доминанта определяет не только правовую систему, но и всю общественную жизнь их народов. Для формирования широкого кругозора выпускника

юридического факультета университета необходимо ориентироваться не только в российском праве, но и в пестроте разнообразных правовых систем, в том числе религиозных. Индусское право, еврейское право и мусульманское право являются неотъемлемой частью глобального правового пространства.

В настоящее время актуальность изучения влияния религиозных идей на формирование внутренней и внешней политики государств не вызывает сомнений. Для светских государств, к числу которых относится Российская Федерация, важно понимать роль традиционных ценностей, в том числе религиозных, для проведения разумной социальной политики внутри страны и продуктивного диалога с теократическими и клерикальными государствами на международной арене.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 1996 г. - № 25. - Ст. 2954.

2. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2002 г. - № 30. - Ст. 3031.

3. Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. - URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280115?index=2> (дата обращения: 10.10.2025).

4. Арчаков, М.К. Политический экстремизм: сущность, проявления, меры противодействия: Монография / М.К. Арчаков / Под науч. ред. Ю.А. Ермакова. - М.: Юрайт, 2025. - 295 с.

5. Бастрыкин, А.И., Кириленко, В.П., Шамахов, В.А. Экстремизм в современном мире: Монография. - СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2018. - 444 с.

6. Бузыкина, Ю.С. Отношение к экстремизму: региональный аспект: Монография / Мин-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВО ПГУ. - Тамбов: ООО «Консалтинговая компания «Юком», 2017. - 93 с.

7. Зеленков, М.Ю. Экстремизм в современном мироустройстве и Российской Федерации XXI века. Политико-правовой аспект: Монография / М.Ю. Зеленков. - М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2018. - 351 с.

8. Минюст России. [Электронный ресурс]. - URL: <https://nco.minjust.gov.ru/registries?limit=100&name=религиозная%20организация&offset=1400&page=8&region=Республика%20Татарстан%20%28Татарстан%29&status=REGISTERED> (дата обращения: 10.10.2025).

9. Минюст России. [Электронный ресурс]. - URL: <https://nco.minjust.gov.ru/registries?limit=10&page=8&status=REGISTERED&name=религиозная+организация&region=Нижегородская+область> (дата обращения: 23.09.2025).

10. Степаненко, Р.Ф., Степаненко, Г.Н., Левкин, И.В. Духовно-нравственные основы правопорядка (философско-правовые и юрид. аспекты) // Право и государство: теория и практика. - 2023. - № 6 (222). - С. 70-73.

11. Степаненко, Р.Ф. Общеправовая теория маргинальности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. - Казань, 2015. - С. 22.

12. Степаненко, Р.Ф. Правовая культурология: научный потенциал социогуманитарных исследований // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики: Материалы VI Национ. науч.-практ. конф. - Казань, 25 февр. 2022 г. - Казань: ИЦ Университета управления «ТИСБИ», 2022. - С. 224-230.

13. Степаненко, Р.Ф. Социально ответственное поведение как фактор устойчивости и стабильности современных государственно-правовых систем / Р.Ф. Степаненко // Государство и право. - 2025. - № 6. - С. 7-17.

§ 3.2. Проблемы защиты прав человека в процессе обучения будущих юристов

Матвеев Г.В.

В данной работе речь пойдет о наиболее значимых проблемах защиты прав человека в процессе подготовки современных юристов. Как правило, курс «Защиты прав человека» является обязательной дисциплиной в учебной программе будущих правоведов. Данная дисциплина позволяет обобщить ранее изученный материал в сфере прав человека, который студенты проходили в курсе теории государства и права, конституционного, международного, гражданского и других отраслей права. Поэтому данная дисциплина представляют квинтэссенцию ранее изученного юридического материала.

Феномен прав человека и особенности его защиты

Если говорить о правах человека, то наиболее глубоко данная тема раскрыта в работах таких ученых, как А.Х. Абашидзе, Р.Г. Вагизов, С.Х. Глухенький, В.А. Карташкин, С.И. Кувычков и др. В трудах выше-названных специалистов отражаются международная система прав и свобод человека, перспектива ее развития, проблемы реализации международных стандартов в сфере обеспечения прав индивида. Однако мало работ прикладного характера, которые позволили бы воплотить международные стандарты прав человека на практике, а также понять взаимозависимость и взаимообусловленность международного и национального права в этой области.

На первый взгляд, концепция прав человека действительно может восприниматься как некая умозрительная конструкция. Однако за этим термином скрывается стройная система юридически закрепленных гарантий, имеющих вполне конкретное выражение:

Нормативное воплощение:

1. Международные акты (Всеобщая декларация прав человека 1948 г., ст. 3).
2. Конституционные нормы (ст. 20 Конституции РФ).
3. Отраслевое законодательство (ФЗ «О персональных данных»).

Судебная защита:

1. Право на обращение в ЕСПЧ (ст. 34 Конвенции о защите прав человека).
2. Конституционное правосудие (ст. 125 Конституции РФ).
3. Административное судопроизводство (Кодекс административного судопроизводства РФ).

Практическая реализация:

1. Право на жизнь (ст. 20 Конституции РФ).
2. Право на достойное существование (ст. 7 Международного пакта об экономических правах).
3. Право на защиту персональных данных (ст. 24 Конституции РФ).

Ведь не случайно во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. провозглашено: «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность» [3]. Или другое, такое же неоспоримое право: «Каждый человек имеет право на образование» [3].

Трудно не согласиться с Преамбулой к Всеобщей декларации прав человека, принятой резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.: «Принимая во внимание, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира; и принимая во внимание, что пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человечества, и что создание такого мира, в котором люди будут иметь свободу слова и убеждений и будут свободны от страха и нужды, провозглашено как высокое стремление людей; и принимая во внимание, что необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы (...) содействовать развитию дружественных отношений между народами» [3].

В рамках учебного процесса студенты-юристы осваивают Всеобщую декларацию прав человека не только как исторический документ, но и как живой инструмент правовой защиты.

Среди проблем, изучаемых юристами в курсе дисциплины прав человека, - преступления геноцида. Геноцид - действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую.

Человечество способно на ужасающие преступления не только в условиях войны. Геноцид, этнические чистки, массовые репрессии - это испытание нашей цивилизации, которое требует не только юридического

осуждения, но и постоянной памяти, чтобы подобное никогда не повторилось.

Как осуществляется данное преступление? Это не только массовые убийства, но и причинение ущерба для здоровья, предотвращение деторождения, создание невыносимых условий для конкретной группы людей.

Не случайно геноцид рассматривается мировым сообществом как международное преступление. На протяжении веков человечество не раз сталкивалось с явлением геноцида - от древних эпох до современности. Особенно ярко он проявлялся в ходе истребительных войн, разрушительных завоеваний, межэтнических и религиозных конфликтов, а также в период становления колониальных империй, созданных европейскими государствами.

В рамках учебной дисциплины «Защита прав человека» учащиеся углубленно рассматривают актуальные аспекты противодействия геноциду как международному преступлению. Особое внимание уделяется современным случаям геноцида в международной практике, а также юридический механизм привлечения к ответственности за данное преступление. В качестве исторического примера обсуждаются трагические события 1915-1923 гг., связанные с массовыми преследованиями христианского населения в Турции.

Систематическое индустриализованное истребление евреев (Холокост), цыган и др. групп нацистской Германией во время Второй мировой войны, принудительная стерилизация и т.п. Особый интерес у студентов юридического факультета вызвало отражение проблемы геноцида в кинематографе... Это такие фильмы, как «Список Шиндлера», «Отель Руанда» (массовое уничтожение племен Тутси в Руанде в 1994 г.). Кроме того, данная тема достаточно подробно изучена в международно-правовой литературе, что позволяет студентам подробно раскрыть проблемы защиты отдельных этносов и наций на семинарских занятиях.

Особое внимание при обучении будущих юристов уделяется изучению проблем правозащитной деятельности. Например, деятельность известного «омбудсмана полиции» Владимира Воронцова. Надо отметить, что благодаря ему Паблик «Омбудсмен полиции» появился в социальной сети «ВКонтакте» в 2017 г. В закрытом мире силовиков, где не принято жаловаться вслух, он был исключением - юрист, который не боялся говорить. Воронцов стал тем, к кому стекались полицейские со всей страны: учились у него, как защищаться от произвола, доверяли свои истории. Он не просто давал советы - собирал инструкции («Как подать жалобу», «Куда обращаться при незаконном увольнении»), которые становились руководством к действию для сотен сотрудников. Когда увольняли без причин, давили или лишали зарплаты, они шли к Воронцову - и он выводил их дела в суды, спорил с кадровиками, пробивал восстановление на службе. В системе, где «начальство всегда право», он создал прецедент: доказал, что даже у того, кто носит погоны, есть права - и их можно отстоять [5].

Воронцов был активистом, ведущим разоблачительную деятельность, что часто приводит к уголовному преследованию самого активиста. Эти и многие другие вопросы активно обсуждались студентами в ходе изучения курса «Защита прав человека».

Особая тема в процессе обучения будущих юристов - это международные стандарты прав человека и их реализация в национальном праве. Много внимания этому вопросу уделял замечательный ученый и практикующий юрист - Александр Борисович Мезяев (1971-2025). Все его научное творчество, публичные выступления, зажигательные лекции и семинары неразрывно связаны с актуальными проблемами прав человека. Так, одной из важнейших проблем в работах А.Б. Мезяева являются вопросы защиты прав обвиняемых в международном уголовном процессе.

В своих научных работах профессор Мезяев детально анализирует систему гарантий прав обвиняемого на всех этапах уголовного судопроизводства - от стадии возбуждения уголовного дела до пересмотра судебных решений. Особую ценность его исследованиям придает уникальный практический опыт участия в качестве защитника в процессе Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) [4].

Права обвиняемого в концепции А.Б. Мезяева - это, прежде всего, положения общего международного права. В перечень прав обвиняемого в Международном уголовном судопроизводстве, в частности, входят: право на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона; право считаться невиновным, пока виновность не будет доказана согласно закону; право быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который он понимает, о характере и основании предъявляемого ему обвинения; право иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником; право быть судимым без неоправданной задержки и в его присутствии и др.

В своих исследованиях профессор Мезяев подвергает обоснованной критике практику международных уголовных трибуналов, в особенности Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), указывая на систематическое нарушение фундаментальных прав обвиняемых. Его анализ выявляет парадоксальную ситуацию: институты, созданные для защиты прав человека, сами становятся их нарушителями.

В частности, А.Б. Мезяев совершенно справедливо отмечает, что МТБЮ нарушает такие права обвиняемых, как право на жизнь и защиту от жестокого обращения. Например, в деле С. Милошевича мы столкнулись с преднамеренным лишением медицинской помощи, игнорированием критического состояния здоровья и фактическим лишением права на жизнь. Если говорить о правой оценке деятельности МТБЮ, то необходимо говорить о превышении Советом Безопасности ООН своих полномочий и создании

юрисдикции с изначальными дефектами легитимности. Иначе говоря, можно констатировать факт формирования судебного органа, нарушающего те самые права, которые он призван защищать.

Профессор Мезяев демонстрирует, как формальное соблюдение процессуальных норм в международных трибуналах может сопровождаться фактическим попранием основных прав человека. Его анализ дела Милошевича раскрывает системные проблемы международного правосудия. Среди них - подмена правосудия «правосудием победителей», использование судебных процедур как инструмента политики, а также дисбаланс между обвинением и защитой.

Таким образом, можно говорить о том, что международные трибуналы требуют глубокой институциональной реформы, которая предполагает создание действенных механизмов контроля за соблюдением прав обвиняемых, разработки четких правовых гарантий против злоупотреблений в международном уголовном процессе. Работы А.Б. Мезяева представляют собой важный вклад в критическую теорию международного права, предлагая переосмысление практики международного правосудия через призму реального соблюдения прав человека.

Еще одной важной темой исследования профессора Мезяева стал «Казус профессора Воислава Шешеля». В 2003 г. Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) вынес обвинение против профессора Воислава Шешеля, согласно которому тот «преследовал цель - создать моноэтническое сербское государство путем осуществления массовой государственной кампании преследования хорватов, мусульман и других лиц несербской национальности в Хорватии, Боснии и самой Сербии» [4].

Воислав Шешель – сербский правовед и политический деятель, возглавляющий Радикальную партию. Несмотря на активное участие в общественной жизни, он не занимал государственных должностей и не участвовал в вооруженных действиях во время балканского конфликта. Его политическая деятельность ограничивалась публичными выступлениями и идеологическим влиянием. Таким образом, все вменяемые ему обвинения касаются исключительно сферы словесного выражения позиций, а не практических действий. Причем все «доказательства» вины Шешеля не подтвердились. Судебный процесс против него не открывался более четырех лет, что говорит о затягивании судопроизводства МТБЮ. Лишь к 2007 г. началось рассмотрение дела в трибунале.

Профессор Мезяев приходит к выводу, что преследование Воислава Шешеля МТБЮ вызывает вопросы о соблюдении правовых норм и принципов справедливости. Этот процесс демонстрирует системные нарушения таких правовых процедур, как отклонение от стандартов доказательного права; игнорирование презумпции невиновности; избирательное применение правовых норм. Можно говорить о проблеме двойных стандартов в данном деле

и политизированности судебного процесса. Какие негативные последствия для международного права связаны с судебным процессом над Воиславом Шешелем? Это, прежде всего, подрыв доверия к международным судебным институтам, компрометация принципов беспристрастного правосудия и девальвация авторитета МТБЮ.

Данный случай создает опасный прецедент, когда судебные механизмы могут использоваться как инструмент политического давления, что требует переосмысления подходов к международному правосудию.

Дело профессора Шешеля и деятельность МТБЮ постоянно обсуждались в процессе обучения студентов юридического факультета в курсе «Защита прав человека», в курсе «Международное право» и т.д. Огромный практический опыт и неукротимая энергия профессора Мезяева позволили передать его ученикам и последователям те необходимые умения и знания, которые во многом формируют личность современного юриста.

Тенденцией последних лет стали расширение деятельности международной уголовной юстиции, выявление комплекса прав участников судебного процесса, закрепление этих прав в международном законодательстве. А.Б. Мезяев детально раскрывает не только нормы международного уголовного права и процесса, но и практику их применения.

В последнее время проблемы защиты прав и свобод человека вызывают большой интерес в России не только в отечественной науке, но и в современном гражданском обществе. Изучение международных стандартов в сфере защиты прав человека - важнейшая предпосылка для формирования личности будущего юриста.

Список литературы:

1. Абашидзе, А.Х. Международная универсальная система защиты прав человека: вызовы и перспектива / А.Х. Абашидзе // Обозреватель. - 2023. - № 1 (396). - С. 115-136. - DOI: 10.48137/2074-2975_2023_1_115. - EDN CNAEUT.

2. Вагизов, Р.Г. Международно-правовые стандарты в сфере защиты прав человека: нормативно-правовая основа международной системы защиты прав человека / Р.Г. Вагизов // Российская юстиция. - 2008. - № 5. - С. 34-36. - EDN JJZRNБ.

3. Всеобщая декларация прав человека, принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. // www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

4. Мезяев, А.Б. Защита прав обвиняемых в современном международном уголовном процессе: актуальные вопросы теории и практики. - Казань: ИЦ Университета управления «ТИСБИ», 2014. - 395 с.

5. Хотел поменять мышление верхушки // Русская служба Би-Би-Си (5 июня 2020 г.). - <https://www.bbc.com/russian>.

6. Чуксина, В.В. Роль национальных институтов по содействию и защите прав человека в образовании в области прав человека / В.В. Чуксина // Известия Иркутской гос. экономич. академии (Байкальский гос. ун-т экономики и права). - 2011. - № 4. - С. 43. - EDN NXATAJ.

§ 3.3. Взаимосвязь криминалистики и этики

Харисова Э.А., Марданова Г.Р.

Криминалистика - это юридическая наука о раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений. И главная цель криминалистики - оказание содействия правоохранительным органам в расследовании преступлений, и находится она в тесном взаимодействии с правовыми дисциплинами, а также с такими общенаучными областями, как логика, этика, психология, социология и прочие.

На базе философских категорий разрабатывается общая теория криминалистики, в рамках которой формируются взгляды на систему методов и выявляются ключевые закономерности судебного исследования, важные для повышения результативности и практической значимости криминалистических рекомендаций. Этические нормы, изучающие мораль и общественные правила поведения, служат одним из фундаментальных ориентиров при разработке криминалистических проблем, определяя поведение сотрудников правоохранительных органов, следователей и судей при проведении следственных действий с целью сбора, анализа и использования доказательств, а также в ходе их взаимодействия в процессе доказывания.

Несмотря на многократное упоминание в уголовно-процессуальном законе, само определение термина «следственное действие» в законе отсутствует. По мнению З.Ш. Гатауллиной и Р.Р. Ахметова, под термином «следственное действие» следует понимать познавательную деятельность следователя, направленную на формирование доказательств о виновности (невиновности) лица в совершении преступления на основе всесторонности и полноты исследования [1, с. 66].

Взаимосвязь криминалистики и этики следственных действий

Криминалистика - прикладная наука, направленная на раскрытие, расследование и предотвращение преступлений. Она прошла значительный путь развития: от древних практик до современной научной методологии. В этом процессе существенное значение имеют этические нормы, которые регулируют поведение следователей, оперативников и судей в ходе сбора и исследования доказательств.

Этические нормы, в свою очередь, регулируют морально-нравственное поведение субъектов уголовного процесса и специалистов правоохранительных органов в ходе расследования и судопроизводства. Взаимосвязь криминалистики и этики является важной для формирования

эффективной, справедливой и гуманной системы борьбы с преступностью. Современные требования к законности и этичности криминалистических методов подразумевают, что все действия специалистов должны не только соответствовать правовым нормам, но и отвечать нравственным принципам общества.

Понятие этики в правоохранительной сфере

Этика, являясь разделом философии, занимается исследованием моральных норм, регулирующих поведение в обществе. Взаимодействие уголовного судопроизводства и криминалистики основывается на этических принципах, задающих требования добросовестности, справедливости, объективности и ответственности, обязательных для специалистов с целью обеспечить законность и защиту прав человека.

Работа следователя уникальна и сложна, он принимает решения от имени закона, государства. Чтобы справляться со своими особыми задачами, он должен обладать не только профессиональными знаниями, но и сильным характером, высокими моральными принципами.

Следует согласиться с мнением А.С. Кобликова, утверждающего, что нет, пожалуй, другой такой отрасли профессиональной деятельности, которая столь детально была бы урегулирована законом, как процессуальная деятельность, осуществляемая судьей, прокурором или следователем. Их действия и решения по существу и по форме должны строго соответствовать закону. Для профессиональной этики юриста характерна особая тесная связь правовых и моральных норм, регулирующих его профессиональную деятельность [3, с. 25]. И, действительно, именно процессуальная деятельность тесно взаимосвязана с этикой и моралью.

Соблюдение норм служебной этики для государственных служащих, включая сотрудников правоохранительных органов, закреплено в ряде официальных документов, где изложены их нравственно-этические принципы.

Например: Указ Президента РФ от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих», Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, Кодекс профессиональной этики нотариусов в РФ и т.д.

Кратко перечислим общие принципы, которыми должны руководствоваться при исполнении должностных обязанностей федеральные государственные служащие и государственные гражданские служащие субъектов Российской Федерации (далее – государственные служащие): добросовестность, соблюдение и защита прав и свобод человека, принципиальность, корректность, исключение корыстных действий, внимательность, справедливость, не оказывать предпочтения каким-либо профессиональным или социальным группам и организациям, быть независимыми от влияния отдельных граждан, социальных групп и т.д.

Профессиональная этика юриста (юридическая этика) - это совокупность морально-этических принципов и норм, которые образуют нравственные стандарты деятельности для представителей определенных профессий в сфере юриспруденции. Она является неотъемлемой частью юридической профессии, поскольку обеспечивает доверительные отношения между юристом и клиентом, способствует эффективному функционированию правовой системы [4].

Отметим, что требования морали находят свое непосредственное выражение в отдельных положениях Уголовно-процессуального кодекса. Например, ст. 9 УПК РФ. Уважение чести и достоинства личности (действующая редакция) [5].

Рассмотрим конкретно взаимосвязь криминалистики и этики при производстве осмотра места происшествия.

Осмотр места происшествия - это следственное действие, задачей которого является непосредственное восприятие следователем местности или помещения с целью исследования обстановки, а также для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования вещественных доказательств.

Следственное действие - одно из немногих следственных действий, производство которого разрешено законом до возбуждения уголовного дела.

Кратко перечислим некоторые принципы, на которых основывается производство осмотра места происшествия:

1. Объективность и всесторонность. Единство криминалистического принципа объективности и этической нормы беспристрастности проявляется в обязанности следователя фиксировать все значимые обстоятельства. Следователь обязан обнаруживать и фиксировать не только уличающие, но и оправдывающие обвиняемого или смягчающие его ответственность обстоятельства (ч. 2 ст. 164 УПК РФ) [5].

2. Неприкосновенность частной жизни. Осуществление осмотра места происшествия, в особенности в жилом помещении, представляет собой допустимое законом, но, тем не менее, существенное вмешательство в сферу частной жизни личности. В связи с этим этический долг следователя заключается не только в строгом соблюдении процессуальных норм (ст. 12 УПК РФ) [5]; (ст. 23 Конституции РФ) [6], но и в реализации принципа соразмерности данного вмешательства и принятии мер по обеспечению конфиденциальности полученных сведений.

3. Уважение к чувствам граждан и сохранение достоинства личности. Принцип гуманизма и уважения достоинства личности сохраняет свою значимость в ходе ОМП (например, при осмотре тела погибшего). Строгое соблюдение криминалистических правил осмотра трупа должно сочетаться с этически выверенным обращением, исключающим действия, оскорбляющие честь умершего (публичную демонстрацию, неуважительные высказывания, пренебрежительные действия, циничные комментарии). В отношении же

живых участников процесса - потерпевших, свидетелей, родственников - необходим тактичный подход, учитывающий психологическую травму и минимизирующий дополнительные нравственные страдания.

4. Использование фактора внезапности. Высокая вероятность причинения серьезной психической травмы уязвимым категориям граждан (не-совершеннолетние, пожилые, лица в стрессе) при осмотре в жилище. В этом случае необходимо соблюдать максимально тактичное поведение, обязательно разъяснять права и правовые основания проводимых действий для снижения психологического напряжения.

Таким образом, криминалистика и этика при производстве осмотра места происшествия тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга. Нормы этики необходимо соблюдать на всех стадиях осмотра места происшествия, начиная от планирования и заканчивая фиксацией результатов осмотра. Они выступают в роли внутреннего регулятора, обеспечивающего гуманистическую направленность следственной деятельности даже в условиях работы с противоправными и зачастую шокирующими событиями (например, убийства, терроризм, педофилизм). Только в единстве они образуют ту прочную основу, на которой может быть построено эффективное, справедливое и законное правосудие.

Этические проблемы применения криминалистической техники и специальных знаний

Криминалистика в современном мире бурно развивается, и это привело к широкому использованию технических средств (например, аудио-, видеозаписи, детектор лжи, современные методы ДНК-идентификации и т.д.). Их использование порождает новые этические вопросы:

- запись и скрытое наблюдение;
- использование детектора лжи;
- использование биометрических данных.

ДНК-анализ - это современный и высокоточный метод криминалистики, который заключается в определении личности человека путем анализа его генетического маркера. Как утверждают В.И. Романов, А.Н. Шалимов, следует отметить, что ДНК-идентификация требует самого внимательного отношения к тому, как она применяется на практике. Неправомерное, незаконное расшифровывание и использование этой информации может нанести моральный, социальный и иной вред ее носителю, повлечь существенное нарушение его конституционных и гражданских прав. Возможно использование полученной генетической информации и против биологических родственников, лиц, попавших в сферу уголовного судопроизводства [7].

Рассмотрим взаимосвязь криминалистики и этики при производстве обыска и выемки. Обыск и выемка являются сложными комплексными следственными действиями и отличаются диалектическим единством и

взаимодополняемостью. Другими словами, криминалистика, производя наиболее эффективные и рациональные тактические приемы, отвечает на вопрос: «как наиболее эффективно найти и изъять вещественные доказательства?», а этика - «как это сделать, не нарушая принципов профессиональной этики юриста и не нарушая достоинства личности?»).

Правовые и нравственные принципы этики составляют фундамент криминалистической тактики. Криминалистическая тактика использует тактические приемы при производстве обыска и выемки, которые не только эффективны, но и этичны. Эти тактические приемы не должны быть основаны на психическом насилии, жестокости, унижении, оскорблении.

Взаимосвязь криминалистики и этики при производстве обыска и выемки реализуется в следующих направлениях:

1. Тактичное обхождение с обыскиваемым и его близкими, учет их законных просьб и требований, а также исключение конфликтов на почве личных неприязненных отношений.

2. Этические ограничения при использовании криминалистических средств и методов. При производстве следственных действий применение криминалистической техники должно отвечать следующему условию: их использование допустимо, если при этом не нарушаются законные права и интересы граждан, нравственные и этические требования.

3. В статьях уголовно-процессуального закона должны быть закреплены этические требования.

4. Контроль со стороны суда. При производстве обыска (за исключением случаев, не терпящих отлагательства) необходимо получение судебного решения, это защищает право на неприкосновенность жилища, является этико-правовым барьером.

5. Участие понятых. Участие понятых служит гарантией достоверности, этической гарантией объективности.

6. Право на защиту. При проведении обыска допускается присутствие защитника и адвоката соответствующего лица. Эта правовая и этическая норма способствует обеспечению состязательности и защите прав обвиняемого.

Взаимосвязь криминалистики и этики при производстве допроса

Этика и криминалистика тесно связаны при проведении допросов, поскольку в процессе следствия часто используется психологическое воздействие на допрашиваемого.

Допрос – это часто производимое, сложное следственное действие, задачей которого является получение полной и достоверной информации об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела.

Профессиональная этика следователя сформулировала ряд принципов, обязательных для соблюдения в каждом тактическом приеме, применяемом во время допроса:

1. Основой уголовного процесса является принцип соблюдения законности и уважения человеческого достоинства. Недопустимы тактики допроса, которые унижают личность допрашиваемого или вызывают у него страх, подавленность или безысходность, включая оскорбления, угрозы и использование насилия.

2. Принцип объективности и беспристрастности предполагает, что следователь должен направлять свои усилия на поиск правды, а не на обвинение любой ценой. Соответственно, этика запрещает искажать вопросы, скрывать оправдывающие обстоятельства или помогать в даче ложных показаний.

3. Принцип честности и добросовестности в профессиональной деятельности запрещает обман для получения показаний. Доверие к системе правосудия достигается через уверенность в честности действий государственных органов. Применение лжи, даже с благими намерениями, наносит ущерб этому доверию.

4. Гуманизм как принцип проявляется в уважении к личности допрашиваемого независимо от тяжести совершенного преступления. Соблюдение процессуальных прав, обеспечение необходимых условий (таких как отдых и доступ к воде) и внимание к здоровью - это не просто формальности, а этические правила, которые помогают наладить психологический контакт и получить достоверные свидетельства.

Таким образом, следователь, обладающий не только криминалистическими знаниями, но и высоким уровнем профессиональной культуры, осознает, что истина, полученная нечестными методами, не может служить основанием для справедливого решения суда.

Как справедливо отмечает И.Я. Моисеенко, здесь уместно упомянуть и еще один важный нормативный акт, посвященный защите потерпевших и свидетелей, – Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», принятый Государственной Думой 31 июля 2004 г. Этим Законом предусмотрены различные меры защиты в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, в том числе такие, как личная охрана, замена документов, временное перемещение в безопасное место, изменение внешности и др. [8].

Пример этического нарушения при следственных действиях и последствиях

К сожалению, в российской практике нередки случаи, когда сотрудники полиции применяют насилие при задержании, как справедливо отмечают В.И. Романов и А.Н. Шалимов. Так, например, в марте 2012 г. в Казани в отделе полиции «Дальний» был задержан некто С. Назаров. Основанием для задержания послужили материалы камеры видеонаблюдения в продуктовом магазине, где Назаров покупал продукты и незаметно взял чужой мобильный телефон. Был задержан в порядке ч. 1 ст. 91 УПК РФ. Вину свою не признал, но

материалы камеры видеонаблюдения говорили об обратном. Чтобы получить признательные показания, к Назарову были применены самые изощренные пытки и издевательства, в результате чего он умер [7, с. 141-142].

Анализ следственной практики показывает, что несоблюдение действующих этических и уголовно-процессуальных норм при расследовании преступлений, производстве правосудия негативно влияет на авторитет правоохранительных органов. Соблюдение профессиональной этики - это прямая процессуальная обязанность следователя, невыполнение которой имеет серьезные юридические последствия.

Список литературы:

1. Гатауллин, З.Ш. Следственные действия по делам о преступлениях террористической направленности / З.Ш. Гатауллин, Р.Р. Ахметов // International Law Journal. - 2023. - Т. 6. - № 7. - С. 64-67. - EDN WGDHMY.

2. Родионов, Р.А. Этический кодекс криминалиста. [Электронный ресурс]. - URL: <https://raa.ru/wp-content/uploads/2020/12/ЭТИКА-РОДИОНОВ.pdf> (дата обращения: 06.10.2025).

3. Кобликов, А.С. Юридическая этика: Учебник для вузов. - 2-е изд., изм. - М.: Норма, 2004. - 176 с.

4. Самсонок, Д.И. Профессиональная этика в юридической практике: основные принципы // Научный аспект. - 2024. - № 6. - Право. [Электронный ресурс]. - URL: <https://na-journal.ru/6-2024-pravo/13661-professionalnaya-etika-v-ridicheskoi-praktike-osnovnye-principy> (дата обращения: 06.10.2025).

5. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 23.07.2013 г.) // Собр. Законодательства РФ. - 2001. - № 52 (ч. 1). - Ст. 4921 «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (УПК РФ) от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ в ред. от 21.04.2025 г.

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) [с учетом поправок, внес. законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ] // Российская газета. - 2020. - 4 июля.

7. Романов, В.И., Шалимов, А.Н. Этика предварительного следствия с применением научно-технических средств // Вестник экономики, права и социологии. - 2013. - № 4. - С. 141-143.

8. Моисеенко, И.Я. Этика процессуальных следственных действий в ходе производства предварительного расследования // Вестник Пермского ун-та. Юрид. науки. - 2009. - Вып. 3 (5). - С. 141-143.

ЧАСТЬ II. МЕЖДУНАРОДНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И СТАНДАРТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Глава 4. Международное законодательство и правовые стандарты защиты прав человека

§ 4.1. Международное и российское законодательство о защите прав человека (сравнительно-правовое исследование)

Гатауллин З.Ш.

Несмотря на то, что вопросы правового регулирования защиты прав человека давно уже достаточно подробно исследованы [9; 15; 21], тем не менее, в процессе углубленного межгосударственного взаимодействия и взаимопроникновения в политической, экономической, культурной и в иных сферах возникает немалое количество вопросов, которые вызывают необходимость более глубокого теоретического осмысления и поиска научно обоснованного подхода к проблемам их правового регулирования.

В сфере исследований проблемных аспектов обеспечения защиты прав человека неоценимый вклад вносил профессор А.Б. Мезяев, раньше времени покинувший наши ряды [17, с. 363-394], который тесно сотрудничал с зарубежными исследователями. Особый интерес вызывает его диссертационное исследование по вопросам защиты прав обвиняемого в рамках уголовного преследования по международному законодательству [18].

С этимологической точки зрения термин «права человека» исходит из термина «право», означающего действовать определенным образом либо, наоборот, воздержаться от совершения какого-либо действия [27].

Примерно такого же мнения придерживался известный профессор Казанского Императорского университета Г.Ф. Шершеневич, который считал, что право есть правило поведения, которого придерживаются под угрозой наказания [36, с. 124].

В догосударственный период, на этапе ведения стадного образа жизнедеятельности человеческого сообщества, соблюдение правил поведения обеспечивал вождь, который не давал в обиду слабого со стороны сильного, тем самым обеспечивал защиту прав обижаемого, «за нарушение этих и иных правил особь подвергалась агрессии вождя» [21, с. 23-32].

Дальнейшее развитие человечества в прогрессивном направлении приводило к формированию различных социальных норм, которые стали инструментом обеспечения защиты прав человека: добрые дела поощрялись, злые преследовались, крайняя мера - выдворение за пределы общины.

С появлением государства социальные нормы первобытного общества стали фундаментом формирования правовых норм, постепенно непосредственное правовое регулирование защиты прав человека перешло

государству. Одни пришли к пониманию о необходимости указания этого в законе в более ранний период развития человечества, другие - гораздо позже.

Так, первые попытки правового регулирования защиты прав человека были проделаны английской Великой хартией вольностей в 1215 г. Британцы по ней получили не только право на судебную защиту от произвола вне зависимости от имущественного ценза, но и право на свободное перемещение в пределах королевства, а также право свободного выезда и обратного возвращения на Родину [24, с. 189-192]. Король Иоанн Безземельный, уступая требованию восставших вассалов и подданных [3, с. 198-205], утвердил Великую хартию вольностей 1215 г., согласно которой, с одной стороны, ограничил свою власть в пользу защиты прав своих подданных, а с другой - отрегулировал взаимоотношения между монархом и его вассалами [26, с. 81-89].

По данному акту, который состоял из 63-х статей, запрещались неподтвержденные и незаконные задержания, арест, заключение в тюрьму без строгого соблюдения процессуальных норм, в нарушение закона изгнание с земельного владения, также установилась неприкосновенность имущества. Защита перечисленных прав и иных прав подданных королевства, изложенных в Великой хартии вольностей 1215 г., представлялась возможной только при условии предоставления суду независимости, что было гарантировано изданием специального закона, тем самым удалось избежать случаев внесудебной расправы. Несмотря на наличие существования сюзерена и вассалов, появилась историческая возможность создания общества свободных людей английского королевства в борьбе за политическую свободу.

По Великой хартии вольностей 1215 г. подданные короля наделялись правом свободного перемещения по всему королевству. Если все это сравнивать с условиями российской империи, когда крепостное право крестьян формально было отменено только в 1961 г. на основании «Положения о крестьянах», утвержденного императором Александр II [20, с. 42-53], фактически крестьяне-колхозники еще и в Советский период таковыми оставались почти до развала СССР, поскольку им не выдавались паспорта, в отсутствие которых не представлялось возможным переехать на иное место жительства, следовательно, крестьяне-колхозники оказались привязанными к колхозам и оставались в статусе «советского крепостного права» [30, с. 100-104], а начавшаяся в 1974 г. запоздалая полная паспортизация затянулась до 1981 г. [6].

Примечательно, английский король Эдуард III, правивший в тот период, приказал всем своим родственникам, а также приближенным к трону неукоснительно соблюдать требование общего права, исходящего из положений Великой хартии вольностей 1215 г., об ответственности за вмешательство в судебную деятельность, не сделал исключения и для себя относительно независимости судебной власти.

Парламент не остался в стороне: утвердил текст клятвы судей, по нему судьи давали клятву защищать права подданных королевства (независимо богатый или бедный), причем судебное разбирательство осуществлялось в коллегиальном составе - вариант, который сам по себе исключает подкуп судей, им и так запрещалось брать подарки, руководствоваться незаконными распоряжениями или приказами по рассматриваемому судом делу, противоречащими закону.

Безусловно, короли менялись, Великая хартия вольностей редакции 1215 г. подвергалась изменениям как по объему, так и по содержанию, но одно бесспорно - этот акт британского королевства является важнейшим документом английского права, который был принят, прежде всего, для защиты прав человека, действовал 750 лет (аж до 1965 г.), затем был упразднен парламентом.

В сфере обеспечения гарантии защиты прав человека и обеспечения справедливого управления неocenимую роль сыграло принятие в 1689 г. одного из наиболее важных документов в области права под названием английский Билль о правах, полное официальное наименование: «Акт, декларирующий права и свободы подданного и устанавливающий наследование короны», который положил начало процессу установления конституционной монархии в Британии, где власть короля ограничена парламентом.

Принятию Билля о правах 1689 г. предшествовал ряд событий, происшедших в Англии. После казни короля Карл I в 1649 г. в стране во главе с Оливером Кромвелем на определенный период установилась республиканская форма правления. Затем к власти вернулся Карл II и вновь восстановил монархию, однако, не оставив после себя наследника, он в 1685 г. скончался. К власти пришел Яков, младший брат Карл II, который, будучи католиком, попытался сделать все возможное, чтобы восстановить права единоверцев (других католиков) в Англии. Подобные действия в ту пору законом не были запрещены.

Безусловно, такие действия непопулярного монарха вызывали возмущение парламентариев, представителей англиканской церкви, что приводило сначала к мелким стычкам, которые затем перерастали во враждебную конфронтацию между королем и парламентом, и закончились эти неприязненные отношения вынесением парламентом решения об отстранении короля Якова от власти, который впоследствии вынужден был бежать из страны. Парламент объявил протестантского принца Оранского Вильгельма королем, закрепив его власть в монархии положениями Билля о правах 1689 г. Так завершилась именуемая историками Славная революция, вызванная противостоянием на религиозной почве между протестантами и католиками [4].

Акт содержит положения, пронизанные ненавистью к попыткам римско-католической церкви управлять Англией, утверждение власти короля

исключительно британской юрисдикции, тем самым удалось отрегулировать запрет на наследование короны для католиков, одновременно законодательно оформлена система престолонаследия только представителями англиканской церкви, установлен запрет монарху не только быть католиком, но и вступать брак с католичкой.

Некоторые исследователи анализируют содержание текста Билля о правах и пытаются обосновать тезис о том, что этот акт, кроме повторения ранее принятых документов по защите прав подданных королевства, ничего нового не содержит. Такая позиция в категоричной форме опровергнута В.А. Томсиновым, по его утверждению, достаточно проникнуть в смысл содержания даже преамбулы Билля о правах [1], чтобы понять, что это действительно документ конституционного значения [29, с. 250-260].

Конституционность данному акту придает, с одной стороны, принятие его конвентом, представителями, которые законно, полно и свободно представляли все сословия народа Англии, а с другой - продекларированы принципы и нормы, регулирующие осуществление ряда важнейших полномочий государственной власти:

Во-первых, произошло ограничение власти короля в сфере принятия и действия законодательства, причем в пользу парламента, тем самым установлено верховенство парламента, впредь право издавать законы и взимать налоги принадлежит исключительно парламенту, парламентский контроль над военными вопросами положил конец абсолютной монархии (п. 1).

Во-вторых, гарантированы проведение свободных выборов в парламент (ст. 8), свобода слова и право на свободные дебаты при принятии решений в парламенте (п. 9).

В-третьих, внесены изменения в судебную систему, в частности, установлен запрет на чрезмерные налоги и штрафы, недопущение жестокого наказания, появилось право на судебную защиту коллегией присяжных (п. 11) и т.д. [28, с. 236-250].

Подданные королевства получили подтверждение гарантированных прав на ношение и использование оружия для самообороны, подачу петиции королю, право на обжалование внесудебной конфискации имущества и т.д.

Конституционность английского Билля о правах 1689 г. выражается в том, что была установлена конституционная монархия, верховенство закона, сформирован дееспособный парламент, тем самым положено начало разделению властей и управления по согласию, гарантирована защита прав подданных королевства.

На его основе был принят ряд важнейших документов, направленных на защиту прав человека, таких как американский Билль о правах в 1791 г., даже Европейская конвенция по правам человека 1950 г. [14], последний документ из этого перечня в связи с прекращением членства РФ в Совете Европы, после

начала СВО на Украине [23], в соответствии с Законом № 43 от 28 февраля 2023 г. утратил юридическую силу [33].

Билль о правах 1689 г. оказал позитивное влияние на формирование основ демократической системы не только Англии, отцы-основатели США успешно использовали его положения для установления американской конституционной системы управления с привлечением широких слоев населения к этому процессу.

Современные исследователи не перестают удивляться живучести британской парламентарной монархии, независимо от меняющихся процессов глобализации, удастся сохранить самоидентичность, приспособлять формы государства к постоянно меняющимся социально-экономическим и политическим реалиям [12, с. 236-243]. Сохранившийся из глубины веков королевской трон для британцев выступает в качестве символа национального величия, парламент как элемент парламентарной монархии, формируемый на подлинно демократической основе, функционирует, прежде всего, в интересах подданных королевства, защищая права человека.

История развития человечества распорядилась так: английский Билль о правах 1689 г. послужил основой для принятия американского Билля о правах 1791 г.: отцы-основатели Конституции США в ее редакции 1787 г. сумели заложить основы сильной федеральной власти, однако не удосужились гарантировать защиту прав человека от произвола власти, что вызвало возмущение большинства американцев, более того, народ резко выступил против текста Основного закона без упоминания о правах человека, пригрозил отказом от ратификации текста без гарантии прав личности.

Антифедералисты, в статусе демократической оппозиции, были крайне недовольны тем, что федеральные власти получили слишком много полномочий, в категоричной форме требовали ускорить принятие Закона о правах граждан, им удалось одержать победу, под их давлением Джеймс Мэдисон, тогдашний Президент США, вынужден был внести в Конгресс предложение о необходимости внесения изменений в Конституцию, так появился американский Билль о правах 1791 г., содержащий 10 поправок к Основному закону страны, хотя первоначально Джеймс Мэдисон и Томас Джефферсон разработали 12 поправок, 2 поправки из общего количества были отклонены.

Безусловно, американский Билль о правах 1791 г. является важнейшим юридическим документом, гарантирующим личные политические права и свободы граждан США, в нем гарантировались:

- свобода слова, печати и собраний, право создавать общественные объединения (I поправка);
- право на ношение и применение оружия в целях самообороны (в сегодняшних реалиях нередки случаи гибели невинных людей в результате применения неадекватными лицами огнестрельного оружия, часть населения

выступает за отмену этой II поправки);

- неприкосновенность личности и имущества, запрет на незаконный обыск и арест (IV поправка);

- права граждан на суд присяжных (V поправка).

В результате проведенного анализа содержания американского Билля о правах 1791 г. выяснилось, что X поправка давала возможность самим штатам на основе принятых ими законов гарантировать защиту прав человека, не нашедших своего отражения на федеральном уровне.

Для сравнения: Россия так же, как и США, является федеративным государством, однако в отличие от субъектов - штатов США субъекты такого права лишены, более того, ст. 73 Конституции РФ, призванная регламентировать права субъектов РФ, помимо общих, ничего не означающих фраз, никакой конкретики не содержит, следовательно, Конституция РФ определяет своих субъектов бесправными.

Права субъекта РФ - это же, прежде всего, права человека. Попытки Татарстана преодолеть юридический пробел в ст. 73 Конституции РФ путем установления договорных отношений между РФ и РТ в 1994 и 2007 годах были вынужденными. К сожалению, с 2017 г. по вине федерального уровня вновь вернулись к прежней позиции, юридического документа, регулирующего взаимоотношения между РФ и РТ, нет, сохраняется правовой вакуум.

Несмотря на ряд недостатков, в качестве такового отметим то, что в поправках к Конституции США не нашли своего отражения гарантии социальных и экономических прав, тем не менее, велика роль Билля о правах 1791 г. в консолидации американского населения, установлении американской демократии. Нелишним будет отметить, что Билль о правах 1791 г. является составной частью Конституции США, имеет высшую силу и прямое действие, этим обстоятельством обязан руководствоваться Конгресс при законотворчестве.

Авторы проекта Всеобщей Декларации прав человека, который был принят на уровне ООН 10 декабря 1948 г., при его разработке неоднократно обращались к тексту американского Билля о правах 1791 г., который, в свою очередь, был принят на основе английского Билля о правах 1689 г. Между этими двумя актами много общего, даже отдельные пункты по содержанию идентичны.

Гарантии защиты прав человека, исключаяющие монополию власти в отношении населения, достаточно подробно были прописаны во французской «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г., принятой парламентом. Этим же актом впервые вводится понятие права человека.

Некоторые авторы французскую «Декларацию прав человека и гражданина» 1789 г. называют «фантастически удивительным документом» [37, с. 67-84]. Действительно, в ней нашли свое отражение четко сформулированные философами и политиками того времени принципы,

ценности и правила мирного общежития, предназначенные для различных социальных слоев французского общества, в том числе исповедующих различные религии.

Авторы-разработчики, привлеченные к созданию проекта этой Декларации, достаточно умело смогли перенять позитивные и апробированные нормативные положения из текста, принятые раньше французской Декларации подобными актами стран, признанных как продвинутые (например, Англия и США).

В основу французской Декларации легли положения английского Билля о правах 1689 г., использовали даже нормы Великой хартии вольностей 1215 г., признаваемой как самый первый политико-правовой документ, ставший неотъемлемой частью некодифицированной британской конституции.

Совместные усилия не только французских, но и английских и американских философов увенчались успехом, им удалось создать важнейший политико-правовой документ, предназначенный не только для внутреннего потребления французского общества, что не очень важно, положения французской Декларации помогли сформулировать основные положения западной цивилизации, которая к тому времени достаточно сильно уступала восточной, мусульманско-исламской цивилизации.

По утверждению Г. Мирского, термины «ислам» и «исламская цивилизация» звучат как синонимы, причем ислам выступает не только в качестве религии – это образ жизни [19, с. 29-37]. Не вся информация, льющаяся в СМИ западных стран, является правдивой, давно назрела необходимость «через просвещение ликвидировать колоссальное невежество, окружающее все, что связано с исламом» [5, с. 67-68].

Следует признать, исламская и западная цивилизации имеют глубокие противоречия, находятся в противостоянии, даже в столкновении [34, с. 33-48], которая продолжается и в современных условиях. Однако возникает закономерный вопрос: чем объясняется столкновение западно-христианской цивилизации не с иудейской, буддистской, а именно с исламской-мусульманской цивилизацией?

Как бы там ни было, альтернативы не существует, вариант только один - мировое сообщество должно приложить максимальные усилия для поиска точек соприкосновения и создания условий для мирного существования различных религий и цивилизаций. Бесспорно, у человеческого сообщества имеются все условия для мирного сосуществования народов с разными вероисповеданиями, социальных общностей верующих и неверующих, нужен мир, иной вариант - конфронтационный, а значит - контрпродуктивный.

Конфронтация, безусловно, вредна, в случае с Францией во второй половине XVIII века сложилось противостояние между монархией и различными социальными слоями общества, правящая элита ввела несправедливую налоговую систему, в результате реализации непродуманной

финансово-экономической политики возникло социальное неравенство, резко ухудшилось материальное состояние населения.

Возникшая конфронтация привела к взятию Бастилии 14 июля 1789 г., положившему начало Великой французской буржуазной революции, которая завершилась только 9 ноября 1799 г., в ходе которой 26 августа 1789 г. состоялось принятие Национальным учредительным собранием французской «Декларации прав человека и гражданина», рассматриваемой нами.

Сам текст Декларации состоял из преамбулы и 17-ти статей, которые если по формулировке и разнятся, то по смыслу повторяют положения ранее принятых аналогичных английских и американских актов. В качестве новеллы следует привести формулировку ст. 15, смысл которой сводится к тому, что у «источника суверенной власти-нации» (формулировка ст. 3) появляется право потребовать, считай, от любого должностного лица отчета о проделанной им работе, в том числе по «обеспечению гарантий защиты прав человека» (формулировка ст. 16) [9].

Россия не могла отстать от других государств, поэтому хотя и с большим опозданием, но все-таки приняла свою Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа от 12 (25) января 1918 г. [8], правда не буржуазную, в отличие от предшественников, а социалистическую.

Сравнительно-правовой анализ текста социалистической Декларации с текстами английской, американской и французских деклараций позволяет сделать вывод о том, что в буржуазных декларациях изложены схожие положения, отличий мало, складывается такое мнение, что одна часть общества социалистической России наделялась конкретными правами человека за счет ущемления (точнее - лишения) этих же прав у другой части социума.

Так, в разделе I Декларации ставится задача «уничтожения эксплуатации», более того, «уничтожения самих эксплуататоров». Как следует это понимать? Классик самих большевиков, сочинивших эту Декларацию, Карл Маркс, давно определил: эксплуатация человека человеком означает, что капиталист нанимает рабочего, получая конечный продукт себе в собственность, наемному работнику выплачивает заработную плату, прибавочная стоимость также остается за ним [35, с. 27-39].

Можно предположить, скажем, что большевики уничтожили эксплуатацию человека человеком, эксплуатации нет, заводы, фабрики, шахты и проч. изъяты у собственника (эксплуататора), причем безвозмездно. Такая политика проводилась на основе п «в» ст. 3 Конституции РСФСР 1918 г. Кто, кроме социалистических наемных работников, будет производить продукцию на этих и иных предприятиях уже не при капитализме, а при социализме? Хотим или не хотим, и в первом и во втором случае нанимается эксплуатируемый работник. Разница только в том, что при капитализме наемный работник свободно договаривается об оплате труда, а при социализме размер заработной

платы определяет государство, причем труд является обязанностью, отказаться нельзя, иначе «привлекут к ответственности за тунеядство» [15, с. 212-229].

Другая половина текста раздела I Декларации ставит очередную задачу относительно «беспощадного подавления эксплуататоров»; наличие термина «беспощадное» настораживает, по смыслу следует понимать безжалостное, жестокое, не знающее пощады, как таковое подавление началось с лишения так называемых нетрудовых классов (эксплуататоров) всяческих, прежде всего избирательных, прав, «лишение положило начало репрессиям» [31, с. 192-197], следует понимать - физическому устранению. Положения ст. 23 Конституции РСФСР 1918 г. давали права на лишение прав без указания видов, следует понимать, всех возможных прав.

Очередная задача, вытекающая из текста раздела I Декларации, «установление социализма во всех странах», нашла свое отражение в Конституции РСФСР 1918 г. Если положения Декларации являются намерениями, запланированными для осуществления, конституционные нормы обязывают претворять их в жизнь. Если нами правильно понимаются положения ст. 3 Конституции РСФСР 1918 г., они обязывают проводить политику вмешательства в дела других государств, без чего установление социализма во всех странах не представляется возможным.

Если рассмотренные нами английский, американский и французский акты, направленные на обеспечение защиты прав человека, принимались и действовали только в пределах суверенных государственных границ каждой из этих стран, то Всеобщая декларация прав человека принималась Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. и имеет международный характер, 48 стран из 58-ми тогдашних членов ООН проголосовали за ее принятие.

В структурном отношении Декларация состоит из преамбулы, в которой изложены исторические и социальные причины, приведшие к необходимости ее принятия, и 30-ти статей, определяющих права человека в различных сферах человеческой деятельности. Сама Декларация является рекомендательным документом, не носит обязательного характера, в ней отсутствует механизм принуждения, возможно, наступление моральной ответственности перед остальными государствами, что касается двух документов, принятых на ее основе: Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, которые являются обязательными для стран их подписавших.

Подавляющее количество статей Декларации начинается со слов: «каждый имеет право», это и понятно. Так, ст. 21 регламентирует право каждого человека на непосредственное управление государством. Видимо, разработчики проекта действующей Конституции РФ учли это обстоятельство и внесли в ст. 81 положение о праве гражданина РФ претендовать на должность Президента РФ.

В связи с этим возникает вопрос: раз каждый, может ли татарин,

гражданин РФ, претендовать на такое? Кажется, да, однако шансов нет, поскольку в условиях отсутствия четко выработанной государственной национальной и межнациональной политики в современных российских условиях, а также разделения населения на государствообразующих и на инородцев, как было в царской империи, русские, которых, как утверждает статистика, большинство, проголосуют против татарина.

США эталоном не является, однако случаев, когда американский избиратель отдавал предпочтение претенденту за его профессионализм и компетентность, явно игнорируя его национальную или религиозную принадлежность, в американской истории было немало. Достаточно привести в качестве примера президентство в два срока афроамериканца с мусульманскими корнями Барака Обамы Хусейна.

Положения ст. 10 Декларации устанавливают право каждого на справедливый, независимый и беспристрастный суд; ст. 47 Конституции РФ содержит схожую норму. Однако право граждан на суд присяжных ограничено: скажем, лицо, совершившее убийство по ч. 1 ст. 105 УК РФ (пересмотрено максимальное наказание до 15 лет лишения свободы), имеет право на суд присяжных, а лицо, совершившее преступление по ч. 1 ст. 205.2 УК РФ (публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма - максимальное наказание до 5 лет лишения свободы), лишено такого права.

Понятно, имеется разъяснение Конституционного Суда РФ по этому поводу, возглавляемого в последние десятилетия бессменным его председателем, который принимает чаще всего не юридические, а сугубо политические (следовательно, в интересах существующей власти) решения, об этом свидетельствуют выносимые особые мнения отдельных судей этого суда, в том числе об ограничении прав на суд присяжных.

Безусловно, в целях обеспечения защиты прав человека беспристрастность суда по правилам Декларации (ст. 10) и Основного закона России (ст. 47) должна быть соблюдена, хотя такой принцип, как беспристрастность суда, в действующей редакции УПК РФ отсутствует, в УПК РСФСР по ст. 20 этот принцип соблюдался. Возможно, законодатель посчитал достаточным регулирование такового в Кодексе судейской этики (ст. 9) [13].

В уголовном судопроизводстве в целях обеспечения прав человека и соблюдения принципа беспристрастности возникли сложности с момента внесения изменений Законом № 467 от 29.12.2017 г. в ст. 30 УПК РФ [32], суду районного звена предоставлено рассмотрение уголовных дел коллегией присяжных в составе 6-ти человек. Как обеспечить соблюдение принципа беспристрастности суда формированием коллегии присяжных, скажем, в моем родном Алексеевском районе, с количеством населения всего 26,2 тыс. человек [2], когда почти каждый каждого знает лично, учились вместе, работали или работают в одном коллективе, живут рядом и т.д.? Кажется, законодатель не

удосужился продумать до конца этот момент.

Приход Трампа к власти в США положил начало краху прежнего миропорядка, установленного победителями фашизма в 1945 г., решениями Ялтинской и Тегеранской встреч лидеров СССР, США и Великобритании. Последние события связаны с бомбардировкой ядерных объектов Ирана сначала ВВС Израиля, затем США под надуманным предлогом: якобы имеется информация о том, что Исламская Республика занимается разработкой ядерного оружия, хотя собственные разведслужбы США опровергают данное обвинение.

Может возникнуть вопрос: какое отношение имеет это к защите прав человека? Ничем не спровоцированная агрессия Израиля и США в нарушение всех норм международного права, суверенитета и территориальной неприкосновенности Исламской Республики Иран, гарантированных Уставом ООН, привела не только к разрушениям зданий и сооружений, но и к многочисленным человеческим жертвам, а это прямое нарушение права на жизнь (ст. 3 Декларации).

Относительно ядерной программы Ирана Россия устами пресс-секретаря Президента РФ Дмитрия Пескова заявила о том, что никто не может лишать кого-либо права на разработку ядерной программы, строительство и эксплуатацию атомной электростанции [23]. С целью контроля над использованием атома в мирных целях в 1957 г. было создано Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ). По состоянию на 2024 г. членами МАГАТЭ являются 180 государств, мониторинг за ним, а не за Израилем и США, которые имеют права на ядерную программу, а у Ирана, якобы, не должно быть такого права, - заявляет Трамп, Президент США, вторгаясь в полномочия МАГАТЭ.

В недалеком будущем получение энергии, в том числе электрической, на основе углеводородных источников однозначно будет заменено на более эффективный альтернативный источник атомной энергии [11, с. 132-142], запасы органических ресурсов могут быть истощены, следовательно, Иран, по примеру других ядерных стран, имеет полное законное право на более дешевый вариант получения энергии, в том числе через ядерную программу, разработанную в мирных целях.

Попытки администрации Президента США Трампа сделать Канаду 51-м штатом, претензия к Гренландии, попытки выселения палестинцев со своей земли, введение американских пошлин на ввозимые другими странами товары в нарушение установленных правил Всемирной торговой организации (ВТО), бомбардировки Ирана в обход санкций Совета Безопасности ООН и ряд других обстоятельств привели к тому, что международное право перестало действовать.

Мировая политика правового регулирования возможных конфликтов напрочь игнорируется, на передний план выдвинулась политика силового

воздействия. ООН, призванная регулировать конфронтацию между странами, стала недееспособной. Совет Безопасности стал инструментом, позволяющим пяти его постоянным членам - России, Китаю, Великобритании, США и Франции - блокировать любое подготовленное членами ООН решение, если оно противоречит их интересам или интересам их союзников.

Резолюции Генеральной Ассамблеи не могут быть блокированы, однако в отличие от решений Совета Безопасности, которые являются обязательными, носят только рекомендательный характер, следовательно, могут быть проигнорированы.

На планетарном уровне сложилась такая ситуация: страны либерального толка, созданные после Второй мировой войны, западной ориентации (можно именовать их G 7), испытывают сложности в управлении остальным миром, прежде всего странами юга Африки, которые в современных условиях открыто заявляют недовольство своим статусом сырьевых стран, ускоренными темпами развивают экономику, претендуют на самостоятельное распоряжение природными ресурсами, что вызывает раздражение стран западной цивилизации.

С другой стороны, проявляют активность традиционалисты, монархии, которые, по итогам Второй мировой войны, проиграли либералам, страстно стремятся взять реванш в создавшейся ситуации, когда либералы находятся в положении проигрывающих, помимо этого, сложились условия международно-правового вакуума.

Возникла необходимость выработки совершенно нового миропорядка, желание имеется, а возможностей нет, идет ожесточенное столкновение глобальных игроков, прежде всего между США, Евросоюзом и Китаем, остальные государства находятся под влиянием этих главных игроков. Монополию держат США, которые хотят сохранить статус-кво, получится ли - покажет время.

Список литературы:

1. Акт, декларирующий права и свободы подданного и устанавливающий наследование короны (Билль о правах). - [https://ru.wikisource.org/wiki/Билль_о_правах_\(1689\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Билль_о_правах_(1689)).
2. Алексеевский муниципальный район РТ. - <https://alekseevskiy.tatarstan.ru/about.htm>.
3. Аникиев, М.В. Великая хартия вольностей: исторический контекст // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. - 2016. - Т. 17. - Вып. 2. - С. 198-205.
4. Билль о правах (1689 г.) - что он предусматривал? - <https://politicsteaching.com/2024/01/07/the-bill-of-rights-1689-what-did-it-do/>.
5. Брагин, А. История исламской цивилизации // Азия и Африка сегодня. - 2009. - № 8. - С. 67-68.

6. «Выдачу паспортов нового образца провести с 1 янв. 1976 г. по 31 дек. 1981 г.». - Это строка из Постановления Совмина СССР от 28 авг. 1974 г. «Об утверждении Положения о паспортной системе в СССР».

7. Двойные стандарты в защите прав человека. Казус профессора Шешеля: Сб. ст. / Мезяев, Баррио, Сокич / Изд. «Фонд историч. перспективы», 2009. - 384 с.

8. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. [Принята III Всерос. съездом Советов. - <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5320/>].

9. Декларация прав человека и гражданина (Конституция Франции) 1789 г. - <https://www.consultant.ru/>.

10. Дубровина, О.В., Ди Тата Франция, П.Г., Дубровина, О.Ю. Права человека в современных условиях глобализации: российское и зарубежное измерение // Вестник Новосиб. гос. пед. ун-та. - 2018. - Т. 8. - № 3. - С. 92-103.

11. Жарких, М.В. Мирный атом - из XX в XXI вв.: от оружия массового уничтожения до двигателя массового прогресса // Вестник МГИМО-Университета. - 2012. - № 5 (26). - С. 132-142.

12. Ковалев, И.Г. Билль о правах и начало законодательного оформления системы престолонаследия в Англии // Историч. ж-л: научные исслед. - 2015. - № 2 (26). - С. 236-243.

13. Кодекс судейской этики от 19 дек. 2012 г. (Утв. VIII Всерос. съездом судей 19 дек. 2012 г.) (с изм. и доп.). - <https://base.garant.ru/70301432/493aff9450b0b89b29b367693300b74a/>.

14. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Рим 04.11.1950 г.) (с изм. от 24.06.2013 г.) (вместе с Протоколом [№ 1] (Подписан в г. Париж 20.03.1952 г.), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод, помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (Подписан в г. Страсбург 16.09.1963 г.), Протоколом № 7 (Подписан в г. Страсбург 22.11.1984 г.)). - https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (Утратил силу).

15. Ластовка, Т.В. Тунеядство в СССР (1961-1991): Юрид. теория и социальная практика // Антропологич. форум. - СПб., 2011. - № 14. - С. 212-229.

16. Международная и внутригосударственная защита прав человека: Учебник / Ред. Р.М. Валеев - М.: Изд. «Статут», 2011. 834 с. - (Учебник Казанского ун-та).

17. Мезяев, А.Б. Защита прав обвиняемых в современном международном уголовном процессе: Актуальные вопросы теории и практики. - Казань: ИЦ Университета управления «ТИСБИ», 2014. - С. 363-394. - 395 с.

18. Мезяев, А.Б. Права обвиняемого в современном международном уголовном процессе (вопросы теории и практики): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 2013. - 68 с.

19. Мирский, Г. Исламская цивилизация в глобализирующемся мире // Мировая экономика и международные отношения. - 2004. - № 6. - С. 29-37.
20. Муравьева, Л.А. Отмена крепостного права в России: причины, механизм реализации, значение // Гуманит. науки. - 2012. - № 2 (6). - С. 42-53.
21. Попов, С.Н. Право в догосударственных обществах // Вестник Челябинского гос. ун-та. - Серия: Философия. Социология. Культурология: Научный ж-л. - 2008. - Вып. 6. - № 11 (112). - С. 23-32.
22. Права человека в России: история, теория и практика: Учебное пос. / Д.Т. Караманукян и др.; Отв. ред. и авт. предисл. Д.Т. Караманукян. - Омск: Омская юрид. академия, 2015. - 307 с.
23. Президент Российской Федерации В.В. Путин 24 февр. 2022 г. объявил о начале Специальной Военной Операции на Украине. - <https://www.rbc.ru/politics/24/02/2022/6216f2859a79474c63d4019b>.
24. Романовская, В.Б., Минеева, Т.Г. Великая хартия вольностей и законодательство английского парламента позднего средневековья // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. - 2014. - № 5. - С. 189-192.
25. Россия настаивает на праве всех стран на мирный атом, - заявил Песков. - <https://ria.ru/20250623/peskov-2024822597.html>.
26. Степанов, А.А. Великая хартия вольностей. Ее история и публикация // Вестник РГГУ. - Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информац. безопасность. - 2017. - № 3 (9). - С. 81-89.
27. Тихомирова, Л.В., Тихомиров, М.Ю. Юридическая энциклопедия. – Изд. 5-е (доп. и перераб.) / Под ред. М.Ю. Тихомирова. - М., 2007. - С. 670.
28. Томсинов, В.А. Славная революция 1688-1689 годов в Англии и Билль о правах. - М.: Зерцало-М, 2010. - С. 236-250.
29. Томсинов, В.А. Английский билль о правах 1689 года: политико-правовой комментарий // Известия высших учебных заведений. Правоведение. - СПб., 2010. - С. 250-260.
30. Туманов, Д.Ю. Государственно-правовая политика Советского государства в отношении крестьянства в конце 1920-1930-х гг. // Правовая политика и правовая жизнь. - 2012. - № 3. - С. 100-104.
31. Упоров, И.В. Особенности социально-политических процессов в годы НЭП: организационно-правовой аспект // Economy and Business: Theory and Practice. - 2024. - Vol. 7 (113). - Рр. 192-197.
32. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 30 и 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» от 29.12.2017 г. № 467-ФЗ. - https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286693/.
33. Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекраще-

нии действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы». - <https://rg.ru/documents/2023/03/01/fz43-site-dok.html>.

34. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций? // Полис. - 1994. - № 1. - С. 33-48.

35. Черников, М.В. Проблема эксплуатации человека человеком: концептуальный анализ // Journal «Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research». - 2021. - № 10 (12). - С. 27-39.

36. Шершеневич, Г.Ф. Социология. Лекции / Г.Ф. Шершеневич. - М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1910. - С. 124.

37. Яковлева, Л.И. Французская декларация прав человека и гражданина 1789 года: история принятия, предпосылки, уроки // Вестник Московского ун-та. - Сер. 7. Философия. - 2018. - № 3. - С. 67-84.

§ 4.2. Международные стандарты защиты интеллектуальных прав

Аламова С.М., Аламов И.Л.

Современное международное право прав человека охватывает широкий спектр личных, политических, экономических, социальных и культурных прав, среди которых особое место занимает право каждого человека на защиту результатов своей интеллектуальной деятельности. Это право, зафиксированное в ст. 27 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и в дальнейшем получившее развитие в ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., включает в себя как право автора на охрану своих произведений, так и право общества на свободный доступ к достижениям науки и культуры.

Понятие интеллектуальной собственности охватывает широкий круг прав, обеспечивающих правовую охрану результатов творческой и интеллектуальной деятельности в различных сферах, начиная от литературы, искусства и науки, заканчивая цифровыми технологиями. К числу таких объектов относятся авторские произведения, исполнения, фонограммы, радио- и телепередачи, изобретения и научные открытия, промышленные образцы, товарные знаки, фирменные наименования и иные средства индивидуализации, используемые в экономическом обороте. Такое понимание интеллектуальной собственности закреплено, в частности, в ст. 2 Конвенции об учреждении Всемирной организации интеллектуальной собственности 1967 г., и охватывает как личные неимущественные, так и имущественные права на результаты интеллектуальной деятельности в производственной, научной, художественной и литературной сферах.

В Российской Федерации под интеллектуальной собственностью понимаются результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, охраняемые в соответствии с положениями части четвертой

Гражданского кодекса Российской Федерации [1]. Такая формулировка отражает подход, при котором объектами интеллектуальных прав признаются не только результаты творческой и созидательной деятельности человека, к которым относятся, например, произведения науки, литературы и искусства, но и средства индивидуализации участников гражданского оборота, такие как товарные знаки, фирменные наименования или коммерческие обозначения [2].

Однако национальное регулирование интеллектуальной собственности не является самодостаточным, а функционирует в контексте международных обязательств, принятых государством, что обуславливает необходимость соответствия национального законодательства государств международным стандартам охраны и защиты интеллектуальных прав. При этом особенностью национальных режимов охраны интеллектуальных прав остается принцип территориальности, согласно которому юридическая сила исключительного права, порядок его признания и условия его охраны определяются нормами права конкретного государства. На сегодняшний день интеллектуальная собственность все чаще имеет трансграничный характер, что делает невозможным осуществление и защиту соответствующих прав без согласованных международных механизмов [3].

Международное право интеллектуальной собственности формирует стандарты, которые государства обязуются учитывать при разработке и применении национального законодательства, а многообразие объектов интеллектуальной собственности обуславливает необходимость создания системы международных договоров, направленных на установление единых подходов к охране и обеспечению прав субъектов интеллектуального права [4].

Международные стандарты играют не вспомогательную, а системообразующую роль, определяя общие рамки, в пределах которых отдельные государства выстраивают национальную систему охраны интеллектуальной собственности. Такие стандарты закрепляются в многосторонних договорах и в универсальных документах, относящихся к правам человека, таких как Всеобщая декларация прав человека и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах.

Среди актов, заложивших основы международной охраны авторских прав, можно выделить Бернскую конвенцию об охране литературных и художественных произведений 1886 г., положения которой легли в основу современной системы защиты авторских прав и которая впоследствии подвергалась изменениям, отражающим развитие технологий и расширение перечня охраняемых объектов. Дальнейшее развитие системы стандартов охраны авторских прав продолжилось с принятием Всемирной конвенции об авторском праве в 1952 г., направленной на обеспечение правовой охраны в государствах, не входивших в Бернский союз [5]. Система охраны авторских прав впоследствии была дополнена положениями Соглашения по торговым

аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), принятого в рамках Всемирной торговой организации в 1994 г., что обеспечило институциональное подкрепление охраны интеллектуальной собственности в международной торговле. Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву, вступивший в силу в 2002 г. также стал важным этапом в адаптации института защиты авторских прав к современным реалиям цифровизации, расширив такую защиту на новые формы произведений, в том числе компьютерные программы и базы данных [6].

Международно-правовое регулирование смежных с авторским правом прав также обладает устойчивым нормативным фундаментом, сформировавшимся во второй половине XX века. Первым универсальным актом в данной сфере стала Римская конвенция об охране прав исполнителей, производителей фонограмм и организаций вещания, принятая в 1961 г., которая закрепила основные категории субъектов смежных прав и определила объем предоставляемой им охраны. Развитие положений Римской конвенции последовало в Женевской конвенции 1971 г., направленной на защиту интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизведения их записей. Этот акт, в отличие от предшествующего, ввел критерий связи с государством-участником как ключевое условие предоставления охраны, что позволило усилить защиту на международном уровне, при этом без обязательного предоставления иностранным лицам национального режима. Отдельное направление международного сотрудничества в области смежных прав было связано с защитой сигналов вещания. Так, Брюссельская конвенция 1974 г., посвященная охране сигналов, передаваемых спутниками, была направлена не только на ограничение несанкционированного использования сигналов теле- и радиопрограмм, но и на создание правовой базы, способствующей развитию космических телекоммуникационных технологий.

В более поздний период важным шагом по адаптации охраны смежных прав к цифровым реалиям стал Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по исполнениям и фонограммам, принятый в 1996 г. и вступивший в силу в 2002 г., который определил и конкретизировал права исполнителей и производителей фонограмм в связи с развитием цифровых технологий записи и распространения контента через сеть «Интернет».

В совокупности все перечисленные международные договоры формируют согласованную и взаимодополняющую систему регулирования авторских и смежных прав. При этом можно отметить, что такие соглашения, как Бернская конвенция и Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), занимают иерархически более высокое положение по отношению к другим соглашениям в силу широты охвата и обязательности исполнения в рамках Всемирной торговой организации. Кроме того, Соглашение ТРИПС, являясь обязательным для всех членов Всемирной торговой организации, прямо отсылает к Бернской

конвенции как к основному источнику норм, что фактически придает последней статус общего стандарта даже для тех государств, которые в нее формально не вступили. В свою очередь, Договоры Всемирной организации интеллектуальной собственности 2002 г., регулирующие авторское право и права исполнителей и производителей фонограмм, имеют факультативный характер, и присоединение к ним осуществляется на добровольной основе, что влияет на степень их имплементации в национальные правовые системы.

Таким образом, современная система международных правовых источников в сфере авторского и смежных прав представляет собой многоуровневую структуру, в которой фундаментальные конвенции устанавливают общие стандарты, а более поздние договоры конкретизируют и дополняют нормы в соответствии с меняющимся технологическим и правовым контекстом. Юридическая сила и обязательность каждого конкретного международного акта определяются как его характером, в зависимости от того, является ли он универсальным или специализированным актом, так и статусом участия в нем конкретного государства.

Такая система требует постоянного согласования норм, устранения правовых пробелов и коллизий, а также способности адаптироваться к изменениям в сфере защиты интеллектуальной деятельности. Цифровая трансформация довольно кардинально и, к слову, оперативно изменила актуальные характеристики права интеллектуальной собственности, сделав его гораздо более соответствующим новым правоотношениям, трендам и в целом мировым тенденциям в праве, экономике, социальных отношениях и т.д. [7].

Безусловно, цифровизация повлекла за собой трансформацию в способах создания, распространения и использования результатов интеллектуальной собственности, что обусловило необходимость адаптации и модернизации норм института авторского права.

Если ранее нормативно-правовое регулирование в этой сфере основывалось преимущественно на защите произведений, находящихся на физических носителях, и ограничивалось локальными рамками их обращения, то сегодня оно направлено на обеспечение охраны с учетом мгновенного и неограниченного обмена информацией в сети «Интернет».

И хотя международное сообщество предпринимает шаги в этом направлении, адаптируя законодательство, темпы таких изменений не всегда успевают за технологическим прогрессом. В частности, для регулирования вопросов интеллектуальной собственности в цифровой среде были приняты такие международные стандарты, как ранее упомянутые Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву, который расширил охрану произведений в цифровой среде, включая компьютерные программы и базы данных, и Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по исполнениям и фонограммам,

адаптирующий защиту прав исполнителей и производителей фонограмм к условиям цифрового распространения. К более поздним актам относятся Пекинский договор по аудиовизуальным исполнениям 2012 г., предоставивший исполнителям права на их работу в цифровой среде, а также Марракешский договор 2013 г., облегчающий доступ к опубликованным произведениям для людей с ограниченными возможностями, что стало также важным шагом в реализации социально-культурных прав в цифровом пространстве. Так, можно сделать вывод, что значительная часть международных актов была принята еще в начале XXI века, когда цифровизация только начинала развиваться, в то время как прогресс технологий сегодня зачастую опережает адаптацию законодательства и международных стандартов к новым цифровым реалиям.

На современном этапе основное регулирование интеллектуальной собственности в сфере цифровых технологий осуществляется на региональном уровне, что отражается в принятии и разработке ряда международных стандартов регионального характера, среди которых выделяются Европейская директива 2019/790 об авторском праве и смежных правах на цифровом едином рынке, направленная на модернизацию и адаптацию законодательства Европейского Союза к новым цифровым реалиям, включая регулирование деятельности онлайн-платформ и защиту прав авторов в Интернете, а также Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве, которое содержит положения в области интеллектуальной собственности и устанавливает международные стандарты в рамках региональных торговых соглашений, а не только через традиционные специализированные организации, такие как Всемирная организация интеллектуальной собственности.

Такое несоответствие между темпами технологического прогресса и скоростью правового регулирования породило ряд проблем, одной из которых стало масштабное несанкционированное копирование и распространение результатов интеллектуального труда. Явление так называемого цифрового пиратства, в том числе в виде нелегального распространения программного обеспечения, художественных произведений и аудиовизуального контента, обострилось с развитием сетевых технологий и появлением платформ для хранения и обмена данными. Возникающие формы нелегального использования объектов интеллектуальной собственности нередко опережают правовые механизмы реагирования, что подрывает как индивидуальные интересы авторов, так и общий правопорядок в сфере интеллектуальной собственности.

Одним из наиболее актуальных и дискуссионных вопросов в сфере интеллектуальной собственности на современном этапе становится использование генеративных алгоритмов искусственного интеллекта, способных создавать оригинальные тексты, изображения, аудиовизуальные произведения и иные результаты, которые потенциально могут быть объектами

правовой охраны. В настоящее время отсутствует универсально признанная международная позиция в отношении правового режима таких объектов, и вопросы о том, в какой мере такие произведения соответствуют критериям защиты, кто является автором и правообладателем созданного искусственным интеллектом произведения (разработчик алгоритма, пользователь, генеративная модель), остаются дискуссионными [8].

Ученые сходятся во мнении, что произведения, созданные полностью автономно искусственным интеллектом, как правило, не подлежат охране авторским правом, тогда как результаты, полученные с использованием генеративных моделей в качестве инструмента творческой деятельности человека, могут быть защищены при условии соблюдения установленных законом критериев, включая оригинальность и наличие творческого вклада [9]. Такая позиция не является новеллой в авторском праве, автор всегда мог прибегать к различным техническим средствам, начиная от пишущей машинки и фотоаппарата и заканчивая компьютерными программами или генеративными моделями, при условии, что именно сам автор принимает основные творческие решения. При этом представляется допустимым, что элемент случайности или автоматической генерации будет частью замысла, если он включен в процесс сознательно [10]. Однако широкое признание охраноспособности полностью автономных произведений, созданных искусственным интеллектом, могло бы привести к ситуации, когда неограниченное количество произведений, созданных с минимальными затратами времени и ресурсов, получало бы правовую защиту, что, в свою очередь, может повлечь снижение ценности результатов авторского труда человека.

Более того, генеративные модели обучаются на огромных массивах данных, которые включают произведения, защищенные авторским правом, что также вызывает споры о допустимости использования таких материалов в процессе машинного обучения без прямого согласия правообладателей. Однако право на обучение искусственного интеллекта можно рассматривать и через призму фундаментальных прав человека, таких как свобода научных исследований и художественного выражения, закрепленных, в частности, во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, а также в Хартии основных прав Европейского Союза. Искусственный интеллект может способствовать достижениям в науке и искусстве, а результаты его работы могут быть инструментом для творческих проектов человека [11]. Эта аргументация особенно весома, когда обучение проводится в исследовательских целях, поскольку в таком случае оно может опираться на фундаментальное право человека на науку [12].

В случаях, когда обучение генеративных моделей осуществляется с использованием охраняемых произведений и для коммерческих целей, встает вопрос о необходимости справедливого вознаграждения авторам.

Это соответствует праву каждого автора на защиту своих моральных и материальных интересов и предполагает, что коммерческое использование произведений должно сопровождаться компенсацией, если нет оснований для исключения такого требования.

Несмотря на отсутствие единых международных стандартов в сфере регулирования интеллектуальных прав, связанных с использованием искусственного интеллекта, работа в этом направлении ведется. Всемирная организация интеллектуальной собственности и другие международные институты проводят многочисленные дискуссии, аналитические исследования и консультации, направленные на выработку концептуальных основ для последующего формирования международных договоров и соглашений [13]. Однако на данный момент такие действия не привели к принятию обязывающих юридических документов, таких как конвенции или договоры, в результате чего правоприменительная практика в рассматриваемой сфере остается разрозненной, а регулирование интеллектуальной собственности в контексте искусственного интеллекта решается преимущественно на уровне национальных законодательств.

Принятый в 2024 г. Общий регламент Европейского Союза по искусственному интеллекту (AI Act, Регламент (ЕС) 2024/1689) является одной из наиболее значимых региональных инициатив в данной области [14]. Он устанавливает систему регулирования, основанную на классификации систем искусственного интеллекта по уровням риска, и предусматривает специальные меры для генеративных моделей общего назначения, включая требования к их маркировке и информированию пользователей о том, что контент создан при помощи искусственного интеллекта [15]. Введение регламента в действие проходит поэтапно, первые запреты на недопустимые способы использования искусственного интеллекта вступили в силу 02 февраля 2025 г., далее с августа 2025 г. начинают применяться требования к прозрачности и технической документации для определенных категорий систем, а окончательное введение всех норм, включая оценку соответствия высокорискованных систем, запланировано на август 2026 г.

Подход к регулированию авторских прав в контексте генеративного искусственного интеллекта опирается на базовые положения международных актов о правах человека, включая право на науку и культуру, свободу художественного выражения, защиту моральных и материальных интересов автора, а также право на интеллектуальную собственность. Эти нормы отражают антропоцентрическую природу системы авторского права, в центре которой находится человек-творец. Следовательно, именно защита интересов авторов и человеческого творчества должна оставаться основой при разработке положений о защите прав интеллектуальной собственности.

Таким образом, стремительное развитие цифровых технологий и появление новых способов использования результатов интеллектуальной

деятельности ставят международно-правовую систему защиты интеллектуальной собственности перед необходимостью постоянной адаптации. Несмотря на наличие универсальных договоров, значительная часть стандартов защиты прав интеллектуальной собственности на сегодняшний день реализуется на региональном уровне, что, в свою очередь, ведет к фрагментации правоприменительной практики. В этой связи разработка современных универсальных международных стандартов, дополняющих и развивающих ранее принятые нормы, представляется необходимым условием формирования целостной и согласованной системы охраны интеллектуальных прав.

Список литературы:

1. Трегубов, М.В., Шукшин, С.И. Выбор способа защиты интеллектуальных прав // Вестник С.-Петерб. ун-та МВД России. - 2022. - № 4 (96). - С. 60-66.
2. Проценко, Е.Д., Пономарченко, А.Е., Тимошков, М.Г. Международные механизмы реализации конституционного права на защиту интеллектуальной собственности // Право и государство: теория и практика. - 2023. - № 10 (226). - С. 206-209.
3. Исмаилов, Р.А., Нечаева, Д.С. Территориальный принцип права интеллектуальной собственности на современном этапе развития интеллектуально-правовых отношений // Ленингр. юрид. ж-л. - 2021. - № 3 (65). - С. 88-102.
4. Алешина, А.В. Международно-правовые стандарты в сфере регулирования интеллектуальной собственности: эффективность применения Российской Федерацией // Образование и право. - 2024. - № 6. - С. 499-501.
5. Щербак, Н.В. Минимальные стандарты защиты авторского права и смежных прав согласно базовым международным конвенциям в области интеллектуальной собственности // Законодательство. - 2022. - № 2. - С. 68-79.
6. Григорьев, Н.П. Развитие правовых норм и инновационные технологии в защите интеллектуальной собственности в цифровую эпоху // Образование и право. - 2024. - № 7. - С. 191-194.
7. Аламова, С.М. Основные тенденции развития права интеллектуальной собственности в современном мире / С.М. Аламова // Право и государство: теория и практика. - 2025. - № 1. - С. 305-308. - DOI: 10.47643/1815-1337_2025_1_305. - EDN FWENCY.
8. Шпак, А.А., Копцева, М.С. Искусственный интеллект в мире искусства: авторское право // Ж-л СФУ. - Гуманитарные науки. - 2025. - № 3. - С. 492-501.
9. Hugenholtz, P., Quintais, J. Copyright and Artificial Creation: Does EU Copyright Law Protect AI-Assisted Output? // International Review of Intellectual Property and Competition Law. - 2021. - Vol. 52. - Pp. 1190-1216.

10. Geiger, C. Elaborating a human rights-friendly copyright framework for generative AI // *International Review of Intellectual Property and Competition Law*. - 2024. - Vol. 55. - Pp. 1129-1165.
11. Dreyfuss, R. Human rights in a technological age: the right to participate in science. [Электронный ресурс] // *New York University Journal of International Law and Politics*. - 2023. - Vol. 55. - № 23-31. - URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4360115 (дата обращения: 08.08.2025).
12. Geiger, C., Jütte, B. Conceptualizing a «Right to Research» and its Implications for Copyright Law: An International and European Perspective. [Электронный ресурс] // *American University International Law Review*. - 2023. - Vol. 38. - № 1. - Pp. 1-86. - URL: <https://ssrn.com/abstract=4414085> (дата обращения: 08.08.2025).
13. WIPO Conversation on Intellectual Property (IP) and Frontier Technologies: Tenth Session. [Электронный ресурс] // *World Intellectual Property Organization*. - URL: https://www.wipo.int/meetings/en/details.jsp?meeting_id=84809 (дата обращения: 08.08.2025).
14. Семенюта, Б.Е. Защита в ЕС объектов авторских прав при создании моделей искусственного интеллекта // *Вестник Университета им. О.Е. Кутафина*. - 2025. - № 4 (128). - С. 117-124.
15. Militsyna, K. Can copyright law benefit from the marking requirement of the AI Act? // *International Review of Intellectual Property and Competition Law*. - 2025. - URL: <https://doi.org/10.1007/s40319-025-01624-2> (дата обращения: 08.08.2025).

§ 4.3. Международно-правовые основы защиты семьи и семейных прав

Тагаева С.Н.

Значимость семьи как важнейшего института любого общества велика, она выступает той средой, в которой формируются необходимые для функционирования общества ценности, традиции, проявляется преемственность ориентиров для гармоничного существования. В рамках семьи человек проходит этапы рождения, физического, психического, эмоционального и интеллектуального развития. Семья выступает моделью общества, в рамках которой осуществляются воспроизводство и воспитание человека, удовлетворяются материальные потребности, восстанавливаются физические и интеллектуальные силы, происходит духовное обогащение и дальнейшая его социализация [1, с. 10]. В семье возникают отношения между членами семьи в силу заключения брака, рождения детей и принятия детей на воспитание. Эти отношения, как правило, имеют либо личный, либо имущественный характер. В свою очередь, личные неимущественные отношения в преобладающем большинстве урегулированы не правовыми нормами, а религиозными и моральными нормами и нормами традиций.

Отношения членов семьи по поводу имущества урегулированы правовыми нормами и характеризуются как имущественные.

В силу того, что семья выполняет значимые для общества функции, государство воздействует на семейные отношения посредством как национальных правовых норм, так и норм международного права. Особую значимость имеют нормы международных договоров, направленные на защиту семьи и незащищенных ее членов: детей и лиц, у которых отсутствует трудоспособность. Положения международных договоров представляют собой компромисс между государствами в поиске общих ценностей и ориентиров в понимании семьи и семейных отношений, которые устраивают преобладающее большинство стран.

Итак, одной из разновидностей защиты прав человека является международно-правовая защита семьи, осуществляемая посредством международных соглашений: основополагающие нормы, направленные на формирование важнейшей основы для обеспечения прав и благополучия семей.

Международно-правовая защита семейных прав осуществляется на универсальном, универсальном специализированном уровне, региональном и двустороннем уровне.

Международно-правовая защита семьи и семейных прав на универсальном уровне представлена системой ключевых документов, принятых в рамках Организации Объединенных Наций, которые устанавливают основополагающие стандарты и принципы.

Первым документом, в котором семья была признана в качестве естественной и основной ячейки общества, имеющей право на защиту со стороны общества и государства, является Всеобщая декларация прав человека 1948 г.³³ Она признает обусловленный принадлежностью с момента рождения и до конца своей жизни к семье за каждым человеком социально-правовой статус.

Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.³⁴ также закрепляет право на создание семьи за каждым мужчиной и женщиной, обладающими брачной дееспособностью. Содержание ст. 23 Пакта позволяет сделать вывод, что под естественной ячейкой общества понимается семья, основывающаяся на союзе разнополых лиц, направленном, прежде всего, на обеспечение непрерывности человеческого рода.

Положения Пакта закрепляют на международном уровне основные принципы построения брачных отношений, в частности, наличие свободного согласия лиц, вступающих в брак, достижение брачного возраста, равные права каждого из супругов на вступление в брак, в период нахождения в брачных отношениях и при разводе.

Согласно Пакту о гражданских и политических правах, защита

³³ Россия как правопреемник СССР признает положения Всеобщей декларации прав человека.

³⁴ Ратифицирован СССР в 1973 г., обязателен для России как для правопреемника.

семьи реализуется через недопустимость произвольного вмешательства, включающую в себя неприкосновенность семьи, право на вступление в брак, равенство супругов и защиту ребенка.

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.³⁵ возлагает на государства, которые присоединились к нему, обязанность по созданию условий для охраны и помощи, особенно при ее создании и наличии несовершеннолетних детей. Кроме того, государства обязаны обеспечить каждой семье достаточный уровень жизни (ст. 11).

Защита семьи, согласно Пакту об экономических, социальных и культурных правах, реализуется через создание условий для ее благополучия, в частности, права на семейную жизнь, материнство и детство, достойный уровень жизни и охрану здоровья.

Идеи об универсальных правах человека, заложенные в Международных Пактах, получили свое развитие в специализированном международном документе, который направлен на защиту прав уязвимой группы населения, - Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г.³⁶ Этот международный договор обязывает государства, присоединившиеся к нему ликвидировать дискриминацию во всех вопросах, касающихся брака и семейных отношений и обеспечить равные права мужчин и женщин на вступление в брак, на свободный выбор супруга, на равные права и обязанности в период брака и развода, в том числе в вопросах собственности, на осуществление родительских обязанностей и приравненных к ним обязанностей. Отдельные государства при ратификации сделали оговорку к ст. 16 Конвенции, которая является центральной в защите семейных прав женщин, ссылаясь на противоречие с нормами религиозного и традиционного права, в частности, наследования, развода или опеки, что, безусловно, сужает сферу ее действия и значимость.

Другим важнейшим элементом системы международно-правовой защиты следует назвать Конвенцию о правах ребенка 1989 г.³⁷, которая является фундаментальным документом, направленным на создание механизмов защиты права и детей во всем мире. Преимуществами этого международно-го договора являются присущий ему универсальный характер, требующий от участников принятия на себя обязательств по приведению национального законодательства в соответствие с положениями Конвенции, регламентация механизмов контроля (в частности, для наблюдения за выполнением Конвенции создан Комитет по правам ребенка). Именно этот международный договор признал детей обладателями прав, а не пассивными объектами защиты. Имея специальный объект регулирования, Конвенция о правах ребенка закрепила в одном документе гражданские, политические, экономические, социальные и

³⁵ Ратифицирован СССР в 1973 г., обязателен для России как для правопреемника.

³⁶ Ратифицирован СССР в 1981 г. (оговорка п. 2 ст. 29), обязателен для России как для правопреемника.

³⁷ Ратифицирована СССР в 1990 г., обязательна для России как для правопреемника.

культурные права детей. В качестве основополагающих принципов Конвенция регламентировала принцип недискриминации (ст. 2), наилучшее обеспечение интересов ребенка (ст. 3), право на жизнь, выживание и развитие (ст. 6), учет мнения ребенка (ст. 12).

В целях усиления защиты детей Конвенция о правах ребенка дополнена тремя протоколами: Протокол о торговле детьми, детской проституции и порнографии, 2000 г.³⁸; Протокол, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах, 2000 г.³⁹; Протокол, касающийся процедуры сообщений, 2011 г.⁴⁰

Данные протоколы конкретизируют и углубляют международную защиту детей в специфичных областях, устанавливая для государств, присоединившихся к ним, более строгие стандарты и процедуры.

Так, Факультативный протокол к Конвенции, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, обязывает государства признать преступлениями торговлю детьми, детскую проституцию, производство, распространение и владение детской порнографией. Данный протокол требует от государств обеспечить защиту прав и интересов детей, ставших жертвами преступлений, на всех стадиях судебного процесса, обеспечивая их конфиденциальность и безопасность.

Второй факультативный протокол, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах, направлен на повышение возраста лиц, которые могут быть использованы в прямых боевых действиях. Так, Протокол вводит полный запрет на принудительную вербовку и использование детей в возрасте до 18 лет в прямых боевых действиях.

Третий факультативный протокол имеет процедурное значение, так как предоставляет детям право на обращение с жалобами на нарушение их прав непосредственно в Комитет ООН по правам ребенка, если внутренние средства правовой защиты в их собственной стране исчерпаны.

Международно-правовая защита семьи на специализированном уровне осуществляется через узконаправленные международные договоры. Большая работа по созданию международно-правовой базы по защите семейных прав осуществляется в рамках Гаагской конференции по международному частному праву, которая является ведущей межправительственной организацией, одним из направлений деятельности которой является защита прав частных лиц, особенно уязвимых групп. В рамках именно Гаагской конференции был разработан следующий элемент международной защиты семьи - Гаагская конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г.⁴¹, которая направлена на обеспечение немедленного возвращения ребенка, незаконно перемещенного или удерживаемого в дру-

³⁸ Российская Федерация ратифицировала в 2008 г.

³⁹ Российская Федерация ратифицировала в 2013 г.

⁴⁰ Не ратифицирован Российской Федерацией.

⁴¹ Ратифицирована Российской Федерацией в 2011 г.

гом государстве-участнике, а также на обеспечение соблюдения права опеки и доступа. Выступая эффективным инструментом борьбы с международным родительским похищением, данная Конвенция создает механизм защиты интересов ребенка при «незаконном перемещении или удержании». Следует отметить, что положения конвенции распространяются на детей в возрасте до 16 лет, которые подверглись «незаконному перемещению или удержанию» на территории государств-участников. Такое перемещение ребенка нарушает права опеки, которыми наделено лицо, учреждение или иная организация по закону государства, в котором ребенок постоянно проживал до перемещения или удержания. Данный международный договор применяется только в случаях гражданско-правовых споров между родителями ребенка, соответственно при наличии в деянии признаков преступлений Конвенция не распространяет своего действия. Одной из организационных сложностей для государств, присоединившихся к Конвенции, является необходимость создания Центрального органа по выполнению конвенционных обязанностей. Этот орган осуществляет функции по содействию поиску незаконно перемещенного ребенка, создает условия для предотвращения нанесения дальнейшего вреда ребенку, обеспечивает добровольное возвращение ребенка или содействует началу судебного разбирательства, обменивается информацией с другими странами, которые участвуют в Конвенции, оказывает правовую помощь для обеспечения контактов между родителями ребенка.

Судебная процедура, согласно Гаагской конвенции, заключается в том, что родитель, требующий возвращения ребенка, подает заявление в Центральный орган. Суд страны, куда был перемещен ребенок, обязан вынести решение о возврате в кратчайшие сроки. Однако согласно этому международному договору суд имеет право отказать в возвращении ребенка, если ответчик докажет, во-первых, что прошло более года с момента незаконного перемещения; во-вторых, лицо, требующее возвращения, не осуществляло эффективно права опеки; в-третьих, наличие угрозы причинения ребенку физического или психического вреда в стране возвращения; в-четвертых, ребенок, достигший достаточной зрелости, возражает против возвращения.

Гаагская конвенция направлена на защиту прав родителя, оставшегося в стране постоянного проживания, на общение с ребенком. В данном случае на Центральный орган возлагается обязанность способствовать мирному осуществлению этих прав, в том числе и через суд.

Другой составляющей системы международной защиты семейных прав является Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей 1996 г.⁴² Этот международный договор направлен на защиту детей, которые могут находиться на территории различных государств, предотвращая и разрешая споры об опеке и праве на воспитание, так

⁴² Ратифицирована РФ в 2013 г.

называемой родительской ответственности; споры о праве на общение, споры о мерах по защите ребенка; споры о признании и исполнении иностранных судебных решений; споры, связанные с трансграничным перемещением детей; споры о применимом праве.

Споры об опеке и праве на воспитание связаны с определением места жительства ребенка, установлением или оспариванием объема родительской ответственности, назначением опекуна.

В свою очередь, споры о праве на общение связаны с установлением, осуществлением и ограничением права на общение, определением порядка общения.

Кроме того, Конвенция обеспечивает защиту ребенка от риска жестокого обращения, насилия или пренебрежения, в том числе разрешает вопросы помещения ребенка под надзор органов опеки или в приемную семью, или в учреждение против воли родителей, если это отвечает интересам ребенка и может обеспечить его благополучие.

Конвенция 1996 г. также разрешает споры, связанные с трансграничным перемещением детей, как и Гагская конвенция 1980 г., естественно не подменяя последнюю. Обе Конвенции взаимодействуют, дополняя друг друга. Так, после возвращения ребенка, незаконно вывезенного, именно суд по месту его постоянного проживания будет решать вопросы опеки и права на общение.

Значимость Конвенции 1996 г. проявляется в создании механизма, позволяющего разрешить спор о применимом праве (например, при установлении опеки или попечительства). Согласно этому международному договору, применимым является материальное право государства, чьи органы осуществляют юрисдикцию. Безусловно, такой подход обеспечивает предсказуемость и защиту прав ребенка согласно знакомой правовой системе.

Следует заметить, что Конвенция 1996 г. не направлена на разрешение имущественных споров об алиментах, разделе имущества, выступая главным инструментом урегулирования неимущественных споров о детях.

В свою очередь, в качестве элемента международно-правовых основ разрешения имущественных споров, в частности алиментов, выступает Конвенция о международном порядке взыскания алиментов на детей и других форм содержания семьи 2007 г.⁴³ Этот международный договор направлен на создание комплексной многосторонней системы обеспечения взыскания алиментов на детей и других членов семьи, когда кредитор и должник проживают в разных государствах. Конвенция предусматривает упрощение процедур установления отцовства (материнства) в трансграничных спорах, предусматривает механизм получения судебного решения о взыскании алиментов в стране, где проживает должник, а также разрешает вопросы признания и приведения в исполнение решений о взыскании алиментов,

⁴³ Российская Федерация подписала в 2011 г., но не ратифицировала.

вынесенных в других государствах, участвующих в Конвенции, кроме того, регулирует вопросы применения мер принудительного исполнения на территории иностранного государства. Одним из требований к странам, присоединившимся к Конвенции 2007 г., является создание Центрального органа, который будет осуществлять координацию и сотрудничество, выступая связующим звеном для взаимодействия с Центральными органами стран-участниц. Сеть государственных органов обязана бесплатно помогать заявителям в сборе информации, поиске должника, подаче исков и исполнении решений.

Другим источником международно-правового регулирования семейных отношений является Конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления 1993 г.⁴⁴, которая устанавливает иностранное усыновление в качестве альтернативы национальному усыновлению, при исчерпании всех возможностей устройства ребенка в стране его происхождения. Конвенцией установлены требования к иностранному усыновлению как со стороны страны происхождения, так и со стороны принимающего государства. Так, компетентные органы страны происхождения должны установить, что ребенок может быть усыновлен, что иностранное усыновление отвечает его наилучшим интересам, а также получить добровольное и информированное согласие всех необходимых лиц и самого ребенка. Органы принимающего ребенка государства должны определить, что предполагаемые приемные родители являются приемлемыми и подходящими для усыновления и обеспечить их консультирование и подтвердить, что ребенку разрешено въехать и постоянно проживать в этом государстве. Так же, как и в случае с другими Гаагскими конвенциями, данный международный договор возлагает на государство, присоединившееся к нему, создание Центрального органа, ответственного за выполнение обязанностей по Конвенции, в частности, в сфере сотрудничества, обмена информацией и для предотвращения злоупотреблений при применении данной формы устройства детей.

В свою очередь, международно-правовые основы защиты семьи и семейных прав на региональном уровне представлены:

1. Европейской системой защиты семьи, которая состоит из Европейской конвенции о правах человека 1950 г. и Европейской социальной хартии 1961 г. (пересмотренной в 1996 г.), Директивой 2003/86/ЕС о праве на семейное воссоединение, Директивой 2011/95/ЕС (Квалификационная директива), Регламентом ЕС № 2201/2003 о юрисдикции и признании семейных решений и др. Особенностью системы защиты семьи в Европейском союзе является сочетание международных конвенций, директив, регламентов и прецедентного права.

2. Африканской системой защиты семьи, которая представлена Африканской хартией прав человека и народов 1981 г., Африканской хартией прав и благополучия ребенка 1990 г. и др. Особенностью африканской системы за-

⁴⁴ Российская Федерация подписала в 2000 г., но не ратифицировала.

щиты семьи является сосуществование традиционных, религиозных и современных норм, которые выступают регуляторами семейных отношений.

3. Межамериканской системой защиты семьи, основанной на системе региональных договоров и институтов, созданных в рамках Организации американских государств. Правовые основы состоят из Американской конвенции о правах человека 1969 г., дополнительных протоколов к ней, Межамериканской конвенции о предотвращении, наказании и искоренении насилия в отношении женщин 1994 г., Межамериканской конвенции о международном возвращении детей 1989 г., Американской декларации прав и обязанностей человека 1948 г., Декларации о защите женщин от насилия 1995 г. и др.

4. В Азии недостаточно развиты региональные механизмы международной защиты семьи и семейных прав, хотя основные принципы изложены в Хартии АСЕАН 2008 г., Декларации о ликвидации насилия в отношении женщин 2013 г., Арабской хартии прав человека 2004 г., Каирской декларации о правах человека в исламе 1990 г. и др.

5. В рамках Содружества Независимых Государств разработаны Минская и Кишиневская конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. и 2002 г.⁴⁵ Кишиневская конвенция представляет собой усовершенствованную версию Минской конвенции. Главным преимуществом Кишиневской конвенции является упрощение процедуры признания и принудительного исполнения судебных решений на территории стран-участниц.

Конвенция регулирует вопросы выбора применимого права и сотрудничества государств при проживании участников семейных отношений в странах, присоединившихся к Конвенции. Данный международный договор направлен на устранение правового конфликта между законодательствами разных стран, четко определяя, право какого государства должно применяться при заключении и расторжении брака, при возникновении споров имущественного и неимущественного характера между супругами, споров по поводу воспитания и содержания детей, при разрешении споров, связанных с принятием детей на воспитание. Например, в рамках СНГ возврат незаконно перемещенных детей осуществляется на основании положений Кишиневской конвенции, поскольку исполнение решений суда по делам, связанным с воспитанием детей, производится в порядке, установленном законодательством страны-участницы, на территории которой проживает ребенок (ст. 35) [2, с. 58]. Государство, присоединившееся к Конвенции, гарантирует, что судебное решение по семейному спору: о разводе, алиментах, усыновлении и др., вынесенное на территории одной из стран-участниц, будет обязательно к исполнению на территории другой страны-участницы. Особая значимость Конвенции для регулирования семейных споров заключается в обеспечении механизма сотрудничества между государственными органами

⁴⁵ Кишиневская конвенция действует в Российской Федерации с 28 июня 2023 г., заменив Минскую конвенцию 1993 г.

для обеспечения защиты семейных прав.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что международно-правовая база защиты семейных прав представляет собой многоуровневую систему, основанную на принципах универсальности, недискриминации и приоритета интересов ребенка. Ее ядро образуют универсальные документы, специализированные конвенции, региональные соглашения, которые обеспечивают комплексную защиту, гармонизируют национальные законодательства, разрешая коллизии юрисдикций и создавая эффективные инструменты для реализации семейных прав.

Список литературы:

1. Семейное право: Учебник / Н.А. Аблятипова, Ф.М. Аминова, Г.Г. Бодурова [и др.]. - М.: Инфра-М, 2022. - 501 с.

2. Тагаева, С.Н. Проблемы реализации прав родителей и детей, находящихся на территории различных стран, в условиях современных вызовов // Юрид. вестник. - 2024. - № 1 (17). - С. 56-61.

§ 4.4. Международно-правовые аспекты эволюции экологических прав человека в свете классической концепции прав и свобод личности

Давлатов Х.Х.

Современная правовая доктрина переживает период глубокой трансформации, вызванной не только стремительным развитием глобальных экономических и технологических процессов, но и все более усиливающимися экологическими вызовами, угрожающими устойчивости человеческой цивилизации. В этой связи все большую актуальность приобретает концепция устойчивого развития, в центре которой находится человек как носитель прав, обязанностей и ответственности перед природой и будущими поколениями. Одним из ключевых элементов этой концепции выступают экологические права человека, являющиеся неотъемлемым компонентом современного правопорядка и отражающие переход к новому типу правового мышления, основанному на принципах гармонии между человеком, обществом и окружающей средой.

В текущем столетии экологические права человека рассматриваются не как отраслевой или узкоспециализированный феномен, напротив, они формируют фундаментальные параметры правовой системы, обеспечивающие баланс между экономическим ростом и экологической безопасностью. Речь идет не только о праве каждого человека на благоприятную окружающую среду, но и о более широком комплексе прав, связанных с участием граждан в принятии экологически значимых для общества решений, с доступом к достоверной экологической информации, а также с обеспечением

эффективных механизмов судебной и административной защиты нарушенных экологических прав.

Эволюция правоотношений в части постепенного закрепления экологических прав человека в содержание международно-правовых актов тесно связана с нарастающей тенденцией усиления внимания международного сообщества к экологической проблематике во второй половине XX века. Следует указать, что в исторической ретроспективе экологические права как самостоятельная категория не нашли своего прямого отражения в положениях Международного билля о правах человека, так как в послевоенный период вопросы экологической направленности не были приоритетными в связи наличием широкого круга проблем политического, экономического и гуманитарного характера. Тем не менее, уместным будет подчеркнуть, что экологические права человека не могут существовать изолированно от общепризнанных прав и свобод и представляют собой их логическое продолжение.

Статья 3 Всеобщей декларации прав человека [1] и статья 6 Международного пакта о гражданских и политических правах [2], провозглашая право на жизнь, а также статьи 11 и 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах [3], предписывая принятие мер для эффективного использования природных ресурсов и признавая право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, формируют концептуальный фундамент для интеграции экологических прав в систему общепризнанных прав человека. Несмотря на то, что данные акты не содержат прямого упоминания экологических прав как самостоятельной категории, они закладывают правовую логику, из которой такое право естественным образом вытекает.

Отмечая роль основополагающих актов ООН, закрепляющих традиционные в современном понимании права человека, уместным будет привести мысль А.А. Воронцовой, которая пишет: «Правоприменительная и судебная практика показывает, что зачастую при нарушении этих прав происходит нарушение экологических интересов» [7, с. 97]. Мы поддерживаем подобный тезис, так как международное право на благоприятную окружающую среду в данном случае выступает не просто новым поколением прав, а функциональной основой реализации целого комплекса уже признанных прав: на жизнь, здоровье, достойный уровень жизни, безопасность и т.д. В этом смысле нарушение экологических прав и интересов, как показывает практика, имеет достаточно специфический эффект, так как оно подрывает реализацию базовых прав человека, закрепленных в Международном билле о правах человека, и ставит под сомнение эффективность их правовой защиты.

Близкую по своему содержанию мысль приводит Е.А. Хомутова: «Окружающая среда является неотъемлемым условием для осуществления прав человека, поэтому государства должны обеспечить уровень охраны окружающей среды, необходимый для обеспечения полного осуществления

защищаемых прав» [10, с. 255].

Вышеуказанный авторский тезис в целом отражает наиболее популярный в доктрине подход, согласно которому современное правовое регулирование все чаще исходит из того, что экологические права являются не просто новой группой прав, а выступают в качестве обеспечивающего элемента всей существующей системы прав человека, без которого теряют реальное содержание многие уже ранее закрепленные международными договорами классические права и свободы. В свою очередь, государственная обязанность по обеспечению высокого уровня охраны окружающей среды приобретает двойственный характер: с одной стороны, она является проявлением экологической политики и инструментом обеспечения устойчивого развития государства, а с другой – выступает в качестве гарантийного механизма защиты базовых прав человека.

Как уже нами отмечалось, в первоначальных основополагающих документах системы ООН экологические права человека не были закреплены в качестве самостоятельной категории. В то время международное сообщество рассматривало защиту прав человека преимущественно через призму гражданских, политических, социальных и культурных прав и свобод, не осознавая в полной мере значения экологического фактора для их реализации. Однако начиная со второй половины XX века международно-правовая мысль претерпела значительную эволюцию. Под влиянием стремительного научно-технического прогресса, роста антропогенной нагрузки на окружающую среду и появления глобальных экологических угроз – от загрязнения атмосферы, водных ресурсов до изменения климата и утраты биоразнообразия – возникла необходимость переосмысления содержания прав человека. Постепенно складывалась новая парадигма, в рамках которой охрана окружающей среды рассматривалась как неотъемлемое условие для реализации уже существующих прав, в первую очередь права на жизнь, здоровье и достойные условия существования.

Ключевым рубежом в этом процессе стали международные экологические конференции и принятые по их итогам документы, в частности Конференция ООН по окружающей среде человека 1972 г. (Стокгольмская конференция по окружающей среде) и Конференция ООН по окружающей среде и развитию 1992 г. (Саммит Земли), на которых впервые на международном уровне было признано право каждого человека на благоприятную окружающую среду. С этого момента экологические права начинают рассматриваться не как абстрактная категория, а как конкретное правовое требование, обращенное к государствам и международным институтам.

Особое значение для развития концепции экологических прав человека имеет Стокгольмская конференция, состоявшаяся в 1972 г. На наш взгляд, этот исторический форум может по праву рассматриваться как отправная точка институционализации экологического измерения прав

человека в современном международном праве. Впервые на столь высоком уровне государства мира, международные организации и представители гражданского общества признали неразрывную связь между состоянием окружающей среды и реализацией основных прав и свобод человека. Ключевым результатом Конференции стало принятие Стокгольмской декларации по окружающей среде, закреплявшей в принципе 1 следующее положение: «Человек имеет основное право на свободу, равенство и благоприятные условия жизни в окружающей среде, качество которой позволяет вести достойную и процветающую жизнь, и несет главную ответственность за охрану и улучшение окружающей среды на благо нынешнего и будущих поколений» [4]. Подобная норма стала одним из первых шагов на пути к международно-правовому признанию экологических прав человека.

Значение Стокгольмской конференции для развития международного права трудно переоценить, так как она зафиксировала концептуальный сдвиг от восприятия окружающей среды как исключительного ресурса для экономической деятельности к пониманию ее как основы существования и развития человека. Не менее важно, что Стокгольмская конференция в определенном смысле являлась катализатором для формирования национальных и региональных стратегий экологического регулирования. Довольно большое количество государств, включая развивающиеся, стали включать положения об охране окружающей среды и экологических правах в нормы собственных конституций и другие отраслевые нормативно-правовые акты, что обеспечило дальнейшее развитие сферы экологических прав человека на национальном уровне.

Как отмечают исследователи международно-правовых аспектов природоохранной проблематики: «...после Стокгольмской конференции, а теперь мы уже можем смело добавить - в ее результате, резко возросла степень глобальной осведомленности об экологических проблемах, равно как увеличились масштабы международной нормотворческой деятельности в сфере охраны окружающей среды» [11, с. 110]. Подобная точка зрения вполне корректна, так как с указанного момента наблюдается активизация международной нормотворческой деятельности в создании целого ряда международных соглашений, деклараций и конвенций, направленных на охрану атмосферного воздуха, морской среды, биоразнообразия и других компонентов природы. Именно в этот период зарождается новое правовое мышление, в основе которого лежит идея о том, что благоприятная окружающая среда является неразрывным элементом достойной жизни и фундаментальным условием реализации всех иных прав и свобод человека.

Следующим международным событием, которое оказало значительное влияние на дальнейшее развитие международного экологического права, являлась Конференция ООН по окружающей среде и развитию 1992 г. В Рио-де-Жанейро международное сообщество впервые

выработало целостную концепцию устойчивого развития, основанную на взаимосвязанности экономического роста, социальной справедливости и охраны окружающей среды.

В этой связи В.А. Лось отмечает: «В рамках подготовки Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-92) были сформулированы основные положения концепции УР, которые были утверждены в качестве перспективной стратегии цивилизации XXI века. Проблема заключается в том, чтобы вывести УР-стратегию на уровень адекватных мировых практических решений» [8, с. 21]. Здесь следует подчеркнуть глубинную суть трансформации международного экологического права на рубеже XX-XXI веков. Если ранее экологическая проблематика рассматривалась преимущественно в контексте охраны окружающей среды, то после Рио-де-Жанейро она стала рассматриваться как системообразующий элемент глобального развития, неотделимый от вопросов прав человека, международной безопасности и экономической стабильности. В.А. Лось справедливо акцентирует внимание на ключевом вызове современности – не просто формулировании прогрессивных принципов, а их эффективной институционализации в международной и национальной правовых системах, что предполагает переход от декларативных обещаний к реальным правовым, экономическим, управленческим механизмам.

По итогу работы Конференции, в числе прочего, была принята Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию, состоящая из 27 принципов, определяющих права и обязанности государств в сфере охраны окружающей среды. Экологические права человека нашли свое отражение в Принципе 1: «Забота о людях занимает центральное место в усилиях по обеспечению устойчивого развития. Они имеют право на здоровую и плодотворную жизнь в гармонии с природой» [5]. Рассматриваемое положение было сформулировано в качестве краеугольного положения и отражало фундаментальное изменение в восприятии роли человека в глобальной экологической системе. Если ранее человек рассматривался исключительно как субъект использования природных ресурсов, то данный принцип провозгласил его как ключевого бенефициара и одновременно ответственного участника процесса устойчивого развития. В основе подобного подхода лежит идея взаимозависимости: благополучие человека не может быть устойчивым без сохранения экологического баланса, а охрана природы не может быть эффективной без обеспечения базовых прав и потребностей человека. На наш взгляд, юридическое значение данного принципа заключается в синтезе гуманистического и экологического начала, так как он не только закрепляет право человека на благоприятную окружающую среду, но и выводит это право в разряд основополагающих, т.е. тех, которые должны быть учтены при разработке и реализации любых стратегий и правовых актов на национальном уровне.

Выявляя роль и значение Рио-де-Жанейрской Декларации 1992 г., исследователи вопроса также отмечали: «...анализируя нормы Декларации, мы можем обнаружить в ее основе антропоцентричный подход, подобный духу Стокгольмской декларации 1972 г.» [11, с. 111]. Приведенный авторский тезис заслуживает поддержки, так как в основе обеих деклараций лежит аксиома, согласно которой человек является центром рассматриваемых отношений и конечным адресатом экологической политики государства. Антропоцентризм в данном смысле проявляется не как противопоставление человека природе, а как сознательное признание взаимозависимости между качеством окружающей среды и уровнем реализации фундаментальных прав личности. Если в Стокгольмской декларации 1972 г. внимание преимущественно было сосредоточено на необходимости защиты человека от деградации среды его обитания, то в Рио-де-Жанейрской декларации 1992 г. эта идея получила развитие в виде положения, согласно которому человек рассматривается не только как объект защиты, но и как активный субъект, от решений и действий которого зависит сохранение экологического равновесия.

На наш взгляд, подобный подход имеет глубокое юридическое и концептуальное значение, так как он дополнительно подтверждает мысль о том, что охрана окружающей среды является не самоцелью, а необходимым условием благополучного существования человека, обеспечения его прав и построения гармоничного общества. Тем самым антропоцентризм в Рио-де-Жанейрской декларации трансформируется из констатации факта в нормативную установку, направляющую международное и национальное право к поиску баланса между экономическим развитием и охраной окружающей среды.

Следующим документом, который занимает особое место в системе международного-правовых актов, закрепляющих экологические права человека, является Орхусская конвенция, принятие которой ознаменовало собой переломный момент в развитии правозащитного измерения экологического права. Принятая в 1998 г. под эгидой Европейской экономической комиссии ООН, Конвенция знаменует собой качественно новый этап эволюции международных стандартов в области охраны окружающей среды. Если ранее международное экологическое право концентрировалось преимущественно на вопросах охраны природных ресурсов и предотвращения загрязнения, то Орхусская конвенция впервые системно увязала экологическую проблематику с правами человека, закрепив их в качестве обязательной составляющей демократического государства.

Сущностным элементом рассматриваемого документа является признание неразрывной связи между правами человека на благоприятную окружающую среду и его участием в принятии решений, касающихся природоохранительной политики. В ее основе лежит идея о том, что охрана окружающей среды не может быть эффективной без участия гражданского

общества, в связи с чем Конвенция формирует правовую конструкцию, в рамках которой гражданин перестает быть пассивным объектом экологической политики.

В этой связи, анализируя принцип активного участия гражданского общества в вопросах экологической направленности, Д.Е. Макрицкая пишет: «Орхусская конвенция считается наиболее полным и эффективным инструментом реализации указанного выше принципа, поскольку регламентирует конкретные права и механизмы, обеспечивающие доступ граждан к экологической информации, а также считается глобальным шагом международного сообщества на пути к построению «экологической демократии» как на национальном, так и на международном уровнях» [9, с. 117]. Очевидно, Орхусская конвенция и закрепленный в ней принцип широкого участия граждан в вопросах экологической направленности отражают фундаментальное преобразование правовой парадигмы, где экологические права человека интегрированы с механизмами прозрачности, подотчетности государственных органов и демократического контроля, что позволяет нам утверждать о формировании новой модели «экологической демократии», которая служит как национальным интересам, так и глобальным целям устойчивого развития.

В ст. 1 Орхусской конвенции закрепляется: «Для содействия защите права каждого человека нынешнего и будущих поколений жить в окружающей среде, благоприятной для его здоровья и благосостояния, каждая Сторона гарантирует права на доступ к информации, на участие общественности в процессе принятия решений и на доступ к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды, в соответствии с положениями настоящей Конвенции» [6]. Следует подчеркнуть, что вышеуказанная норма отражает глубокую трансформацию подхода к правам человека в экологической сфере, формируя устойчивую связь между охраной окружающей среды и защитой фундаментальных интересов человека. Также уместным будет указать, что в ст. 1 Конвенции закрепляются 3 ключевых аспекта, без которых современная модель экологической демократии не может полноценно функционировать: 1) право на доступ к информации, которая обеспечивает прозрачную деятельность органов государственной власти и субъектов хозяйственной деятельности; 2) право на участие общественности в процессе принятия решения, способствующее учету мнений граждан и повышению легитимности управленческих действий органов государственной власти; 3) право на доступ к правосудию, гарантирующее возможность судебной защиты в случае нарушения экологических прав граждан.

Обобщая рассмотренное, можно заключить, что экологические права граждан постепенно занимают самостоятельное и значимое место в системе классических прав человека, выступая их естественным продолжением и развитием. Если традиционно права человека концентрировались на защите

жизни, здоровья, свободы и других прав, то экологические права обеспечивают реализацию этих базовых прав и свобод в условиях гармоничного взаимодействия человека с окружающей средой, так как они формируют комплексную правовую категорию, связывающую личные, социальные и коллективные интересы, и выступают инструментом реализации принципов справедливости между поколениями. Иными словами, экологические права становятся неотъемлемой частью фундаментальной правовой конструкции прав человека, отражая современную доктрину, где защита природы и благоприятная окружающая среда рассматриваются как ключевой элемент полноценного и достойного существования личности.

Список литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека ООН от 10 дек. 1948 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 05.10.2025).
2. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 дек. 1966 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 05.10.2025).
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 дек. 1966 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 05.10.2025).
4. Декларация Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды от 16 июня 1972 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения: 05.10.2025).
5. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию от 14 июня 1992 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 05.10.2025).
6. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды [Орхусская конвенция]. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml (дата обращения: 05.10.2025).
7. Воронцова, А.А. Экологические права граждан в международных документах о правах человека и гражданина // Экологич. право. - 2002. - № 3. - С. 96-99.
8. Лось, В.А. РИО-92: предварительные итоги 30-летия стратегии устойчивого развития (ч. 2: Устойчивое развитие: от теоретических построений к практическим действиям) // Вестник Московского ун-та. - Серия 27: Глобалистика и геополитика. - 2022. - № 3. - С. 16-34.
9. Макрицкая, Е.Д. Право на доступ к экологической информации в

парадигме Орхусской конвенции: опыт реализации в некоторых государствах // Сибирский юрид. вестник. - 2020. - № 4 (91). - С. 116-122.

10. Хомутова, Е.А. Взаимосвязь между правами человека и международным экологическим правом // Приоритетные направления устойчивого социально-экономического развития государств в условиях усиления внешних рисков: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. - Киров, 03 ноября 2022 г. - Киров: Изд. «Аверс», 2022. - С. 224-227.

11. Шорников, Д.В., Макрицкая, Е.Д. Роль политических деклараций в формировании механизма международно-правовой охраны озера Байкал // Сибирский юрид. вестник. - 2020. - № 3 (90). - С. 109-115.

Глава 5. Специальные направления защиты прав человека в международном праве

§ 5.1. Международно-правовое регулирование безопасности детского питания

Бодурова Г.Г.

Одним из неотъемлемых прав человека, закрепленных в основополагающих международных договорах, является право на здоровое питание. Здоровое сбалансированное питание играет, пожалуй, ключевую роль как для общества, так и для государства. Пищевая промышленность самым тесным образом связана с такими отраслями народного хозяйства, как экономическое и политическое развитие государства.

Важно также признать, что право на безопасное сбалансированное питание непосредственно связано и со сферой здравоохранения. Общеизвестно, что отсутствие экологически безопасных продуктов питания приводит к различным заболеваниям. К примеру, по данным Детского Фонда ООН (UNICEF) за 2019-2025 гг. серьезной проблемой в сфере общественного здравоохранения становится недоедание. Причем недоедание за отчетный период проявляется в двух вариациях: недоедание и избыточный вес. Более того, на достаточно высоком уровне стоит индекс задержки роста (20,9%). У детей в возрасте до 5 лет и у женщин наблюдается скрытый голод, то есть недополучение организмом необходимых микронутриентов. Около 40% детей в возрасте до 5 лет имеют анемию и дефицит витамина А. То есть, как видно, проблема здорового питания является основной проблемой общественного здравоохранения.

Таким образом, в настоящее время проблема здорового и экологически безопасного детского питания становится довольно актуальной, поскольку является основой в свете устойчивого развития государства и общества.

Надо заметить, что еще в 1920-х гг. прошлого столетия были проведены исследования, посвященные детскому питанию. Было доказано, что действительно детское питание отличается от взрослого. В ходе исследования были выделены ценные продукты питания с описанием важности каждого пищевого элемента, суточные продовольственные пайки и меню для детей разных возрастов [8, с. 153].

В связи с этим, вопрос детского питания, особенно в возрасте до 5 лет, всегда должен быть в поле зрения. Именно поэтому в силу своей значимости право на здоровое питание находит закрепление не только во внутригосударственном праве, но также и во многих основополагающих международных договорах.

На заре появления институционального механизма закрепления основных прав человека, наряду с другими правами, международное

право закрепляет и право на пищу. Всеобщая Декларация прав человека 1948 г. (в частности, в ст. 25) закрепляет, что «каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи...». В доктрине признается, что закрепление права на здоровое питание является важным достижением Организации Объединенных Наций [5, с. 32]. Признание за правом на здоровое питание международно-правового статуса придает данной проблеме особую актуальность. Постепенная реализация международных стандартов в рассматриваемой сфере на внутригосударственном уровне приводит к повышению качества жизни населения, поскольку уровень жизни населения, его активность, здоровое подрастающее поколение непосредственным образом связаны с безопасным и здоровым питанием.

Являясь одним из основополагающих прав человека, право на здоровое питание закрепляется также в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. Статья 11 данного Международного договора наряду с иными правами закрепляет право каждого человека на достаточное питание. Опираясь на понятие «достаточный уровень жизни», рассматриваемый Международный договор акцентирует особое внимание на внутригосударственных механизмах реализации данных правомочий. Особое внимание государства-участники Пакта должны уделять принятию необходимых мер и проведению конкретных программ, направленных на свободу от голода. Последнее достигается путем улучшения методов производства, хранения и распределения продуктов питания путем широкого использования технических и научных знаний, распространения знаний о принципах питания и усовершенствования или реформы аграрных систем таким образом, чтобы достигнуть наиболее эффективного освоения и использования природных ресурсов.

Необходимо подчеркнуть, что принятые несколько десятилетий назад нормы международного права о праве на достаточный уровень жизни не потеряли свою актуальность на современном этапе развития человеческого общежития. Мы полагаем, что сегодня указанные международно-правовые механизмы становятся актуальными, поскольку в последние годы международное сообщество все больше уделяет внимание и направляет политику развития в русло обеспечения населения экологически безопасными продуктами питания. Здесь также считаем важным заметить, что сама концепция «достаточный уровень жизни» не существует сама по себе. По справедливому замечанию Н.В. Колотовой, данная дефиниция есть правовая категория и подкреплена государственными обязательствами [4, с. 153].

Особую актуальность и, пожалуй, важность, как для государств, так и для международного сообщества в целом, приобретает вопрос о здоровом детском питании. Как известно, охрана материнства и детства во многих

странах, в частности в странах постсоветского пространства, является ключевым стратегически важным приоритетом государства.

Особый акцент на право ребенка на здоровое питание делается в ставшей за довольно короткий промежуток времени универсальной Международной конвенцией – Конвенции о правах ребенка 1989 г. Указанный Международный договор «право на безопасное питание» рассматривает как составляющую права ребенка на пользование наиболее совершенными услугами системы здравоохранения. То есть по смыслу ст. 24 Конвенции о правах ребенка обеспечение государствами-участниками населения, в особенности детей, безопасными продуктами питания и обеспечение их доступа к чистой воде неразрывно связаны со здоровьем детей. Статья 24 Конвенции закрепляет, что государства-участники должны принимать все необходимые меры для борьбы с недоеданием. Государства обязаны применять такие технологии в пищевой промышленности, чтобы была возможность обеспечить детей достаточным питательным продовольствием и чистой водой. Более того, на государства возлагается ответственность проводить пропагандистскую деятельность, направленную на осведомленность населения, как взрослого, так и детского, о здоровом питании. Полагаем, что указанная конвенция предполагает создание, помимо медицинских учреждений, специальных органов, деятельность которых собственно была бы направлена на проведение подобного рода мероприятий. Особо следует подчеркнуть, что в свете обеспечения доступа детей к здоровой пище Конвенция особо акцентирует внимание на преимуществе грудного вскармливания.

К большому сожалению, как показывает практика, отсутствие должных знаний о пользе материнского молока, а также большой выбор детских смесей являются первопричинами перевода младенцев на искусственное вскармливание. То есть в большинстве случаев данный процесс проходит при отсутствии объективных показаний. Безусловно, детская смесь питательна, но не обладает всеми теми полезными свойствами, которым обладает материнское молоко [4]. По оценкам Всемирной Организации здравоохранения обеспечение детей грудным молоком могло бы спасти более 820 тыс. детей в возрасте до 5 лет. Доказано, что доступ детей до 2-летнего возраста к грудному вскармливанию способствует уменьшению заболеваемости и смертности, снижению риска хронических заболеваний, предотвращению желудочно-кишечных инфекций.

По статистическим данным ежегодно около 2,7 млн. случаев детской смертности, или же 45% всех случаев смерти детей, есть результат недостаточности питания. По экспертным данным осведомленность населения о пользе грудного вскармливания и непосредственно претворение в жизнь данной рекомендации являются одними из важных направлений в области улучшения выживаемости детей и содействия их здоровому росту и развитию, поскольку антитела, содержащиеся в грудном молоке, предотвращают

развитие различных инфекционных заболеваний [7, с. 105].

Также по статистическим данным ВОЗ за последний отчетный период⁴⁶ из-за отсутствия надлежащего питания:

- 52 млн. детей в возрасте до 5-ти лет страдают от истощения, причем 17 млн. - от тяжелой формы истощения; у 155 млн. наблюдается задержка развития, а от избыточного веса или ожирения страдает 41 млн.;

- около 40% детей в возрасте до 6-ти месяцев находятся исключительно на грудном вскармливании;

- немногие дети получают адекватную и безопасную пищу для прикорма; во многих странах питание менее четверти детей в возрасте от 6-ти до 23-х месяцев отвечает критериям разнообразия питания и частоты кормления, которые соответствуют их возрасту [9].

Отметим, что за последние несколько лет мало, что изменилось, поскольку вопросы обеспечения детей надлежащим питанием до сегодняшнего дня стоят остро на повестке дня. В связи с чем, ВОЗ выработан Мониторинг «Комплексного плана осуществления деятельности в области питания матерей и детей грудного и раннего возраста». Данная Программа одобрена государствами-членами в мае 2021 г. Основная цель Программы заключается в том, чтобы повысить показатели грудного вскармливания в течение первых шести месяцев, и к 2025 г. повысить его до 50%.

Надо заметить, что обеспечение детей безопасными продуктами питания в детском возрасте и преимущественное грудное вскармливание благоприятным образом сказываются как на ребенке, так и на матери. На международном уровне приняты договоры, регулирование которых направлено как на установление права на здоровое достаточное питание, так и на охрану материнства и детства. Среди важных международных правовых актов можно выделить Конвенцию Международной организации труда по защите материнства № 183 и Рекомендацию № 191, дополняющую Конвенцию № 183 путем предложения более длительного отпуска и более значительных преимуществ, а также Международный свод правил сбыта заменителей грудного молока.

Следующим международным договором, содержащим важные международные стандарты в области права ребенка на питание, является Всемирная Декларация об обеспечении выживания, защиты и развитии детей 1990 г. Принятию такого специального Международного договора способствовали ненадлежащие условия проживания детей во многих странах, недостаточное и несбалансированное их питание, приведшее к большому количеству детской смертности, различным инфекционным заболеваниям и проблемам со здоровьем, связанным с детским питанием. Последнее включает в себя разработку, а также претворение в жизнь в государствах-участниках правовых механизмов обеспечения выживания, защиты и развития детей.

Помимо иных задач, реализация которых направлена на обеспечение

⁴⁶ По состоянию на 16 февраля 2018 г.

достойного детства, Декларация содержит важные нормы в области права на питание. Среди них можно выделить: сокращение серьезной и умеренной недоупитанности среди детей в возрасте до 5 лет, улучшение здоровья и питания детей и принятие мер, направленных на искоренение голода и недоедания. Важно подчеркнуть, что Декларация 1990 г. ставит перед государствами-участниками задачи создания специальных служб, деятельность которых была бы направлена на контроль за развитием детей и содействие их росту⁴⁷. К примеру, по данным ЮНИСЕФ в Республике Таджикистан задержка роста как показатель хронического недоедания продолжает оставаться одной из серьезных проблем общественного здравоохранения [10]. Создания специальных служб также необходимо для проведения пропагандистских мероприятий о просвещенности семей по вопросам планирования семьи и деторождении. Важной задачей, стоящей перед указанными службами по Конвенции, является предоставление вспомогательных услуг для увеличения производства продовольствия с целью обеспечения продовольственной безопасности семей [5, с. 33].

Таким образом, согласно вышеизложенному, можно подытожить, что право на пищу, а именно право на безопасное питание, закреплено в международных договорах. Но, несмотря на это, на сегодняшний день обеспечение права ребенка на безопасное питание остается проблемой в большинстве государств. В связи с этим полагаем, что для теоретической ясности изложения необходимо выделить дефиниции, которые являются составными теоретическими конструкциями института «права ребенка на питание».

Важно подчеркнуть, что все чаще в международных договорах встречается такая формулировка, как «адекватное питание». По мнению А.А. Кудряшевой, «адекватность в отношении пищи отражает удовлетворение потребностей человека в пище, содержащей все необходимые по нормам натуральные питательные вещества» [5]. То есть не все продукты питания при всем своем разнообразии могут отвечать критериям адекватности. Мы полагаем, что адекватное питание включает в себя как физиологические потребности ребенка, так и биологические показатели, то есть набор необходимых питательных веществ, которые способствуют росту и развитию ребенка, особенно в первые 5 лет его жизни.

Надо заметить, что Организация Объединенных Наций в лице своих специализированных учреждений вопросам безопасности детского питания уделяет особое внимание. К таким специализированным учреждениям ООН относятся Продовольственная и сельскохозяйственная организация (ФАО) и Всемирная Организация здравоохранения (ВОЗ). Небезучастным к данной проблеме остается и Детский фонд ООН (UNICEF).

ФАО и ВОЗ ввели пояснения к следующим терминологическим составляющим детского питания: голод, недоедание и скрытый (хронический)

⁴⁷ За последние десятилетия особо остро стоят проблемы, связанные с низким ростом детей.

голод. По стандартам указанных специализированных учреждений выработано, что норма суточного питания для одного человека составляет 2400-2500 ккал/сут. Если же суточная норма ниже данного показателя (а именно ниже 1800 ккал), то налицо недоедание, то есть в данном случае организм не обеспечивается всеми необходимыми питательными веществами. Если же энергетическая ценность питания достигает отметки ниже 1000 ккал/сут., то уже следует говорить о голоде [2, с. 157-158]. В тех же случаях, когда организм посредством питания не получает необходимых для здорового функционирования всех органов незаменимых веществ, следует говорить о скрытом (или хроническом) голоде.

Другой терминологической составляющей, довольно часто встречающейся как в международных договорах, так и в нормах национального права, является «продовольственная безопасность», или же «безопасность продуктов питания». Под безопасностью продуктов детского питания понимают совокупность требований к их пищевой ценности, а также гигиеническую безопасность (санитарно-химическую, санитарно-микробиологическую и радиологическую) и клинко-физиологическую эффективность в питании детей [3, с. 36]. Более развернутое определение продовольственной безопасности встречается у Е.С. Патлань. Продовольственная безопасность – это такое состояние экономики страны, при котором отечественный агропромышленный комплекс обеспечивает население всеми необходимыми безопасными продуктами питания высокого качества и в объемах, необходимых для поддержания здорового образа жизни не ниже научно обоснованных норм [6, с. 234].

То есть, как следует из данного определения, детское питание должно соответствовать отдельным строго определенным стандартам санитарно-эпидемиологического контроля. Международные стандарты качества и безопасности продуктов детского питания закреплены в нормах международных договоров, в директивах Организации по продовольствию и сельскому хозяйству (FAO) и Всемирной организации здравоохранения (WHO), а также в документах специализированного агентства Codex Alimentarius Commission.

К большому сожалению, приходится констатировать тот факт, что на сегодняшний день при всем разнообразии международной нормативно-правовой базы «права на адекватное питание», а также имеющихся международных стандартов сбалансированного питания проблема голода, недоедания, и в большей степени проблема скрытого (хронического) голода, особенно среди детей, наиболее остро стоит во многих странах мира. Последнее актуально как для развитых стран, так и для развивающихся.

Таким образом, полагаем, что при наличии международных стандартов, содержащих определенные требования к качеству и безопасности продуктов детского питания, государства должны приводить нормы

национального права, а также создавать внутригосударственные механизмы контроля за претворением в жизнь данных стандартов.

В Республике Таджикистан, в частности, нет специального закона о детском питании и о безопасном питании как такового. Вопросы безопасного детского питания упоминаются в нескольких национальных стратегиях. Среди них можно выделить Стратегию в области питания и физической активности на 2015-2024 гг., Национальную Стратегию в области здравоохранения на 2010-2020 гг., Программу продовольственной безопасности на 2015-2020 гг., Концепцию для школьного питания в Таджикистане на 2018-2027 гг., Стратегию устойчивого развития школьного питания в Республике Таджикистан на период до 2027 г. Надо признать, что проблема задержки роста как ключевой показатель недоедания отражается во многих из данных стратегий.

Но мы полагаем, что необходимо принимать конкретные меры, которые действительно смогли бы предотвратить существующие проблемы, связанные с обеспечением детей здоровым и полноценным питанием. Полагаем, что должны быть созданы специальные службы, деятельность которых была бы направлена на контроль всей продовольственной политики, новых пищевых технологий и их безопасного внедрения в систему общего детского питания, а также контроль за безопасной торговлей пищевыми продуктами. Ведь, действительно, неадекватное питание способствует ухудшению физического развития и развития мозга у молодых людей и, в конечном итоге, замедляет темпы национального развития.

Здоровое и безопасное питание, в особенности в детском возрасте, является фундаментом, на котором строится все дальнейшее физическое, умственное и эмоциональное развитие ребенка.

Список литературы:

1. Воронов, И.М., Мазурин, А.В. Пропедевтика детских болезней. - СПб.: Изд. «Фолиант», 2009. - 883 с.
2. Галюжин, С.Д., Галюжин, А.С., Лобикова, О.М. Проблема голода - важнейшая экологическая проблема // Вестник Белорусско-Российского ун-та. - 2008. - № 4 (21). - С. 157-167.
3. Конь, И.Я., Коновалова, Л.С., Георгиева, О.В. Вопросы обеспечения качества и безопасности продуктов детского питания // Гигиена и санитария. - 2013. - № 1. - С. 36-39.
4. Колотова, Н.В. Конституционализация понятия «достойный уровень жизни» // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. - 2024. - № 11. - С. 152-161.
5. Кудряшева, А.А. Международное признание права человека на пищу и здоровое питание // Пищевая промышленность. - 2017. - № 2. - С. 32-35.

6. Патлань, Е.С. Сущность и содержание понятия «продовольственная безопасность» // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. - 2024. - № 1. - С. 231-237.

7. Рынову, У.А., Тощая, В.В., Саломатина, С.Н., Янит, С.А. Преимущества грудного вскармливания // Инновационная наука. - 2021. - № 11-2. - С. 105-108.

8. Чебаковская, А.В. Продовольственное обеспечение воспитанников детских домов Карелии в 1920-х - первой половине 1930-х годов // Вестник Удмуртского ун-та. - 2020. - Т. 30. - Вып. 1. - С. 153-164.

9. <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/infant-and-young-child-feeding>.

10. <https://www.unicef.org/tajikistan/ru/>.

§ 5.2. Судебная защита конституционных экологических прав граждан в фокусе экологического правосудия

Юн Л.В.

*Посвящается моему Учителю,
доктору юридических наук, профессору, Заслуженному деятелю науки
Республики Татарстан Р.Ф. Степаненко
за ее неоценимый вклад в мою научную жизнь*

Вопросы судебной защиты конституционных прав граждан находят свое отражение в трудах как отечественных, так и зарубежных ученых, а также правоприменителей и других субъектов, интересующихся обозначенной проблематикой. Интерес вызван, в первую очередь, в связи с восстановлением нарушенных прав человека и гражданина, выплатой компенсации за причиненный вред или ущерб вследствие совершения правонарушения или преступления.

В современных правовых, демократических, социальных государствах одной из важных функций является обеспечение возможности реализации прав и свобод населения, создание безупречного механизма, призванного защищать человека от неправомерных посягательств на его права и способствовать их восстановлению.

Наиболее эффективным средством в системе юридических гарантий считается защита в судебном порядке – право гражданина, личности на судебное обжалование.

Это право в настоящее время приобретает все более универсальный характер, поскольку само судебное разбирательство располагает к его приоритетному применению, действуя на основе таких принципов, как независимость суда, гласность, состязательность, непосредственность и

др. В случае, если судебная защита применяется должным образом, то она будет являться действенным средством защиты и обеспечения прав и свобод личности.

Одним из основных показателей судебной власти в обществе, демократизации самого общества выступает уровень судебной защиты [9, с. 4].

В рамках проводимого исследования остановим свое внимание на судебной защите конституционных экологических прав граждан через призму экологического правосудия, выявим проблемы, из-за которых не в полном объеме развито экологическое правосудие на национальном уровне, обозначим преимущества защиты в экологических судах, покажем необходимость их создания в Российской Федерации.

Российские и зарубежные ученые высказывают позиции о необходимости реализации права на доступ к экологическому правосудию для граждан и других субъектов.

Отечественные ученые подчеркивают, что доступ к правосудию является полноценным гарантом прав человека и индикатором состояния общества в контексте устойчивого развития [14, с. 86].

Профессор Чилийского университета Каролина Рикельме Салазар указывает, что «...право на доступ к экологическому правосудию есть процессуальное право, конкретизирующее право жить в здоровой окружающей среде, представляет собой один из механизмов, посредством которого граждане участвуют в контроле за соблюдением природоохранных норм, позволяя лицу или группе лиц предъявить иск в защиту эффективной защиты своего права жить в экологически чистой среде...» [5].

Ретроспективный анализ создания экологического правосудия показывает длительный период его зарождения. Органы международного правосудия были созданы на закате XIX – в начале XX веков. Последующая эволюция судебных органов произошла на рубеже XX-XXI веков в связи с созданием таких специализированных судов, как Международный трибунал по морскому праву и международные уголовные суды [7, с. 252].

Первое решение Международный трибунал вынес 4 декабря 1997 г. по делу о судне «Сайга» (Сент-Винсент и Гренадины против Гвинеи), незамедлительное освобождение.

В июле 1993 г. была создана Камера по экологическим вопросам. По мнению М.Н. Копылова и А.М. Солнцева, создание Камеры не способствовало решению проблем международного правосудия ввиду следующих причин: судьи не имели специализированных знаний в сфере международного экологического права; непонятно, что государства могли выиграть при обращении в Камеру, а не в Суд; часто государства не могут решить, является ли спор экологическим или нет [6, с. 122].

Джордж и Кетэрин Принг провели большое количество интервью в

более чем двадцати государствах, после которых был сделан вывод о растущей тенденции создания специализированных судебных и квазисудебных учреждений для обеспечения доступа к правосудию по вопросам окружающей среды [1, р. 13].

Специализированные суды являются независимыми от исполнительной и законодательной ветвей власти, требуют тщательно определенной юрисдикции, их решения подлежат исполнению как против государственных органов, так и частных сторон [1, р. 22].

Экологические суды, представляющие собой специализированные органы, постепенно формируются, исходя из многочисленных правовых споров в сфере экологии и развития экологического законодательства. Обозначенные в исследовании судебные органы занимают ключевую роль в обеспечении исполнения законов в сфере охраны окружающей среды, урегулировании проблем, разъяснении смысла нормативных правовых актов и организации форумов и конференций с целью разрешения экологических споров [4].

Норвегия эффективно повышает долю реализации возобновляемых источников энергии путем использования гидроэнергетических ресурсов, занимая при этом одно из первых мест по продаже электрических автомобилей, на основании которых происходит уменьшение вредных выбросов в атмосферу [10, с. 126].

Согласно статистике Верховного народного суда Китая, в период с января 2019 г. по ноябрь 2021 г. было завершено 100 300 уголовных дел и 479 206 гражданских дел, связанных с нарушениями в сфере окружающей среды и ресурсов [13].

На сегодняшний день в большинстве государств, таких как Австралия, Новая Зеландия, Бразилия, Бельгия, Индия и др., функционируют экологические суды [12].

Национальный зеленый трибунал в Индии, к примеру, был создан для эффективного и оперативного рассмотрения дел, связанных с защитой окружающей среды и сохранением лесов и других природных ресурсов, включая обеспечение соблюдения любого законного права, связанного с окружающей средой, и предоставление помощи и компенсации за ущерб, причиненный лицам и имуществу [8].

Несмотря на то, что в мире насчитывается огромное количество экологических судов, на национальном уровне они отсутствуют, и экологические споры находятся в производстве органов судебной власти конституционного контроля, судов общей и арбитражной юрисдикции, создавая тем самым для них дополнительную нагрузку.

Для наиболее полного анализа вопроса судебной защиты конституционных экологических прав граждан в экологических судах приведем несколько примеров из материалов судебной практики.

Национальный зеленый трибунал Индии рассмотрел вопрос об угрозах для окружающей среды и здоровья, вызванных работой мусоросборника (дхалао), расположенного рядом со школой «Ахил Бхартия Нетрахин Сангх» для детей с нарушениями зрения в районе Рагхубир Нагар, Западный Дели. Школа, основанная в 1971 г., ежегодно предоставляет бесплатное образование и проживание более чем 100 ученикам с нарушениями зрения. Несмотря на неоднократные жалобы со стороны администрации школы, Муниципальная корпорация Дели не приняла эффективных мер. Дхалао функционировало более трех десятилетий и использовалось в качестве места вторичного хранения отходов, что нарушало Правила обращения с твердыми отходами 2016 г. Это приводило к появлению неприятных запахов и антисанитарным условиям, которые негативно сказывались на здоровье и благополучии учащихся. Были сообщения о попытках закрыть дхалао, но его деятельность продолжалась, что создавало дополнительную угрозу здоровью учащихся. Перед Трибуналом стоял вопрос о том, нарушила ли эксплуатация мусоросборника (дхалао), расположенного рядом со школой «Ахил Бхартия Нетрахин Сангх», основополагающее право учащихся с нарушениями зрения на жизнь в чистой и незагрязненной среде. Кроме того, Трибуналу предстояло определить, нанесла ли халатность Муниципальной корпорации Дели в управлении дхалао ущерб здоровью, достоинству и правам учащихся и требуют ли такие действия мер по исправлению положения и компенсации в соответствии с экологическим законодательством. Применив принцип предосторожности и принцип «загрязнитель платит», Трибунал постановил, что эксплуатация дхалао нарушила природоохранное законодательство и основные права учащихся. Трибунал отметил, что халатность Муниципальной корпорации Дели поставила под угрозу здоровье, благополучие и достоинство учащихся, незаконно воспользовавшись их инвалидностью. Суд пришел к выводу, что Муниципальная корпорация Дели не смогла эффективно управлять дхалао и защищать окружающую среду, что потребовало принятия мер по исправлению положения и выплате компенсации. Трибунал постановил немедленно закрыть дхалао D-5 и обязал корпорацию обеспечить отсутствие открытых канализационных стоков и выбоин вблизи территории школы. Делийскому комитету по контролю за загрязнением окружающей среды было поручено контролировать соблюдение требований и принимать дальнейшие меры, включая взыскание экологической компенсации за любые будущие нарушения. Кроме того, Трибунал постановил выплатить корпорации компенсацию в размере 2 млн. рупий в течение одного месяца для устранения причиненного экологического ущерба и защиты прав слабовидящих учащихся [2].

Другой пример также связан с защитой конституционного экологического права на благоприятную окружающую среду.

Трибунал по собственной инициативе рассмотрел случай, опубликованный в общенациональной ежедневной газете под заголовком

«Вспышка желтухи в Шопиане; подозрение на загрязнение воды» от 31 января 2024 г. Этот случай вызвал обеспокоенность по поводу нарушений общественного здравоохранения и охраны окружающей среды, связанных с загрязнением воды.

В январе 2024 г. в Шопиане (штат Джамму и Кашмир) произошла вспышка желтухи, затронувшая множество жителей, включая детей. Эксперты в области здравоохранения предположили, что причиной стала загрязненная вода. Предполагалось, что загрязнение произошло из-за неправильной утилизации отходов, неадекватной очистки сточных вод и ненадлежащих систем фильтрации воды. Основными задачами Трибунала было определить, стала ли загрязненная вода причиной вспышки желтухи и приняла ли местная администрация адекватные профилактические меры. Другой вопрос заключался в том, не обеспечили ли власти Шопиана доступ к чистой питьевой воде и надлежащие санитарные условия, как того требуют Закон о воде (профилактика и контроль загрязнения) 1974 г. и Закон об окружающей среде (защита) 1986 г. Трибунал рассмотрел заявления местных должностных лиц здравоохранения и Комитета по контролю за загрязнением Джамму и Кашмира. Согласно отчету ответственной биолаборатории, питьевая вода, подаваемая в местные домохозяйства, содержала колиформные бактерии в количестве, превышающем 25 КОЕ/100 мл, что значительно превышает допустимый нулевой предел согласно стандартам BIS, ВОЗ и руководствам CPCB. Это подтвердило, что источником вспышки была загрязненная вода. В отчетах также указывалось на ненадлежащее обращение с отходами вблизи водоемов как на способствующий фактор. Трибунал установил, что вспышка желтухи была вызвана загрязненной водой, и выявил халатность со стороны местной администрации в решении вопросов качества воды и санитарии, несмотря на риски, связанные с заболеваниями, передающимися через воду. Трибунал рассмотрел дело, предписав немедленное устранение проблемы. Властям было поручено очистить загрязненные источники воды и обеспечить снабжение жителей безопасной питьевой водой. Главному секретарю Министерства здравоохранения и благополучия семьи и заместителю комиссара/окружному магистрату было поручено принять меры по обеспечению надлежащей санитарии, обеспечению населения чистой питьевой водой и предотвращению сброса неочищенных сточных вод [3].

На сегодняшний день существует ряд актуальных проблем, не позволяющих в полной мере реализовать на практике идею создания органов экологического правосудия на национальном уровне:

- Низкий уровень экологической культуры субъектов права, являющихся участниками экологических правоотношений, препятствует передаче дел из судов общей юрисдикции и арбитражных судов в экологические суды.

- Невысокий уровень экологического сознания и экологического

правопонимания, лишаящий возможности на конституционном и законодательном уровнях закрепить нормы о создании экологических судов.

Р.Ф. Степаненко подчеркивает, что если «...право естественное, то правосознание ориентировано на личностные права и свободы...» [11, с. 145].

Соглашаясь с мнением Р.Ф. Степаненко, отметим, что правосознание тесным образом коррелируется с правами и свободами человека и гражданина, в том числе и в сфере экологии, ввиду чего высокий уровень последнего крайне важен при формировании экологических судов.

- Отсутствие правового закрепления норм, свидетельствующих о создании экологических судов на конституционном и законодательном уровнях.

В качестве путей решения вышеобозначенных проблем предлагаем создать на национальном уровне эффективный механизм судебной защиты в сфере экологии, благодаря которому будет возможно обратиться с исковыми заявлениями в экологические суды для защиты и охраны нарушенных конституционных экологических прав.

С нашей позиции специализированные суды являются одной из лучших форм защиты нарушенных конституционных экологических прав, так как они обладают компетенцией в сфере охраны окружающей среды, в отличие от судей неспециализированных судов, у которых нет специальных знаний в данной области. Помимо этого, в отличие от созданных внутри судов общей юрисдикции специализированные суды могут рассматривать споры, относящиеся к гражданскому, уголовному, административному видам судопроизводства, взаимодействующие с вопросами окружающей среды.

Важно подчеркнуть, что создание экологического суда в Российской Федерации позволит реализовать право на доступ к экологическому правосудию. Функционирование суда позволит гражданам и другим субъектам узнать о защите своих нарушенных экологических прав, быть информированными об экологическом законодательстве в своей стране, иметь возможность получить компенсацию за причинение вреда жизни и здоровью, сформировать единую унифицированную судебную практику по экологическим спорам.

По справедливому убеждению Р.Ф. Степаненко, «...ядром, ценностным концептом, уникальным явлением, самым могущественным и, одновременно, уязвимым феноменом, требующим защиты и охраны правом, является человек в единстве и противоречиях его биологических, психологических, социальных и духовно-нравственных начал, непременно учитываемых в доктрине правовой политики (политике права) любого государственного образования современного мироустройства...» [15, с. 311].

Действительно, человек, являющийся субъектом правоотношений, в том числе и экологических, и представляющий собой высшую ценность в государстве, нуждается в особой правовой охране и защите от нарушений со

стороны других субъектов, чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий, катастроф и т.д.

Резюмируя, отметим, что под судебной защитой конституционных экологических прав граждан необходимо понимать возможность обращения в экологические суды с целью восстановления, охраны и защиты нарушенных конституционных экологических прав граждан и других субъектов, используя различные виды доказательств, свидетельствующих о несоблюдении конституционных экологических обязанностей, произошедшем стихийном бедствии или ином чрезвычайном случае.

Список литературы:

1. George (Rock) Pring & Catherine (Kitty) Pring Greening justice creating and improving environmental courts and tribunals. - 2009. - URL: <https://www.eufje.org/images/DocDivers/Rapport%20Pring.pdf> (дата обращения: 17.05.2025).

2. News item titled «Garbage overflow poses health risks to visually impaired students in W Delhi» appearing in the Millenium Post, dated 30.04.2024 (Original Application № 643/2024). - Decided on: 29th November, 2024 // National Green Tribunal e-Journal 2024 Annual e-Journal consisting of landmark judgements of National Green Tribunal. - URL: [e-JournalFinal24.03.20251530.pdf](https://www.ngt.nic.in/sites/default/files/important_orders/e-Journal%20Final%202024.03.2025%201530.pdf) (дата обращения: 03.09.2025).

3. News item titled «Jaundice Outbreak Hits Shopian; Contaminated Water Suspected» appearing in Kashmir Life dated 31.01.2024 (Original Application № 223/2024). - Decided on: 06th November, 2024 // National Green Tribunal e-Journal 2024 Annual e-Journal consisting of landmark judgements of National Green Tribunal. - URL: https://www.greentribunal.gov.in/sites/default/files/important_orders/e-Journal%20Final%202024.03.2025%201530.pdf (дата обращения: 03.09.2025).

4. Popova, E. Maldonado-Popova A. Modern trends in the development of the system of specialized courts of Latin American countries in the field of environmental justice on the example of the Republic of Chile // Land management, cadastre and land monitoring. - 2023. - № 6. - URL: <https://panor.ru/articles/sovremennye-tendentsii-razvitiya-sistemy-spetsializirovannykh-sudov-latino-amerikanskikh-stran-v-sfere-ekologicheskogo-pravosudiya-na-primere-respubliki-chili/93749.html#>.

5. Riquelme Salazar Carolina. Los tribunales ambientales en Chile. ¿Un avance hacia la implementación del derecho de acceso a la justicia ambiental? // Revista Catalana de Dret Ambiental. - 2013. - Vol. 4. - № 1. - URL: https://www.researchgate.net/publication/330443591_Los_tribunales_ambientales_en_Chile_Un_avance_hacia_la_implementacion_del_derecho_de_acceso_a_la_justicia_ambiental (дата обращения 04.09.2025).

6. Копылов, М.Н., Солнцев, А.М. Международное экологическое право на пороге реформ // Московский ж-л междунар. права. - 2010. - № 1. - С. 122.

7. Орлова, Е.С. Тенденции развития современных органов международного правосудия // Вестник РУДН. - Серия: Юридич. науки. - 2018. - Т. 22. - № 2. - С. 252.

8. Официальный сайт Национального зеленого трибунала Индии. [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.greentribunal.gov.in/about-us> (дата обращения: 01.09.2025).

9. Самович, Ю.В., Юн, Л.В. Судебная защита прав человека в России через призму конституционного правосудия: Учебное пос. / Ю.В. Самович, Л.В. Юн. - Чебоксары: Среда, 2022. - С. 4.

10. Солнцев, А.М. Обзор Международного XIV коллоквиума, проведенного Академией экологического права Междунар. союза охраны природы (Осло, 24-26 июня 2016 г.). // Электронное приложение к Российскому юрид. ж-лу. – 2016. - № 6. - С. 126.

11. Степаненко, Р.Ф. Преemptивность идей О.Э. Лейста о правосознании: актуализация проблем в современном прочтении. Ценность права (к 100-летию со дня рождения О.Э. Лейста): Монография / Отв. ред. Е.А. Фролова. - М.: Проспект, 2025.

12. Страновой обзор экологических судов. Модели, типы, особенности. [Электронный ресурс]. - URL: <https://kazlawreview.kz/stranovoj-obzor-ekologicheskikh-sudov-modeli-tipy-osobennosti/> (дата обращения: 01.09.2025).

13. Суды Китая рассмотрели более 700 000 дел в сфере экологии и ресурсов. - URL: <https://regnum.ru/news/3449059> (дата обращения: 18.05.2025).

14. Сучкова, В.А. Международно-правовая оценка права на доступ к экологическому правосудию в РФ // Вестник Российского ун-та дружбы народов. - Серия: Юрид. науки. - 2007. - № 4. - С. 86.

15. Степаненко, Р.Ф. Человек - центр методологии целеполагания в доктрине правовой политики (мировоззренческие и юрид. аспекты) / В сб.: Основные тенденции развития современного права: право стран БРИКС: Материалы VIII Национ. науч.-практ. конф. (с междунар. участ.). - Казань, 2024. - С. 311.

§ 5.3. Защита прав человека от преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей

Бадамшин С.К.

На протяжении последних двух десятилетий Интернет демонстрирует себя как быстроразвивающееся средство обмена информацией, привлекающее постоянно растущую аудиторию повсемучу. Совершенствование технологий способствует созданию действительно глобальной сети с относительно низкими препятствиями для новых участников. Интернет-технологии

широко позволяют людям взаимодействовать с почти неограниченной аудиторией в условиях относительно анонимности, быстро и эффективно преодолевая государственные границы. Они имеют многочисленные преимущества, начиная с высокой эффективности в обмене информацией и идеями, что считается одним из основных и неотъемлемых прав человека. Однако необходимо также учитывать дуалистическую природу информационно-телекоммуникационных технологий, поскольку средства, обеспечивающие такое взаимодействие, способны применяться в деструктивных целях. Террористические организации все активнее используют возможности Интернета для пропаганды своей идеологии, вербовки сторонников, обмена информацией, планирования и координации террористических актов. Это связано с особенностями сети, такими как глобальность, анонимность и высокая скорость распространения контента, что предоставляет террористам удобную платформу для продвижения своих целей. Применение Интернета в террористической деятельности сопровождается эффективным использованием социальных сетей, видеохостингов и форумов, что проявляется в деятельности различных группировок и т.д. Эти группы создают сложные административные структуры в сети, включая «штаты блогеров», и активно вовлекают молодежь, что делает задачу противодействия террористическому использованию Интернета крайне актуальной и сложной для правоохранительных органов и международного сообщества. В связи с этим, необходимо усиливать меры по мониторингу и предотвращению использования цифровых платформ террористами, одновременно соблюдая баланс между обеспечением безопасности и защитой прав и свобод пользователей сети. Поэтому перед органами власти стоит задача разработки и внедрения эффективных мер по предотвращению этой опасности. Сеть «Интернет», будучи инструментом для террористической деятельности, одновременно порождает как вызовы, так и новые перспективы для противодействия этой угрозе [1].

Электронные и информационно-телекоммуникационные сети, начавшие свой путь как новаторские технологии, претерпели трансформацию и стали обычным средством для осуществления множества уголовных преступлений, включая те, что имеют террористическую направленность. Террористические и экстремистские преступления могут быть совершены с помощью информационных технологий и ресурсов, которые выступают в роли средства их осуществления [2]. Цифровые технологии значительно расширили возможности вербовки сторонников, позволяя охватывать все большую аудиторию и действовать с невиданной ранее скоростью. Веб-сайты, социальные сети, мессенджеры и форумы позволяют террористическим организациям быстро и эффективно распространять свои сообщения, устанавливать связи и координировать действия в широком масштабе. Создавая безопасные каналы связи посредством анонимности и

шифрования, они значительно усложняют для правоохранительных органов задачу мониторинга и пресечения террористической деятельности. Однако стоит отметить, что законодатель заметил эту тенденцию современной террористической преступности уже с существенным опозданием. Российское законодательство начало комплексно реагировать на вызовы цифровой эпохи и угрозы терроризма в сети лишь в середине 2010-х годов, когда были приняты значимые нормативные акты, призванные регулировать деятельность в данной сфере. Так, одним из важных этапов стал «пакет Яровой» 2016 г., включающий поправки в Уголовный кодекс РФ и другие нормативные акты, направленные на усиление контроля за Интернет-трафиком, хранением данных операторами связи и предоставлением доступа правоохранительным органам к зашифрованной информации. Ранее правовые меры по противодействию терроризму фокусировались преимущественно на традиционных формах преступной деятельности и не учитывали в полной мере специфику и масштабы угроз, связанных с использованием цифровых технологий. Это создавало определенные сложности в уголовно-правовом регулировании и практическом пресечении террористической активности в Интернете. Следовательно, опоздание в реакции законодательной системы означало, что преступники получили определенное технологическое преимущество, что потребовало серьезных усилий по адаптации правовой базы и совершенствованию методов борьбы с терроризмом. Наконец, в 2016 г. в ч. 2 ст. 205² УК РФ был введен квалифицирующий признак, связанный с осуществлением преступных действий с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

Следует отметить, что любое террористическое преступление, наряду с достижением своих непосредственных целей, направлено на распространение террористической идеологии. Современные технологии позволяют распространять идеологию насилия в масштабах, недоступных ранее, что увеличивает риск привлечения новых сторонников, особенно среди молодого и уязвимого населения. Кроме того, такие способы пропаганды зачастую скрыты и анонимны, что затрудняет их выявление и пресечение.

Террористические преступления как наиболее опасная форма экстремизма сохраняют статус системной угрозы безопасности на всех уровнях - от государственного до индивидуального. Характеризуясь перманентно высокой степенью общественной опасности, они влекут расширяющийся комплекс негативных социальных и экономических последствий. Рост кибертерроризма и информационной агрессии ставит перед правоохранительными органами и обществом новые задачи по разработке эффективных методов борьбы с подобными угрозами, обеспечению национальной безопасности и защите граждан. Это делает проблему использования информационных сетей для пропаганды терроризма одной из наиболее актуальных в современном мире.

Для правильной квалификации преступления необходимо тщательно проанализировать весь набор объективных и субъективных признаков содеянного, чтобы соблюсти фундаментальные положения уголовного закона. Особое внимание на это обращается в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [3]. Это вполне можно применить и к примечанию ч. 2 ст. 205². Поскольку квалификация на основе объективных характеристик без учета субъективной стороны и контекста преступления может привести к неправильным выводам, нарушающим принцип справедливости и законности. Следовательно, для исключения ошибочного применения уголовной ответственности требуется всесторонний и комплексный анализ всех обстоятельств дела с учетом особенностей преступлений, совершенных на почве идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти, что позволяет обеспечить законность и обоснованность судебных постановлений в таких делах.

Одним из базовых документов стратегического планирования, который определяет национальные интересы, стратегические национальные приоритеты, цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу, является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [4]. В качестве одной из задач в данной Стратегии указано предупреждение и пресечение правонарушений и преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. Таким образом, в документе акцентируется значимость противодействия преступлениям, совершаемым таким способом. Это, в свою очередь, показывает осознание необходимости комплексных мер по обеспечению безопасности в цифровой сфере, а также адаптации методов правоохранительных и регулирующих органов к быстроразвивающейся информационной среде. В целом, такой подход важен для формирования эффективной системы противодействия современным киберугрозам и преступным схемам.

В п. 10 раздела II Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации указывается [5], что наиболее опасным проявлением экстремизма является терроризм, представляющий глобальную угрозу международному миру и безопасности. Современному росту экстремистских и террористических угроз в мире способствует стремительное распространение экстремистской идеологии, в том числе в информационном пространстве.

В п. 17 вышеназванной Стратегии также указывается на использование информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», в деструктивных целях. И другие положения данного документа, включая п. 24, содержат указание на использование таких сетей. Следовательно, содержание данной Стратегии имеет важное значение для формирования

общенациональной политики в области обеспечения безопасности страны в условиях современных глобальных вызовов. Она способствует системному определению угроз и рисков, включая новые формы преступности, кибербезопасность, информационные угрозы и геополитические риски, что позволяет разрабатывать эффективные превентивные меры. Документ ориентирован на обеспечение устойчивого развития страны, защиту ее суверенитета и территориальной целостности, а также на повышение уровня жизни населения. Особое внимание уделяется развитию инновационных технологий, цифровизации и энергетической безопасности, что важно для сохранения конкурентоспособности России на мировой арене. Стратегия также предусматривает развитие международного сотрудничества для совместного противодействия глобальным угрозам, что укрепляет позицию страны на мировой арене. В целом, она служит фундаментом для формирования государственной политики в сфере безопасности, помогает выработать ответные меры на современные вызовы и создает условия для стабильного развития и повышения уровня жизни населения.

Динамика развития указанных сетей и рост их использования в противоправных целях в условиях формирования так называемого информационного общества свидетельствуют о необходимости внедрения комплексных мер по предупреждению преступлений, совершаемых с использованием таковых. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы [6] указывается, что к числу задач, требующих своего решения, относится создать новые механизмы партнерства, призванные с участием всех институтов общества выработать систему доверия в сети «Интернет», гарантирующую конфиденциальность и личную безопасность пользователей, конфиденциальность их информации и исключаящую анонимность, безответственность пользователей и безнаказанность правонарушителей в сети «Интернет». В результате проведенного анализа положений Стратегии установлено, что поставленная в ней задача имеет большое значение для развития безопасной и устойчивой информационной среды в России. Создание механизмов доверия и защиты личных данных - это необходимое условие для того, чтобы использование Интернета было комфортным и безопасным для всех пользователей. Особенно важно исключить анонимность и безнаказанность, так как это способствует снижению уровня киберпреступности и противоправных действий в сети. Однако стоит учитывать, что при введении таких мер необходимо балансировать между обеспечением безопасности и сохранением свободы и приватности граждан, чтобы не нарушать их права. В целом, эта Стратегия отражает актуальные вызовы современного цифрового общества и показывает желание государства создать более ответственное и защищенное онлайн-пространство. В связи с этим представляется целесообразным и оправданным закрепление в ч. 2 ст. 205 УК РФ такого альтернативного квалифицирующего

признака, как совершение преступления с помощью новых технологий. Закрепление указанного признака соответствует современным реалиям цифровой трансформации преступной деятельности и полностью согласуется с принципом социальной обусловленности уголовного закона, требующего адекватного реагирования на новые формы общественно опасных деяний. В то же время недостатки такой формулировки квалифицирующего признака заключаются в его размытости и возможной неопределенности. Формулировка, связанная с использованием различного рода сетей, обладает широким спектром толкования и позволяет осуществлять ее интерпретацию в различных правовых контекстах. Это создает риск правовой неопределенности, что затрудняет точную квалификацию преступлений и может привести к разночтениям при расследовании и судебном разбирательстве. Кроме того, такая формулировка может применяться к самым разным ситуациям, включая случаи, когда использование технологий не играет существенной роли в преступной деятельности или является лишь косвенным фактором, что снижает ее юридическую точность и эффективность. В результате существует опасность злоупотреблений или неправильной квалификации преступлений, что подчеркивает необходимость более конкретных и четких критериев в нормативных актах.

Продолжает вызывать интерес ст. 205 УК РФ. Она не содержит такого квалифицирующего признака в виде использования различного рода сетей, в том числе сети «Интернет». В соответствующей уголовно-правовой норме понятие террористической деятельности основывается на определении, которое приводится в п. 2 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму». Разъясняя эти положения, Пленум Верховного Суда РФ в п. 22 Постановления от 9 февраля 2012 г. № 1 [7] указал, что прохождение обучения может заключаться и в иных действиях виновного, непосредственно связанных с его подготовкой к осуществлению террористической деятельности, и является окончанным уже с момента начала выполнения действий, направленных на получение соответствующих знаний, практических умений и навыков, независимо от фактического приобретения таковых, а равно их качества и возможностей применения в криминальной деятельности [8]. При совершении иных действий, направленных на создание условий для реализации террористической деятельности, такие действия подлежат отдельной юридической квалификации.

В условиях современного развития информационно-телекоммуникационных сетей и информационных технологий сформированы предпосылки для самостоятельного освоения знаний и навыков, не требующего обращения к иным лицам, оказывающим содействие в подготовке к террористической деятельности. Тем не менее, доктринальный анализ свидетельствует о преобладании традиционной модели обучения, предполагающей двустороннее взаимодействие субъектов – обучающего

и обучаемого, в рамках которого обеспечивается целенаправленное формирование необходимых знаний, умений и навыков, обладающих повышенной степенью криминогенности.

Санкция ст. 2053 УК РФ об ответственности за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности включает лишение свободы на срок от 15-ти до 20 лет с ограничением свободы на срок от 1-го года до 2-х лет или пожизненным лишением свободы. Данная норма применяется исключительно к лицам, проходящим такое обучение, в то время как лица, которые их обучают – тем самым совершающие более опасные действия, подлежат уголовной ответственности по ч. 1, ч. 1.1 или ч. 2 ст. 205.1 УК РФ, где в ч. 2 наказание не превышает 20 лет лишения свободы. Представляется обоснованным вывод о том, что противоправная деятельность лиц, осуществляющих обучение других лиц с целью последующего совершения ими преступлений террористической направленности, характеризуется более высокой степенью общественной опасности, по сравнению с деяниями обучаемых, и в отдельных случаях существенно превалирует над ними. Как справедливо отмечает А.Н. Игнатов, относительно санкции ч. 1.1 ст. 205 УК РФ, не иначе как конъюнктурным стремлением привести ответственность за вовлечение в террористическую деятельность «в соответствие» санкции ст. 205 УК РФ объяснить нельзя [9]. Следует отметить, что такая дифференциация в санкциях, установленных указанными нормами, все еще не полностью соответствует принципу справедливости и требует корректировок на основе научно обоснованных предложений. Справедливое и соразмерное наказание является ключевым элементом эффективной уголовной политики, особенно в такой чувствительной сфере, как борьба с терроризмом. Именно справедливое и соразмерное наказание обеспечивает баланс между интересами общества, государства и правонарушителя. Такое наказание не только служит сдерживающим фактором, предотвращая совершение правонарушений, но и способствует восстановлению социальной справедливости, защите прав потерпевших и реабилитации правонарушителя. Научно обоснованные предложения по корректировке санкций могут повысить их адекватность, учесть различия в уровне общественной опасности действий участников террористической деятельности (например, обучающихся и обучающихся), а также способствовать более точному соблюдению баланса между превенцией и защитой прав человека. Таким образом, обсуждение и внедрение подобных изменений могут способствовать повышению эффективности и законности системы противодействия терроризму. Для устранения обозначенной проблемы предлагается предусмотреть ответственность для лиц, осуществляющих обучение таким знаниям, умениям и навыкам, посредством дополнения соответствующую ст. 205 УК РФ второй частью, содержащей следующий текст:

«2. Обучение или иная подготовка другого лица в целях его участия

в осуществлении террористической деятельности или для совершения им одного либо нескольких преступлений, предусмотренных статьями 205, 206, 208, 211, 277-279, 360 и 361 настоящего Кодекса, а равно создание и распространение материалов для использования при обучении в указанных целях наказываются лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет или пожизненным лишением свободы».

В предлагаемой редакции части второй анализируемой уголовно-правовой нормы в качестве альтернативных форм объективной стороны представляется обоснованным закрепление создания и распространения материалов, используемых при обучении с целью последующего совершения деяний террористической направленности. Указанные действия обладают сопоставимой степенью общественной опасности, поскольку опосредуют непосредственную подготовку иных лиц к совершению соответствующих преступлений и тем самым формируют необходимую информационно-идеологическую и практическую базу для террористической активности. При этом следует учитывать, что создание и распространение таких материалов могут осуществляться не только целенаправленно в межличностной коммуникации, но и с использованием средств массовой информации, а также различных электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, что многократно повышает масштаб и интенсивность их криминогенного воздействия.

Представляется необходимым внести коррективы в действующие санкции, предусмотренные за прохождение соответствующего обучения, ориентированные на их смягчение в интересах соблюдения принципов справедливости, соразмерности и гуманизма. В то же время ч. 1.1 ст. 205 УК РФ предлагается признать утратившей силу как не отвечающую обозначенным доктринальным ориентиром и оптимальной модели уголовно-правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Представляется важным соблюдать баланс между размером меры наказания и уровнем общественной опасности совершаемых действий. Например, деятельность, включающая обучение и подготовку к осуществлению террористической деятельности, обладает разной степенью опасности и реального вреда, и очевидно, что уголовные санкции должны учитывать эти различия. Поэтому научно обоснованные рекомендации и экспертные оценки играют важную роль. Практика применения правовых норм должна быть в гармонии с доктринальными основами права, обеспечивая их полноту, последовательность и соответствие установленным принципам. Они позволяют определить более точные границы ответственности, адаптировать санкции к конкретным обстоятельствам и степеням вины. Внедрение таких подходов способствует созданию системы, которая не только эффективно борется с террористической угрозой, но и уважает принципы справедливости

и права человека. Такая согласованность позволяет избежать фрагментарного и казуистического применения норм, обеспечивая внутреннюю логическую связанность правовой системы, единообразие подходов и предсказуемость правоприменения. Одновременно это препятствует произвольному расширительному или ограничительному толкованию, не подкрепленному теоретически и подрывающему доверие к уголовному закону. Особая важность такой гармонии проявляется в сфере обеспечения принципов законности, справедливости, вины и в равной мере – гуманизма в уголовном праве. Теория формулирует содержание этих принципов и пределы их ограничения, а практика через конкретные дела демонстрирует, насколько они реально соблюдаются при назначении наказания, квалификации деяния, оценке доказательств и выборе меры уголовно-правового воздействия. Если практика расходится с доктриной, формально сохраняя ссылку на закон, это приводит к размыванию принципов, появлению разнотолков, росту правовой неопределенности и, в конечном счете, к снижению доверия общества к правосудию. Именно поэтому академическое и практическое правосознание должны находиться в постоянном диалоге, а уголовно-правовое правоприменение – опираться на доктринально выверенный фундамент. Это, в свою очередь, укрепит доверие граждан к правоохранительной системе, повысит легитимность мер противодействия террористической угрозе и снизит риск их злоупотреблений.

Функционирование как общества в целом, так и системы противодействия преступности в частности невозможно без консолидации усилий всех граждан, социальных институтов и государства. Взаимодействие и взаимный контроль общества и государства выступают залогом эффективности деятельности по противодействию преступности [10], в том числе в сфере противодействия преступлениям террористической направленности, совершаемым с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей. В связи с появлением различных форм индивидуальной и коллективной цифровой деятельности – кибермошенничество, виртуальные организации, электронные формы фиксации договорных или служебных взаимодействий и многое другое - появляется необходимость в создании новых нормативно-правовых актов, которые будут целенаправленно регламентировать цифровой формат отношений [11].

На основании проведенного исследования представляется обоснованным вывод о целесообразности имплементации сформулированных положений в сферу правотворческой деятельности и практики правоприменения, что, в свою очередь, должно способствовать повышению результативности мер по противодействию преступлениям террористической направленности, совершаемым с использованием электронных либо информационно-телекоммуникационных сетей.

Список литературы:

1. Доклад Управления ООН по наркотикам и преступности «Использование Интернета в террористических целях» от 2013 г., г. Вена. [Электронный ресурс] - URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Use_of_Internet_for_Terrorist_Purposes/Use_of_the_internet_for_terrorist_purposes_Russian.pdf (дата обращения: 24.08.2025).

2. Буткевич, С.А. Превенция экстремизма и терроризма и деятельность массмедиа: проблемы синтеза и перспективы коллаборации // Ученые записки Крымского федер. ун-та им. В.И. Вернадского. Юрид. науки. - 2018. - № 3. - С. 115-123. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preventsiya-ekstremizma-i-terrorizma-i-deyatelnost-massmedia-problemy-sinteza-i-perspektivy-kollaboratsii>.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

4. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержд. Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400.

5. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержд. Указом Президента Российской Федерации от 28.12.2024 г. № 1124.

6. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы, утвержд. Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

8. Коровин, Е.П. Уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных ст.ст. 205¹-205⁵ УК РФ: Метод. рекомендации. - Ставрополь: СФ КрУ МВД России, 2015. - С. 42-43.

9. Игнатов, А.Н., Сапунов, А.Г. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: совершенствование законодательной регламентации // Общество и право. - 2018. - № 2 (64). - С. 41. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-sodeystvie-terroristicheskoy-deyatelnosti-sovershenstvovanie-zakonodatelnoy-reglamentatsii>.

10. Иванцов, С.В. Научная школа как субъект формирования криминологической политики / С.В. Иванцов, А.Н. Игнатов // Всерос. криминологич. ж-л. - 2024. - Т. 18. - № 4. - С. 333-340. - DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(4).333-340. - EDN DYPSAJ.

11. Аламова, С.М. Право в эпоху цифровизации: проблемы трансформации / С.М. Аламова, И.Л. Аламов // Наука, образование: современные цифровые технологии формирования экосреды инновационного развития региона в условиях системных преобразований: Материалы Национ. науч.-практ. конф.: В 2-х ч. - Казань, 02 дек. 2022 г. / Под ред. А.Н. Грязнова, А.М. Найда. - Ч. 1. - Казань: ИЦ Университета управления «ТИСБИ», 2022. - С. 40-43. - EDN APHALB.

§ 5.4. О праве человека на живое общение

Салиева Р.Н.

Запомнилось последнее выступление Александра Борисовича на Международной научно-практической конференции в декабре 2023 г., где он говорил о том, что задачей системы образования в эпоху цифровизации, в эпоху «великой перезагрузки», «великого обнуления» должно стать воспитание Человека-творца в противовес человеку-винтику техногенной цивилизации. Позже Александр Борисович предложил совместно написать статью о праве человека на живое общение с другими людьми, а не на общение с роботом, чат-ботом (искусственным интеллектом); к горькому сожалению, не получилось...

Эту статью воспринимаем как дань Человеку, понимавшему, что это такое - «роскошь человеческого общения».

Живем в условиях комфорта, обеспеченного небывалой в рамках обозримого прошлого автоматизацией множества процессов, способной высвободить труд человека, сократить рабочие места и привести к вожаделенной цели - сэкономить ресурсы.

Средой обитания наших современников в большей степени становится не живая прекрасная природа, а техника, технологии, умные вещи. Чат-боты с легкостью заменяют тех работников, в обязанности которых входит ведение диалога с клиентами в медучреждениях, банках и др. Эмоциональные реакции на аутсорсинг функции человеческого общения искусственному интеллекту вызывает спектр чувств - от эйфории и положительно-нейтральных до недоверия, непринятия, раздражения.

Разберемся, что такое чат-бот с технической, психологической, философской и правовой точек зрения.

В техническом аспекте чат-бот - это компьютерная программа, созданная для взаимодействия с человеком в автоматическом режиме и выполнения однообразных задач, реагирует как разумное существо при общении через текст или голос, понимает один или несколько человеческих языков с помощью обработки естественного языка (NLP) [1]. Они незаменимы в сфере образования, в медицине, при поиске информации, в бизнесе и электронной торговле, так как они надежны в коммуникации, просты в разработке и дизайне, снижают затраты на обслуживание клиентов и способны одновременно взаимодействовать со множеством пользователей и т.д. К недостаткам автор относит то, что чат-ботам не хватает эмпатии и понимания контекста, и они не способны улавливать подтекст разговора.

Для большего понимания сущности чат-ботов разберем их самую простую и понятную классификацию по 3-м основаниям, данную начинающим специалистом в области IT-технологий: 1) по способу общения; 2) по области применения и 3) по уровню искусственного интеллекта [2].

По способу общения чат-боты делят на сценарные, текстовые и голосовые. Сценарные боты взаимодействуют с пользователем только при помощи кнопок; текстовые боты анализируют тексты, и их ответы на заданные вопросы выстраиваются в соответствии с полученной от пользователя информацией; голосовые боты способны распознавать человеческую речь и выявлять в ней ключевые слова. Голос последних генерируется с помощью использования нейросетевых моделей, при этом создается иллюзия живого общения и зачастую невозможно понять, что диалог ведется не с реальным человеком, а с роботом.

По области применения чат-боты делят на используемые в мессенджерах (Телеграмме, Viber, WhatsApp), на сайтах, по телефону, в приложениях (например, Алиса от Яндекса), в отдельных устройствах (колонки или другая техника для использования голосового помощника). Голосовой чат-бот, используемый по телефону, отвечает на звонки клиентов, при этом способен проанализировать вопрос клиентов и дать на него ответ, в противном случае осуществляется переключение на реального сотрудника. Кроме того, чат-боты могут не только принимать звонки, но и сами их инициировать, например, приглашая клиентов на очередную диспансеризацию.

По уровню искусственного интеллекта чат-боты делят на 2 группы: 1) основанные на правилах и шаблонах (Rule-based), они могут отвечать на определенные вопросы, выбирают ответ на основе фиксированного набора правил, их функциональность ограничена; 2) основанные на алгоритмах машинного обучения и способные обучаться от данных (Machine Learning), поэтому могут более свободно взаимодействовать с пользователем и предоставлять более точные ответы [3].

Таким образом, чат-боты, особенно голосовые, выполняя за человека рутинную монотонную работу, отвечают на вопросы голосом живого человека, и собеседник не всегда понимает, что с ним разговаривает робот. Существует мнение, что «чат-боты автоматизируют работу, которая традиционно кодируется как женская (например, работу персональных помощников или секретарей)», а также о том, что «важны детальное изучение существующих платформ для чат-ботов и их сравнение, степень изобретательности и функциональности современных чат-ботов. Некоторые этические вопросы, связанные с чат ботами, такие как злоупотребления и обман, также заслуживают изучения, поскольку иногда люди считают, что общаются с реальными людьми, а не с ботами» [3].

Невозможно подвергнуть сомнению тезис о том, что внедрение чат-ботов (искусственного интеллекта) в среду общения меняет структуру человеческих взаимоотношений, поэтому психологическая и этическая сторона такого явления нуждается в оценке со стороны профессионалов. Появляются исследования и публикации, связанные с психоанализом последствий внедрения искусственного интеллекта в социальную сферу, они помогают

осмыслить воздействие такого внедрения в повседневную жизнь на психику человека [4]. По мнению автора, чат-бот - отличный инструмент по репликации информации, обобщению и переработке огромного массива данных, но при этом возникают проблемы по поводу их этической приемлемости.

Исследователи-психологи указывают на когнитивные риски, которые связаны с тем, что современные технологии, «облегчая удовлетворение потребностей, практически полностью нивелируют собственную активность субъекта» [5], препятствуют личностному росту, деформируют образ мира и повышают вероятность возникновения психических расстройств (диссоциация, деперсонализация и др.). Кроме того, снижение социальной активности и прямого межличностного взаимодействия может способствовать чувству изоляции и одиночества.

Авторы замечают в реальной жизни «изменение характера и динамики коммуникативных процессов», в частности, «ограничение глубины эмоционального обмена между людьми», в также то, что «у людей уменьшается способность к выражению эмпатии, так как отсутствие невербальных сигналов, таких как интонация голоса, мимика и жесты, затрудняет восприятие эмоций собеседника» [5].

Философы в монографии, вышедшей в рамках научного проекта «Человек и новый технологический уклад. Антропологический форсайт», также отмечают разрушительные последствия технологического прогресса из-за того, что техника поставлена в пограничную позицию как проводник между человеком и миром и оказывает сильнейшее влияние на замыкание человека в себе самом [6]. Отмечается, что, «действительно, технологии и технические устройства в целом повышают степень свободы человека, избавляя его от обязанности совершения многочисленных рутинных действий», но, с другой стороны, «в результате мы имеем не высвобождение времени на самообразование, коммуникации и креативные практики, а уплотнение времени, рост интенсивности деятельности в единицу времени и, соответственно, увеличение стрессовых нагрузок на психику и человеческий организм в целом» [6]. В конечном счете, как отмечают авторы, бизнес, получив быструю рыночную прибыль (в нашем случае, сократив рабочие места), может потерпеть крах, разрушив социальную среду (сообщество вменяемых потребителей), приняв установку на деперсонализацию человека.

Таким образом, психологи и философы выражают экзистенциальную тревогу в связи с тем, что технологии, в частности, через коммуникационное вмешательство, изолируют человека от мира и мир от человека, возводя между ними непроницаемую границу; при этом человек теряет опыт персональности и навык свободной ответственности, становится замкнутым биологически, социально, технически, онтологически и, соответственно, нежизнеспособным.

Может ли право стать мощным инструментом защиты прав человека в условиях технологического прорыва [7]? Рассмотрим правовую основу ис-

пользования чат-ботов для опосредования отношений между человеком и техникой (технологией), разработан ли механизм правового регулирования общественных отношений, связанных с аутсорсингом чат-ботам определенных функций.

Начнем с того, то отсутствует однозначное легитимное понимание содержания терминов «искусственный интеллект», «робот», «умный робот», «робототехника», «интеллектуальный агент», и это приводит к терминологическим проблемам при формировании механизма правового регулирования [8]. В указанной Концепции предлагается по возможности избегать внедрения в законодательство Российской Федерации единого для всех отраслей нормативного определения указанных терминов (чтобы не тормозить развитие технологий). Силами экспертного сообщества и профильных технических комитетов при Федеральном агентстве по техническому регулированию и метрологии необходимо определить предметную область и «там, где это необходимо для целей определения предмета регулирования конкретных нормативных правовых актов, предлагается использовать определения, содержащиеся в документах по стандартизации, либо давать определения, актуальные конкретно для этой сферы регулирования».

Например, в документах Федеральной налоговой службы установлено, что индивидуальное информирование налогоплательщиков осуществляется с помощью виртуального помощника (чат-бота) [9].

В письме Министерства здравоохранения РФ содержатся скрипты голосового помощника «Вызов врача на дом», «Вызвать врача при наличии признаков ОРВИ или COVID», «Вызвать врача на дом по другой причине», «Получение справочной информации» (Голосовой помощник, Чат-бот, автоматизированный прием звонка) [10].

В государственной программе Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» говорится о том, что с 1 июля 2021 г. работает информационная система «Единый контакт-центр взаимодействия с гражданами» (далее - единый контакт-центр) для консультаций граждан по единому телефонному номеру и через чат-бот [11]. Определение понятия «чат-бот» отсутствует, скрипты не прописаны.

В Стандарте оказания услуги по социально-психологической реабилитации и абилитации инвалидов упоминаются чат-боты психологической поддержки, разъяснения отсутствуют [12].

В Стандарте организации деятельности органов службы занятости населения в субъектах Российской Федерации установлено, что при взаимодействии с гражданами и работодателями в секторах цифровых сервисов привлекаются цифровые консультанты из расчета не менее одного специалиста на три автоматизированных рабочих места для граждан или работодателей [13]. При этом цифровой консультант не является чат-ботом, так как в п. 59 указано, что также допускается использование чат-ботов.

В Методических рекомендациях по вовлечению граждан, их объединений и иных лиц в решение вопросов развития городской среды чат-бот назван виртуальным собеседником и определен как разветвленный алгоритм вопросов и ответов с помощью текста или голоса, с целью выяснения потребностей и информирования пользователей о проекте развития территории [14].

Таким образом, в разных сферах деятельности общества используются чат-боты, но их правовой режим и порядок их применения не прописаны в нормативных документах. Чат-боты также известны как умные боты, интерактивные агенты, цифровые помощники или искусственные разговорные сущности. Более того, рекомендовано избегать жесткого императивного регулирования отношений в рассматриваемой сфере.

При этом в Концепции есть подсказка о том, что нужно делать: расширять применение инструментов сорегулирования и саморегулирования, а также формировать в сфере развития технологий искусственного интеллекта кодексы (своды) этических правил [8].

Современные философы согласны с тем, что этическое регулирование применения новейших цифровых технологий соответствует «общемировой тенденции этизации», а также с тем, что «этизация» – это сугубо положительный феномен, если в мире все чаще прибегают к этическому регулированию «узких» мест и конфликтогенных зон» [15]. Авторы справедливо отмечают, что механизм оценки этического воздействия использования искусственного интеллекта должен быть нацелен на оценку психологических последствий для людей с точки зрения этики, социологии, психологии [16].

Национальный кодекс этики искусственного интеллекта был разработан совместно Аналитическим центром при Правительстве РФ, Министерством экономического развития РФ и Альянсом в сфере искусственного интеллекта, при участии представителей государства и научного сообщества, принят в 2021 г. и подписан крупными российскими организациями (Сбербанк, Яндекс, МТС, Mail.ru и др.) [17]. В частности, в Кодексе уделено внимание вопросам идентификации искусственного интеллекта в общении с человеком: рекомендуется «осуществлять добросовестное информирование пользователей об их взаимодействии с системой искусственного интеллекта» и обеспечивать возможность прекратить такое взаимодействие по желанию пользователя.

Предварительный национальный стандарт (ПНСТ) «Искусственный интеллект. Обзор этических и общественных аспектов» является документом национальной системы стандартизации и утвержден Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии на срок не более чем три года [18]. Это временный национальный стандарт, который в течение трех лет будет опробован, и в нем справедливо подчеркнуто, что решение этических и общественных аспектов не успевает за быстрым развитием искусственного интел-

лекта [19]. К рискам нежелательных этических и общественных последствий и вреда, возникающим из-за того, что системы искусственного интеллекта имитируют человеческие возможности, даже если они безупречны с технической точки зрения, в стандарте, в частности, отнесены психологический вред и вред физическому здоровью или безопасности человека. Приведены некоторые примеры потенциального воздействия на права человека: человеческое достоинство и автономию; на свободу мнения, выражения и доступа к информации (например, использование фильтрации или синтеза цифрового контента с помощью искусственного интеллекта); на образование и желаемую работу (например, использование искусственного интеллекта при найме на работу или предоставлении доступа к образованию и обучению).

В приложении В рассматриваемого предварительного национального стандарта представлен обзор примеров использования искусственного интеллекта. Для исследуемых нами общественных отношений подходит пример использования разговорного искусственного интеллекта и чат-бота. Этические и общественные проблемы в этом случае связаны с тем, что человек, разговаривая с машиной и не понимая, что он разговаривает с системой искусственного интеллекта, может прийти в замешательство и разочароваться, а также у него может возникнуть ощущение, что его обманули или ввели в заблуждение. В конечном итоге, это не способствует психическому здоровью человека, его уверенности, а также межличностному и общественному доверию [19].

Справедливо отмечено, что ключевым моментом в обеспечении этичности чат-бота является прозрачность, то есть, когда человек взаимодействует с чат-ботом, он должен знать, что разговаривает с чат-ботом, а не с живым человеком. На наш взгляд, принципиальным для социально ответственного использования чат-ботов является, кроме этого, обеспечение предоставления выбора - общаться с чат-ботом или с живым человеком, то есть гарантировать право на живое общение с человеком.

Таким образом, указанные в стандарте (ПНСТ) примеры иллюстрируют потенциальную возможность негативного воздействия технологий искусственного интеллекта (когнитивных технологий) на права человека (человеческое достоинство и автономию и др.), подтверждая вышеперечисленные доводы ученых в области психологии, философии.

Развитие технологий, создающих опасность воздействия на когнитивные процессы (нейрориски), дает повод говорить о новом поколении прав человека - о нейроправах, т.е. о правах на когнитивную неприкосновенность (целостность) перед лицом нейротехнологий и о необходимости их конституционно-правового признания и нормативного закрепления [20]. Авторы утверждают, что человеческое достоинство является основанием для формирования права на когнитивную неприкосновенность (целостность), претендующего на статус метаправа и нуждающегося в разви-

тии его правовых гарантий. В Конституции РФ в ст. 21 закреплено понятие «достоинство личности», охрана которого гарантирована государством. Эту норму можно применить, видимо, на сегодняшний день и для охраны права на когнитивную неприкосновенность (целостность) при использовании человеком современных технологий [20].

Интересны рассуждения В.В. Лапаевой о том, сможет ли право, само являющееся феноменом техногенной цивилизации, предотвратить последствия технологической дегуманизации человеческого общества [21]. Подчеркивая, что опасное технологическое развитие, которое к тому же происходит стихийно, несет в себе экзистенциальные риски, она все же подает слабую надежду на то, что «современному человеку удастся либо остановиться на пороге пост-человеческого будущего, либо суметь перейти границу между двумя эпохами, не утратив человечности».

Обратимся к судебной практике, посмотрим, появились ли конфликтные ситуации при использовании чат-ботов для общения с клиентами.

На номер телефона, зарегистрированный на имя Аксеновой Ф.И., 1937 г.р., в течение длительного периода времени (около года) поступило 118 звонков от сотрудников ПАО «Сбербанк России» по вопросу взыскания просроченной задолженности должника Кабировова [22]. Аксенова не осознавала того, что с ней взаимодействует чат-бот, а не представитель банка, и в каждом телефонном разговоре объясняла, что с Кабировым не знакома и высказывала категоричный отказ от взаимодействия. После телефонных звонков Аксенова Ф.И. испытывала стресс, моральные и нравственные страдания, обращалась к медицинским работникам за помощью. Банк пытался обосновать, что взаимодействие с роботом, а не с человеческим ресурсом, нельзя считать непосредственным взаимодействием и необходимо отнести к иным видам взаимодействия. Но суд подтвердил факт нарушения банком установленной периодичности взаимодействия с должником, так как должник при взаимодействии с чат-ботом испытывает такие же эмоции, в том числе стресс, переживания, как и от разговора с человеком.

При этом использование метода взаимодействия с применением искусственного интеллекта можно отнести к иным видам взаимодействия только при наличии письменного соглашения, заключенного между должником и кредитором и (или) лицом, действующим в его интересах [23].

Можно привести пример того, как использование чат-бота (в данном случае не голосового) может ввести в заблуждение работника, и спровоцировать возможность совершения им дисциплинарного проступка. В ООО «Шахта № 12» создан чат-бот для упрощения взаимодействия между руководством общества и работниками [24]. Работник заблаговременно в чат-боте отправил заявление о представлении на один день отпуска без сохранения заработной платы по семейным обстоятельствам. В связи с тем, что обратной связи с работниками данная система не предусматривает и за весь период работы истцу не было

отказано в предоставлении однодневного отпуска без сохранения заработной платы, он посчитал, что его заявление удовлетворено. Суд рассудил по-другому. Так как на шахте приказом введен в действие «Порядок электронного кадрового документооборота», а истец с приказом ознакомлен, заявление о предоставлении отпуска без сохранения заработной платы работник должен был подать в бумажной форме в соответствии с указанным документом. Но заявление не было подано в бумажной форме, а только в чат-боте, и действия работника были квалифицированы как совершение дисциплинарного проступка (прогула).

Таким образом, приведенные судебные примеры подтверждают положения стандарта, о котором мы говорили выше: для обеспечения этичности чат-бота необходимо обеспечить прозрачность взаимодействия его с человеком, и человек должен знать, что разговаривает с чат-ботом, а не с живым человеком. Кроме того, необходимо предоставить выбор - общаться с чат-ботом или с живым человеком.

Подводя итоги данного исследования, можно сделать следующие выводы. Чат-бот - это компьютерная программа, созданная для общения с человеком в автоматическом режиме и выполнения рутинной работы через текст или голос. Психологи и философы в один голос заявляют, что взаимодействие человека с роботом создает когнитивные риски, бросает обществу нейровывозы. При этом правовой режим и порядок применения чат-ботов не прописаны в нормативно-правовых актах. В предварительном национальном стандарте приведены примеры потенциального воздействия общения с чат-ботами на права человека, в частности, на достоинство человека. Отмечается, что человек должен знать, что разговаривает с машиной, и ему должен быть предоставлен выбор - взаимодействовать с машиной или с человеком, должно быть гарантировано право на живое общение. Опасность воздействия на когнитивные процессы дает повод говорить о новом поколении прав человека - о нейроправах, о правах на когнитивную неприкосновенность (целостность), а также о необходимости их конституционного признания и нормативно-правового закрепления.

Список литературы:

1. Савельева, Е.А. Основы организации труда в цифровых экосистемах: Учебное пос. / Е.А. Савельева. - М.: ИНФРА-М, 2023. - 297 с.
2. Горлова, В.В. Классификация и методы создания чат-бот приложений // Актуальные научные исслед.: Сб. ст. XVII Междунар. науч.-практ. конф. - Пенза: Изд. «Наука и Просвещение», 2024. - С. 50-52.
3. Песков, И.А. Обзор технологии чат-ботов // Университетская наука. - 2025. - № 1 (19). - С. 221-226.
4. Сединин, Я.А. Перверсия цифрового мира: этика ChatGPT в контексте психоанализа и социальной философии // Векторы благополучия: эко-

номика и социум. - 2023. - № 4 (51). - С. 73-86.

5. Копылова, Е.А., Кузьмина, Н.А. Влияние инновационных технологий и искусственного интеллекта на сознание людей: Сб. ст. Конференции PR и реклама: традиции и инновации, связи с общественностью: смыслы и технологии. - Красноярск, 24 апр. 2024 г. - С. 297-301.

6. Аванесов, С.С. Концептуальные координаты «цифровой» антропологии / С.С. Аванесов, Е.И. Спешилова // Человек и новый технологич. уклад. Антропологический форсайт. - Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2023. - С. 74-83.

7. Солдатова, А.В. Права человека в условиях развития когнитивных технологий / А.В. Солдатова, О.В. Яковлев // Общество, государство, личность: применение научных знаний и технологий в решении социально-экономических задач региона / Материалы XXIII Национ. науч.-практ. конф. студ., магистр., аспирантов и молодых ученых: В 3-х ч. - Ч. 3 / Под ред. А.М. Найда. - Казань: ИЦ Университета управления «ТИСБИ», 2023. - С. 366-369.

8. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 19 авг. 2020 г. № 2129-р. - www.pravo.gov.ru.

9. Приказ Федеральной налоговой службы от 13 июля 2020 г. № ЕД-7-19/440@ «О вводе в промышленную эксплуатацию прикладного программного обеспечения АИС «Налог-3», реализующего сервис интеллектуального виртуального помощника налогоплательщика (чат-бот) (технологический процесс 103.09.01.00.0100 «Индивидуальное информирование налогоплательщиков с помощью виртуального помощника (чат-бот)»)» // Текст Приказа опубликован не был.

10. Письмо Министерства здравоохранения РФ от 14 янв. 2022 г. № 30-4/И/1-336 // Текст Письма опубликован не был.

11. Постановление Правительства РФ от 15 апр. 2014 г. № 296 «Об утверждении Государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан». - www.pravo.gov.ru.

12. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 23 мая 2025 г. № 322н «Об утверждении Стандарта оказания услуги по социально-психологической реабилитации и абилитации инвалидов». - www.pravo.gov.ru.

13. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 16 марта 2023 г. № 156 «Об утверждении Стандарта организации деятельности органов службы занятости населения в субъектах Российской Федерации» // Текст Приказа опубликован не был.

14. Приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 30 дек. 2020 г. № 913/пр «Об утверждении Методических рекомендаций по вовлечению граждан, их объединений и иных лиц в решение вопросов развития городской среды» // Текст Приказа опубликован не был.

15. Смирнов, С.А. Пределы этики для искусственного интеллекта / С.А. Смирнов // Человек и новый технологический уклад. Антропологический форсайт». - Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ». - 2023. - С. 318-330.

16. Клишин, А.А. Правовые вопросы кибербезопасности, рисков и этики при использовании искусственного интеллекта / А.А. Клишин, К.К. Таран. - Право и экономика. - 2024. - № 10.

17. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (от 26 окт. 2021 г.). [Электронный ресурс]. - URL: <https://internet.garant.ru>.

18. ПНСТ 840-2023 (ISO/IEC TR 24368:2022) Искусственный интеллект. Обзор этических и общественных аспектов, утв. Росстандартом от 16 ноября 2023 г. № 60-пнст. Введен в действие 01.01.2024 г. - М.: Российский инст. стандартизации, 2023.

19. Настоящий стандарт модифицирован по отношению к международному документу ISO/IEC TR 24368:2022 «Information technology - Artificial intelligence - Overview of ethical and societal concerns».

20. Кравец, И.А. Когнитивная свобода, формирование нейроправ человека и взаимодействие нейробиологии и публичного права (теоретич., правовые и сравнит. аспекты) / И.А. Кравец, Г.Б. Романовский // Вестник Томского гос. ун-та. - 2024. - № 509. - С. 236-249.

21. Лапаева, В.В. Право техногенной цивилизации перед вызовами технологической дегуманизации // Право. Ж-л Высшей школы экономики. - 2021. - № 3. - С. 4-35.

22. Решение Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 30 янв. 2023 г. по делу № А81-13521/2022 // СПС «Гарант».

23. Решение Арбитражного суда Республики Мордовия от 25 ноября 2022 г. по делу № А39-7872/2022 // СПС «Гарант».

24. Решение № 2-203/20252-203/2025(2-2309/2024;)-М-1740/20242-2309/2024М-1740/2024 от 26 янв. 2025 г. по делу № 2-203/2025 / Киселевский городской суд (Кемеровская обл.). - <https://sudact.ru/regular/doc>.

ЧАСТЬ III. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Глава 6. Уголовно-правовые аспекты защиты прав человека

§ 6.1. Правовое регулирование защиты интересов граждан в сфере хозяйственной активности: уголовно-правовые аспекты

Талан М.В.

Основной закон Российской Федерации в ст. 34 гарантирует каждому гражданину возможность свободного применения своих способностей и материальных ресурсов для ведения предпринимательской деятельности и иной экономической активности, не противоречащей правовым нормам. Государство взяло на себя обязательства по обеспечению надежной защиты основных прав и свобод личности. Система уголовно-правового регулирования выступает важнейшим инструментом государственной политики в области охраны фундаментальных прав человека и гражданина.

Раздел 22 Уголовного кодекса Российской Федерации «Правонарушения в области хозяйственной деятельности» воплощает именно такую направленность современной уголовно-правовой стратегии. С момента вступления в силу действующего Уголовного кодекса данный раздел претерпел многочисленные корректировки, а составы правонарушений, включенные в него, стали объектом активных научных дискуссий.

Научное сообщество уделяет значительное внимание исследованию правонарушений в хозяйственной сфере. Защищены диссертационные исследования докторского уровня по проблематике преступлений экономической направленности. Каждый состав правонарушения, систематизированный в данном разделе, стал предметом нескольких кандидатских диссертаций. Особенный интерес исследователей вызывают налоговые правонарушения и процессы легализации доходов, полученных противоправным путем.

Вместе с тем, некоторые категории правонарушений практически не встречаются в правоприменительной деятельности, например, оформление незаконных операций с земельными участками, нарушения при выпуске ценных бумаг, коррупция в профессиональном спорте и коммерческих конкурсах. Бланкетная структура диспозиций уголовно-правовых норм создает их тесную взаимосвязь с изменениями в гражданском, налоговом, таможенном законодательстве, что нередко осложняет деятельность правоприменителей. Решения Пленума Верховного Суда РФ, принятые в последние годы, частично активизировали следственно-судебную практику по данной категории дел, однако не смогли разрешить все существующие проблемы.

Концептуальные основы правонарушений в сфере экономической деятельности

Предлагаемое исследование не ставит задачу всестороннего охвата всех аспектов правонарушений в хозяйственной сфере, а представляет попытку анализа ключевых элементов составов данных правонарушений с учетом изменений в уголовном, гражданском, налоговом, таможенном законодательстве и правоприменительной практике.

Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ) представляют собой специфическую группу общественно опасных деяний. Их сущность заключается в нарушении нормального функционирования экономических отношений, возникающих в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ. В отличие от классических имущественных преступлений (кража, мошенничество и т.д.), посягающих на конкретное вещное право, хозяйственные преступления наносят ущерб самой системе общественных отношений, обеспечивающих экономический суверенитет, стабильность оборота и добросовестную конкуренцию.

Ключевой доктринальной характеристикой этих норм является их ярко выраженный гарантирующий и инструментальный характер. Они призваны гарантировать реализацию конституционных прав граждан на экономическую активность, защиту собственности, свободу конкуренции. Одновременно они служат инструментом проведения государственной экономической политики, что предопределяет их высокую динамичность и зависимость от текущих социально-экономических задач. С данной точки зрения, большинство составов этой главы относятся к категории *malum prohibitum* - деяний, преступных в силу прямого законодательного запрета, а не в силу внутренней порочности (*malum in se*).

Важным является разграничение экономических и имущественных преступлений. Если последние посягают на отношения индивидуальной собственности «извне», то экономические преступления совершаются «изнутри» хозяйственной системы ее же участниками (субъектами предпринимательской деятельности, финансистами, управленцами). Субъект здесь, как правило, глубоко интегрирован в экономические связи, а вред причиняется не столько конкретному имуществу, сколько интересам государства, конкурентоспособности рынка, правам потребителей или кредиторов.

Исторический и сравнительно-правовой анализ

К началу XXI века многие государства пришли с достаточно стабильной системой законодательства о правонарушениях экономической направленности. Это облегчает для них решение проблем, связанных с появлением в хозяйственной сфере новых общественно опасных явлений – коррупции и организованной преступности.

Иной путь прошло уголовное законодательство России, которое на протяжении почти семидесяти лет развивалось в условиях плановой, а не рыночной экономики и обеспечивало достижение задач командно-административного регулирования экономических отношений. Поэтому опыт зарубежных стран должен использоваться в России с учетом особенностей экономического развития нашего государства.

Формирование современной системы уголовно-правовых норм об экономических преступлениях в России происходило в условиях кардинального перехода от планово-административной к рыночной экономике. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. был ориентирован на защиту социалистической собственности и плановой дисциплины, а не на регулирование рыночных отношений. Поэтому создание раздела о преступлениях в сфере экономики в УК РФ 1996 г. стало во многом революционным шагом.

Опыт зарубежных стран с устоявшимися рыночными экономиками (США, Германия, Великобритания) безусловно важен для анализа. Однако прямое заимствование («правовая трансплантация») их норм без учета национальной правовой традиции, особенностей экономического уклада и менталитета контрпродуктивно. Российский законодатель стоит перед сложной задачей синтеза: необходимо интегрировать лучшие международные практики противодействия, например, легализации преступных доходов или манипулированию рынком, с адаптацией этих институтов к отечественной правовой реальности, сохранив системность и внутреннюю логику Уголовного кодекса.

Перспективы развития уголовного законодательства

Концепция усовершенствования уголовно-правового регулирования в сфере хозяйственной деятельности предполагает наличие долгосрочных и краткосрочных горизонтов реализации. Ее воплощение напрямую коррелирует с эволюцией экономических отношений в стране. Такая концептуальная рамка ориентирована на адаптацию норм к динамике рыночных процессов, включая модернизацию положений Уголовного кодекса РФ. Долгосрочная перспектива фокусируется на системных реформах, обеспечивающих устойчивость экономической политики, в то время как краткосрочные меры направлены на оперативное устранение пробелов в законодательстве. Это позволяет гармонизировать уголовную ответственность с текущими вызовами предпринимательской среды.

Краткосрочная концепция может быть рассчитана на несколько лет (при недостижении стабильности - несколько десятилетий). В этот период уголовное законодательство должно обеспечивать решение задач, связанных с переходом от плановой к рыночной экономике. Возможно сохранение уголовной ответственности за некоторые общественно опасные деяния, характерные для прошлого периода (например, как в ряде стран СНГ).

Введение новых составов преступлений в Уголовный кодекс

Российской Федерации не всегда сопровождается повышением активности правоприменительной практики. Количество предусмотренных законом экономических правонарушений часто не соответствует реальному объему зарегистрированных экономических преступлений, что указывает на диспропорцию между нормативной базой и ее реализацией. Эта несоответствие обусловлено не только частыми изменениями в законодательстве, но и недостаточной изученностью эффективности уголовных норм на всех стадиях их жизненного цикла. В результате криминализация новых форм экономических посягательств не приводит к пропорциональному росту выявляемости и осуждений, требуя комплексного анализа правоприменительных механизмов.

Долгосрочная перспектива развития предусматривает надежное закрепление рыночных экономических отношений в России. Несмотря на видимую отдаленность достижения этой цели, она представляет собой вполне достижимую реальность для отечественной экономики. Законодательная власть обязана заблаговременно подготовиться к такому сценарию, располагая комплексной системой уголовно-правовых норм в сфере хозяйственной деятельности. Кроме того, требуется разработка прогнозов эволюции ключевых институтов уголовного права, адаптированных к трансформации экономической среды.

Систематизация правонарушений в сфере хозяйственной деятельности

В зависимости от объекта посягательства правонарушения в сфере хозяйственной деятельности можно сгруппировать следующим образом:

I. Правонарушения, связанные с нарушением установленного порядка осуществления предпринимательской и иной хозяйственной деятельности

В этой группе можно выделить несколько подгрупп:

1. Преступные деяния, совершаемые специальными субъектами:

- воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169 УК РФ);

- регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом (ст. 170 УК РФ);

- внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории (ст. 170.2 УК РФ);

- злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 200.4 УК РФ);

- заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (ст. 200.6 УК РФ);

2. Правонарушения, связанные с оборотом имущества, заведомо добытого или приобретенного преступным путем:

- легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества,

приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174 УК РФ);

- легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1 УК РФ);

- приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ);

3. Правонарушения, субъектами которых могут являться либо предприниматели, либо лица, занимающиеся хозяйственной деятельностью:

- незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ);

- производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством РФ (ст. 171.1 УК РФ);

- незаконные организация и проведение азартных игр (ст. 171.2 УК РФ);

- незаконная банковская деятельность (ст. 172 УК РФ);

- фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации (ст. 172.1 УК РФ);

- организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ).

II. Правонарушения, связанные с проявлением монополизма и недобросовестной конкуренции:

- ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ);

- принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ);

- незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) (ст. 180 УК РФ);

- нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм (ст. 181 УК РФ);

- незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ);

- оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ст. 184 УК РФ).

III. Таможенные правонарушения:

- незаконные экспорт из Российской Федерации или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения (ст. 189 УК РФ);

- невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей (ст. 190 УК РФ);

- уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица (ст. 194 УК РФ);

- контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200.1 УК РФ).

IV. Правонарушения в сфере финансовой деятельности

Финансовая деятельность представляет собой комплекс отношений, возникающих в ходе формирования, распределения и применения денежных ресурсов. Она охватывает управление денежными потоками на всех уровнях экономических субъектов, обеспечивая их эффективное использование в хозяйственных процессах. Работа финансовой системы осуществляется через перемещение наличных денежных средств, а также посредством безналичных платежей и расчетных операций. Данные механизмы формируют основу для поддержания ликвидности и обмена финансовыми ресурсами в экономике.

Среди этой группы правонарушений можно выделить несколько подгрупп:

1. Правонарушения в сфере обращения денег, ценных бумаг и платежных документов:

- фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета (ст. 170.1 УК РФ);

- злоупотребления при эмиссии ценных бумаг (ст. 185 УК РФ);
- злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством РФ о ценных бумагах (ст. 185.1 УК РФ);
- нарушение порядка учета прав на ценные бумаги (ст. 185.2 УК РФ);
- манипулирование рынком (ст. 185.3 УК РФ);
- изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 186 УК РФ);
- неправомерный оборот средств платежей (ст. 187 УК РФ).

2. Правонарушения в сфере обращения драгоценных металлов, природных драгоценных камней, жемчуга и валютных ценностей:

- незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга (ст. 191 УК РФ);
- нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней (ст. 192 УК РФ);
- уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте РФ (ст. 193 УК РФ);
- совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте РФ на счета нерезидентов с использованием подложных документов (ст. 193.1 УК РФ).

3. Правонарушения, связанные с банкротством:

- неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ);
- преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ);
- фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ).

4. Правонарушения, связанные с уклонением от уплаты налогов и

(или) сборов:

- уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица (ст. 198 УК РФ);

- уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации (ст. 199 УК РФ);

- неисполнение обязанностей налогового агента (ст. 199.1 УК РФ);

- сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя (ст. 199.2 УК РФ).

5. Правонарушения в сфере кредитных отношений:

- незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ);

- злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ).

Классификация правонарушений в сфере хозяйственной деятельности вызывает активные научные дискуссии, а в условиях реформирования российского уголовного законодательства возрастает значимость научных подходов к выработке единого теоретического фундамента. Уголовно-правовая защита интересов граждан в экономической сфере представляет собой сложный, динамичный и крайне важный элемент правовой системы современной России. Существующий массив норм главы 22 УК РФ, безусловно, выполняет свою охранительную функцию, однако нуждается в качественной, глубоко продуманной модернизации. Ключевым вектором такой модернизации должен стать переход от реактивного, «догоняющего» метода правового регулирования к проактивной, научно обоснованной политике. Уголовный закон в экономике должен быть не только карающим мечом, но и мудрым стражем, четко различающим злонамеренное преступление и добросовестный предпринимательский риск. Достижение этой цели возможно лишь на основе консолидированных усилий законодателя, правоприменителей и научного сообщества, направленных на построение сбалансированной, предсказуемой и эффективной системы уголовно-правовых гарантий экономических прав граждан.

Особенно важно учитывать при этом факторы, которые связаны с трансформацией экономики, влиянием международного права и ростом глобальных угроз, таких как финансовые кризисы и международная коррупция. Только на этой основе возможна выработка сбалансированной уголовно-правовой политики, которая гарантирует защиту прав граждан и интересов государства в хозяйственной сфере.

Текущее положение уголовно-правового регулирования в сфере экономической деятельности требует дальнейшего развития и оптимизации. Это обусловлено быстрыми трансформациями экономических отношений и необходимостью надежной охраны конституционных прав граждан на свободное осуществление предпринимательской деятельности. Несистемные изменения в нормах главы 22 УК РФ приводят к коллизиям и

снижают эффективность правоприменения, что тормозит экономический рост. Совершенствование законодательства предполагает баланс между криминализацией угроз и декриминализацией добросовестной деятельности для стимулирования бизнеса.

§ 6.2. Современные концепты защиты прав медицинских работников: уголовно-правовой аспект

Малышева Ю.Ю.

Современные концепты защиты прав человека в различных аспектах широко освещены в трудах известных российских ученых-правоведов - доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой конституционного и международного права УВО «Университет управления «ТИСБИ» Мезяева Александра Борисовича и Заслуженного деятеля науки Республики Татарстан, почетного работника сферы высшего образования Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора, профессора кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, профессора кафедры теории и истории государства и права УВО «Университет управления «ТИСБИ» Степаненко Равии Фаритовны. В продолжение научных трудов и в память о наших дорогих коллегах представляем концепт защиты прав медицинских работников в уголовно-правовом аспекте.

Концепт уголовно-правовой охраны прав медицинских работников является необходимым в современных реалиях, учитывая сложность медицинской профессии, число и частоту преступных посягательств на докторов, фельдшеров и медицинских сестер в России.

Представляется необходимым для общего обозначения преступлений, совершаемых в отношении медицинских работников, ввести категорию «катаатрические преступления» (от латинской приставки «ката» - «против» или «противодействие» и греческого слова «ятрос» - «врач», что в буквальном переводе на русский язык означает «преступления против врачей»).

Катаатрические преступления – это общественно опасные деяния, посягающие на права и свободы медицинских работников, ставящие под угрозу медицинскую деятельность в целом, а также качество оказания медицинской помощи.

Катаатрические преступления в условиях российской действительности XXI века стали набирать обороты, учитывая активную цифровизацию нашего общества, предоставляя средства видеофиксации подобных явлений.

В России, где регулярно происходят инциденты, связанные с нападением на сотрудников скорой медицинской помощи, врачей

и фельдшеров поликлиник и больниц, совершается множество катаятрических преступлений. К примеру, за первое полугодие 2025 г. в отношении врачей было совершено более 1000 катаятрических преступлений, и, как следствие, в России назрела острая необходимость уголовно-правовой охраны медицинских работников, образовалась катастрофическая нехватка врачей в больницах и поликлиниках (особенно в российских «глубинках»), поскольку многие, в том числе и опытные доктора, вынуждены уходить из профессии либо из государственной медицины в частную практику [1, с. 104].

Катаятрические преступления недопустимы, поскольку они посягают на жизнь и здоровье не только врачей, но и пациентов, создавая препятствия врачам оказывать медицинскую помощь [2, с. 14], поэтому неотложными действиями сегодня считаем четкое и своевременное обеспечение вектора уголовной политики [3, с. 18], направленного на противодействие катаятрическим преступлениям [4, с. 195].

Состояние качества медицинской помощи в нашей стране, с одной стороны, вызывает гордость, а с другой - тревогу, в связи с тем, что престиж профессии врача в последние годы начинает резко падать по разным причинам [5, с. 106], о чем неоднократно подчеркивал в своих выступлениях Президент России В.В. Путин.

Медицина - особо деликатная сфера. Предназначение медицины заключается в лечении больного, улучшении состояния здоровья пациента, предоставлении своевременной и качественной медицинской помощи [6, с. 72], а задача законодателя состоит в том, чтобы обращение законодателя к понятию и формулировкам катаятрических преступлений было бы весьма своевременным [7, с. 101].

В отношении докторов уголовные дела решаются неоднозначно. Например, дело Элины Сушкевич, продолжающееся с 2019-го по 2025 гг. Суд признал виновной врача калининградского роддома № 4 Елену Белую и назначил ей 9 лет 6 месяцев колонии общего режима по делу об убийстве новорожденного, сообщает корреспондент РБК из зала суда. Также ей было назначено ограничение свободы на срок 1 год и 6 месяцев с момента освобождения из колонии. Белая лишена права заниматься врачебной деятельностью на 3 года. Врач-анестезиолог-реаниматолог областного перинатального центра Элина Сушкевич также была признана виновной по этому делу. Суд приговорил ее к 9 годам лишения свободы в колонии общего режима с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев с момента освобождения. Ее также лишили права заниматься врачебной деятельностью на 3 года. Судья постановил зачесть время содержания Белой и Сушкевич под стражей из расчета 1 день за 1,5 дня лишения свободы и под домашним арестом из расчета 2 дня за 1 день лишения свободы. Также суд в полном объеме удовлетворил гражданский иск потерпевшей по делу Ахмедовой в виде компенсации по 1 млн. руб. с каждого из врачей. Помимо этого, Сушкевич и

Белая должны будут выплатить по 247 тыс. руб. в счет федерального бюджета за процессуальные издержки. Широкий общественный резонанс вызывает тот факт, что врачи давали клятву Гипократа, и им не свойственно совершать умышленные преступления против личности, а любому человеку как раз свойственно ошибаться [8, с. 198].

Одной из неоднозначных на сегодняшний день статей, относящихся к медицинским работникам, нам видится ст. 238 УК РФ, которая относится к «ятрогенным преступлениям», когда ошибка в действии (бездействии) медицинского работника приводит к необратимым преступным последствиям. В принципе, ошибочное поведение врача не должно приводить к преступлению, поэтому употребление термина «ятрогенные преступления», на наш взгляд, представляется необоснованным [9, с. 63].

В декабре 2024 г. Федеральным законом от № 514-ФЗ ст. 238 УК РФ была дополнена примечанием о том, что в данную статью [10, с. 143] не входят случаи оказания докторами медицинской помощи [11, с. 94].

Поправка в ст. 238 УК РФ никоим образом не затронула краеугольную проблему следствия по ятрогенным преступлениям - столкновение короткого срока давности (2 года) по ст. 109 УК РФ с длительным сроком проведения комиссионной судебной экспертизы (около года и дольше) и, что не менее важно, коротким сроком предварительного следствия по ст. 109 УК РФ, продление которого свыше 12 месяцев возможно только на федеральном уровне в Москве и грозит дисциплинарными санкциями не только следователю, но и руководителю следственного отдела, так как для преступления небольшой тяжести год следствия - это слишком длительный срок. Приостановить следствие на период проведения комиссионной экспертизы невозможно, так как это не предусмотрено УПК РФ и в период приостановленного следствия никакие следственные действия, в том числе судебные экспертизы, проводиться не могут. Кроме того, общий обвинительный уклон следствия в пользу потерпевших, который существует в любой правовой системе и практически в каждой стране, также остается и в отношении врачей, в связи с чем следствие зачастую оказывается в безвыходном положении, еле-еле уложившись в срок с одной комиссионной экспертизой и уже не имея реальной возможности назначить дополнительную или повторную экспертизу. В конечном итоге, остается только читать заключение экспертов так, чтобы проследить в нем состав преступления, а значит, необходимую прямую причинно-следственную связь. По статистическим данным за 2023 г. доля оправдательных приговоров в нашей стране составила 0,25%. Если дело уже поступило в суд, то такой исход, как оправдание, крайне маловероятен. Вместе с тем, возможности защиты остановить локомотив уголовного судопроизводства на досудебной стадии резко сокращаются, так как следствие не слышит никаких аргументов защиты. Если ранее все-таки существовал прочный консенсус правоприменительной практики, согласно которому связь в делах такого рода должна

быть такой прямой, что прямее некуда, то сейчас мы все чаще встречаемся с процессуальным решением о предъявлении обвинения и передаче дела в суд на тех основаниях, что экспертами установлены дефекты (что бывает почти всегда) и они, по мнению экспертов, могли повлиять на исход уголовного дела [12, с. 198].

В период бурного обсуждения проблемы, как избежать уголовной ответственности врачей по ст. 238 УК РФ, писали, что основополагающий принцип существования человеческого общества «работает - не трогай» нарушать ни в коем случае нельзя. По ст. 238 УК РФ фактически до суда доходили считанные единицы уголовных дел, тогда как подавляющее их большинство прекращалось после нескольких медицинских экспертиз.

При этом, по умышленным статьям по тяжким преступлениям сроки следствия можно вполне законно затягивать. Не считая ст. 124 УК РФ, которая применялась весьма редко, ст. 238 УУК РФ использовалась гораздо реже любой другой статьи УК, но сама возможность применения статьи со сроком давности 10 лет сохраняла некоторый баланс следственной и судебной практики. Теперь же этот баланс утрачен. На данный момент мы уже видим, как уголовная практика по ятрогенным делам стремительно врывается в ситуацию, когда право на защиту «отменяется» истекающим сроком следствия, а центральное доказательство обвинения - заключение комиссионной экспертизы - приобретает традиционно несвойственную ему «гибкость», акцент оценки состава преступления смещается с причинной связи на действие или бездействие врача, а неустранимые сомнения и предположения толкуются в пользу обвинения. Мы рассуждаем не о незаконном уголовном преследовании, а о том, как работает закон на практике, с учетом объективно существующих условий, в которых он применяется. И неизвестно в данном случае, чем отличается обвинительный приговор, в котором есть слово «услуга», от обвинительного приговора, в котором его употребляется категория «помощи».

Уточняем, что с момента применения ст. 238 УК РФ к докторам применялось следующее. Изначально те общественно опасные последствия, которые возникали в результате оказания платных медицинских услуг, квалифицировались по ст. 238 УК РФ. При этом медицинская помощь, предоставленная в рамках системы ОМС, при наличии тех же последствий влекла за собой ответственность по другим статьям УК РФ. Однако со временем это негласное правило перестало соблюдаться, и правоприменительная практика стала идти по пути квалификации случаев оказания медицинских услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья пациента в рамках ОМС, также по ст. 238 УК РФ [13, с.198].

Статья 238 УК РФ при применении ее к медицинским работникам противоречит обобщенной судебной практике [14, с. 416]. Поэтому на новом этапе правового регулирования как раз и было добавлено необходимое примечание к ст. 238 УК РФ. Мы, тем не менее, понимаем, что в будущем

могут возникнуть множественные нюансы правоприменения, требующие дополнительных разъяснений и регулирования. Так, ст. 238 УК имеет более продолжительный срок давности совершения преступления, который составляет шесть лет. Все остальные ятрогенные преступления относятся к числу преступлений небольшой тяжести, кроме ч. 2 ст. 235 УК РФ, срок давности по которым составляет два года. Поскольку расследование ятрогенных преступлений занимает значительное время с учетом проведения судебно-медицинских экспертиз [15, с. 210], то следствие и суд могут не уложиться в отведенные два года. Поэтому, скорее всего, надо ждать ужесточения по имеющимся «ятрогенным статьям».

Рассматривая новую редакцию ст. 238 УК, с точностью предположить, как будет складываться правоприменительная практика, пока довольно сложно.

Первый случай, когда вышестоящий суд не согласился с тем, что после поправки в ст. 238 УК РФ она больше не может применяться в отношении медицинских работников ни за что, никогда и ни при каких обстоятельствах. В данном апелляционном определении Ставропольский краевой суд недвусмысленно намекает, что вообще-то может: «В частности, в данном случае подлежали исследованию и оценке доказательства, необходимые для решения вопроса о квалификации действий, то есть для решения вопроса о том, была ли оказана потерпевшей медицинская помощь, то есть действия, направленные на сохранение жизни и здоровья, либо имело место оказание медицинской услуги, не обязательной для охраны здоровья, оказываемой медицинскими специалистами на коммерческой основе, но использующими при этом медицинские познания и навыки. В данном случае, прокурор, изменив обвинение на ч. 2 ст. 118 УК, признал факт оказания медицинской помощи, с чем не согласилась потерпевшая сторона, настаивая на том, что имело место оказание медицинской услуги, поскольку потерпевшая проблем со здоровьем не имела и обратилась в клинику лишь для коррективки некоторых особенностей внешности (блефаропластика век), не связанных с состоянием здоровья. Таким образом, суд первой инстанции, принимая обжалуемое решение без исследования представленных по уголовному делу доказательств, не установил обоснованность заявленного государственным обвинителем изменения обвинения, не мотивировал принятое решение ссылками на исследованные доказательства. При таких обстоятельствах постановление Пятигорского городского суда от 19.05.2025 г. нельзя признать законным и обоснованным, в связи с чем оно подлежит отмене, а уголовное дело - передаче на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе. Собственно, как мы и предполагали, судебная практика только начинается. Судебная практика устроена так, что бывает достаточно буквально двух-трех примерно одинаковых решений, чтобы все остальные суды стали решать аналогичные дела точно так же. А иногда бывает достаточно и одного судебного прецедента

[16, с. 8].

Согласно Основному закону страны, каждый имеет право на труд в безопасных условиях. Тем не менее, современная действительность такова, что на практике совершается масса катаятрических преступлений.

Приведем следующие примеры. Врачу-хирургу из Казани нанесли ножевое ранение в живот за задержку, по мнению родственников пациента, в оказании медицинской помощи (неотложная операция). В Тольятти в 2024 г. карета скорой помощи приехала на вызов, но как только бригада (а в ней были девушки) оказалась в квартире, пациент запер дверь. Он был вооружен и, угрожая пистолетом, продержал девушек несколько часов за дверью. Они выслушивали оскорбления, нецензурную лексику. По счастью, все завершилось благополучно. После освобождения работников скорой помощи о данном (возможно) уголовном деле все благополучно забыли. Стоит задуматься о статистике Министерства здравоохранения по нападениям на кареты скорой помощи - более 1500 раз за период 2020-2024 гг.

Приведенный пример и другие материалы судебно-следственной практики ярко характеризуют то, что правоприменители испытывают большие затруднения при привлечении к уголовной ответственности и квалификации сложной комбинации действий или бездействия пациентов, причинивших вред здоровью или смерть медицинскому работнику.

В публикациях на тему катаятрических преступлений отмечается значительный рост агрессии по отношению к медицинским работникам как со стороны больных или их родственников, так и со стороны любых других лиц, в частности, автовладельцев из-за парковки или проезда скорой помощи. Является весьма примечательным тот факт, что 12 сентября 2025 г., по указанию А. Бастрыкина, на водителя, не пропустившего карету скорой медицинской помощи в пригороде Казани, заведено уголовное дело, то есть не оставлен без внимания инцидент, получивший широкий резонанс в социальных сетях Республики Татарстан.

Все чаще врачи обращаются с просьбой об усилении мер безопасности в медицинских учреждениях, о разработке мер защиты врачей от агрессивных пациентов.

Учитывая все вышеизложенные факты и обстоятельства, важно сформулировать и предложить определенный концепт защиты прав медицинских работников [17, с. 173].

Предлагаем дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации главой 20 УК РФ под названием «Катаятрические преступления», где в ст. 157 УК РФ следует обозначить понятие «катаятрического преступления», то есть преступления, посягающего на права и свободы врача.

- Ст. 157 УК РФ «Посягательство на жизнь врача».
- Ст. 157 УК РФ «Применение насилия в отношении врача».
- Ст. 157 УК РФ «Оскорбление врача».

- Ст. 157 УК РФ «Дезорганизация деятельности учреждений, оказывающих медицинскую помощь и предоставляющих медицинские услуги».

- Ст. 157 УК РФ «Воспрепятствование деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи и медицинских услуг».

Таким образом, современным концептом защиты прав медицинских работников будет выступать комплексная уголовно-правовая охрана медицинских работников в виде новой главы 20 Уголовного кодекса РФ под названием «Катаятрические преступления» с формулированием конкретных составов катаятрических преступлений в целях придания особого отношения к врачам, заслуживающим всеобщего уважения, почитания и поддержки.

Список литературы:

1. Аду, Я.Н. Политические потрясения в ЭКОВАС: преобладание политики над правом / Я.Н. Аду, А.Б. Мезяев // Ученые записки Института Африки РАН. - 2024. - № 2 (67). - С. 102-117. - DOI: 10.31132/2412-5717-2024-67-2-102-117. - EDN YSLLFI.

2. Галюкова, М.И. Правовая архитектура биобезопасности и биоэтические права человека / М.И. Галюкова. - М.: ИД «Юрлитинформ», 2025. - 144 с. - ISBN 978-5-605-31770-8. - EDN NYQLKJ.

3. Галюкова, М.И. Право на защиту генома человека как основа биобезопасности государства / М.И. Галюкова // Актуальные проблемы защиты прав и свобод личности: теория, история, практика: Материалы XXI заочной Всерос. науч.-практ. конф. - Воронеж, 11 апр. 2023 г. / Под ред. И.В. Потаниной. - Воронеж: Воронежский филиал Российской академии народного хозяйства и гос. службы при Президенте РФ, 2023. - С. 17-22. - EDN FHPR0M.

4. Малышева, Ю.Ю. О границах уголовной ответственности врача-психиатра: актуальные рассуждения / Ю.Ю. Малышева // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сб. науч. ст. по результатам работы Всерос. науч.-практ. конф. - С.-Петербург., 01 ноября 2024 г. - СПб.: Астерион, 2025. - С. 193-196. - EDN HAYYY5.

5. Малышева, Ю.Ю. Мошеннические проявления фейков и дипфейков: проблемы противодействия / Ю.Ю. Малышева // Российско-азиатский правовой ж-л. - 2025. - № 1. - С. 105-109. - DOI: 10.14258/ralj(2025)1.16. - EDN DUZCHT.

6. Малышева, Ю.Ю. О перспективах уголовно-правовой охраны медицинских работников в России / Ю.Ю. Малышева // Марийский юрид. вестник. - 2024. - № 3-4 (44). - С. 70-73. - EDN MUOAWJ.

7. Малышева, Ю.Ю. Соотношение «вины» пациента и врачебной ошибки в уголовно-правовом аспекте / Ю.Ю. Малышева // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сб. ст. по материалам X Междунар. науч.-практ. конф. - С.-Петербург., 27 окт. 2023 г. - СПб.: Астерион, 2023. - С. 100-105.

- EDN BAKGES.

8. Малышева, Ю.Ю. Врачебные ошибки и «вина» пациента под призмой цифровых технологий // Цифровые технологии и право: Сб. науч. трудов II Междунар. науч.-практ. конф.: В 6-ти т. - Казань, 22 сент. 2023 г. - Казань: Изд. «Познание», 2023. - С. 197-202. - EDN JHAMAS.

9. Малышева, Ю.Ю. Уголовно-правовые риски оказания психиатрической помощи в России / Ю.Ю. Малышева // Казанские уголовно-процес. и криминалистич. чтения: Материалы II Междунар. науч.-практ. конф. - Казань, 03 марта 2023 г. - Казань: Редакц.-изд. центр «Школа», 2023. - С. 62-67. - EDN KRYJKK.

10. Малышева, Ю.Ю. Уголовно-правовые и криминологические аспекты служебного подлога в медицинской деятельности / Ю.Ю. Малышева // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. - 2023. - Т. 1. - № 2 (104). - С. 142-149. - DOI: 10.51965/2076-7919_2023_1_2_142. - EDN OFNFEW.

11. Малышева, Ю.Ю. Уголовно-правовые аспекты врачебных ошибок в соотношении с «виной» пациента / Ю.Ю. Малышева, В.К. Малышев // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. - 2023. - Т. 2. - № 4 (106). - С. 90-99. - DOI: 10.51965/2076-7919_2023_2_4_90. - EDN FDQHYK.

12. Малышева, Ю.Ю. Преступления, совершаемые путем обмана, по Уголовному кодексу России: понятие и виды / Ю.Ю. Малышева // Вестник «ТИСБИ». - 2012. - № 1. - С. 197-204. - EDN RFXBNP.

13. Медицинское уголовное право / А.И. Рарог, Т.Г. Понятовская, А.А. Бимбинов, В.Н. Воронин. - М.: ООО «Проспект», 2025. - 576 с. - ISBN 978-5-392-43412-1. - EDN ATFIOO.

14. Незападное миротворчество как фактор многополярного мира: контуры исследовательской программы / Я.Н. Аду, С.А. Бокерия, Д.А. Дегтерев [и др.] // Вестник Российского ун-та дружбы народов. - Серия: Междунар. отношения. - 2023. - Т. 23. - № 3. - С. 415-434. - DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-415-434. - EDN EYISPO.

15. Правовое противодействие фейковизации информационного пространства / Е.Н. Абрамова, Е.С. Аничкин, А.И. Байков [и др.]. - Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2025. - 454 с. - ISBN 978-5-7904-2903-3. - EDN VUJRCK.

16. Степаненко, Р.Ф. Социально ответственное поведение как фактор устойчивости и стабильности современных государственно-правовых систем / Р.Ф. Степаненко // Государство и право. - 2025. - № 6. - С. 7-17. - DOI: 10.31857/S1026945225060014. - EDN WBMEKG.

17. Степаненко, Р.Ф. Философия права и современное юридическое образование / Р.Ф. Степаненко // Государство и право. - 2023. - № 2. - С. 172-176. - DOI: 10.31857/S102694520024346-1. - EDN OIVLEH.

§ 6.3. Киберпреступность: девиантологическая интерпретация, объяснительная модель, проблемы и меры социального контроля в цифровом мире

Комлев Ю.Ю.

В любом обществе во все времена люди совершали, совершают и будут совершать поступки, не соответствующие общепринятым социальным нормам – формальным (правовым) и неформальным (мораль, обычаи, традиции). На протяжении всей истории человечества лицам, «отклоняющимся» от социальных норм (девиантам), институты государства и общества пытаются противодействовать, осуществляя формальный и/или неформальный социальный контроль. Эта область социальной реальности является объектом активных научных исследований в рамках девиантологии – социологии преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». Девиантологическая проблематика всегда была не только в фокусе общественного внимания, но и занимала умы выдающихся социологов, психологов и правоведов. Среди них: А. Кетле, Г. Тард, Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Т. Парсонс, М. Фуко, З. Фрейд, Э. Фромм, Ч. Беккариа, П. Сорокин, В. Кудрявцев, Я. Гилинский.

Мир настоящего – мир постмодерна заявил о себе новым технологическим укладом. Цифровые технологии, включая смартфоны, компьютеры и иные интеллектуальные устройства, кардинально изменили повседневные практики и стиль жизни людей в условиях повышенных рисков, социальной турбулентности и неопределенности, характерных для постмодернистского общества. Эти инновации радикально трансформируют социальные взаимодействия, ускоряя коммуникации и создавая новые формы экономической активности. Цифровая трансформация в последние годы приобретает особую специфику, проявляющуюся как в позитивных аспектах - росте производительности и появлении новых рынков, так и в негативных - увеличении уязвимостей, утечках данных и социальной напряженности. Эта двойственность отражает фундаментальные социальные сдвиги, требующие баланса между технологическим прогрессом и управлением рисками. Наряду с невиданными прежде технологическими инновациями «цифровой мир» со своими «инструментами» открывает не только новые возможности для человека, общества и государства, но и порождает в постсовременном мире различные проявления кибердевиантности, прежде всего, киберпреступность. Отсюда неизбежно растет необходимость в развитии новых практик социального контроля над кибердевиациями, обусловленных использованием Интернета, искусственного интеллекта, видеофиксации, цифровых услуг и цифровой грамотностью людей.

Цифровизация социального контроля – путь, порождающий нравственно-правовую проблему выбора: либо больше мер безопасности и

тотального слежения за индивидом и меньше приватности, либо больше прав и свобод человека, но меньше его защищенность от кибер- и иных преступных посягательств. Как свидетельствуют отечественные исследователи, для эпохи высокотехнологичного постмодерна весьма характерна «глобализация экономических, финансовых, технологических, транспортных потоков, что сопровождается радикальными изменениями в структуре преступности. Если во второй половине XX века криминологи писали о геттоизации преступности (создании преступных этнических или территориальных анклавов), то в настоящее время при сохранении прежнего тренда «работают» и новые тенденции: происходит глобализация преступности (повсеместная торговля, в том числе через Интернет, наркотиками, людьми, оружием, человеческими органами; организация актов террора и сетей проституции; распространение кибермошенничества). Процессы глобализации порождают массовую миграцию, а, следовательно, «конфликты культур» и миграционную преступность, «преступления ненависти» (hate crimes), этнический терроризм [1, с. 10-16].

На связь технологий и социальных сдвигов пристальное внимание обращали как классики социологии - О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон, так и социологи второй половины XX века. Под влиянием достижений научно-технической революции технологический детерминизм как теоретико-методологический подход нашел яркое отражение в работах Т. Веблена, У. Ростоу, Д. Бэлла, А. Тоффлера, У. Огборна, Л. Мамфорда, Ж. Эллюля, Е. Масуды, Т. Стоуньера, М. Кастельса.

Изобретение и совершенствование компьютеров, их сетевое использование породили мировую «глобальную паутину» - Интернет. В итоге в начале XXI века с развитием Интернета и систем цифровой связи, с моей точки зрения, сложились новые, детерминированные уже цифровыми технологиями, фундаментальные измерения социума постмодерна. Это его всеобщая цифровизация и сетевизация [2, с. 17-26].

Цифровизация характеризуется стремительным распространением цифровых технологий и инструментов во всех областях общественной и личной деятельности, включая экономику, государственное управление, транспорт и логистику, образование, СМИ, здравоохранение и сферу безопасности. В результате цифровизации претерпевает изменения: социальная структура общества, проявляющаяся в «цифровой стратификации» - неравенстве доступа к цифровым сервисам и различиях в уровне цифровых навыков среди населения. Развитие онлайн-занятости, дистанционного высшего образования, цифрового банкинга, Интернет-торговли и виртуальных поликлиник существенно повлияло на функционирование всех социальных институтов, профессиональную деятельность и быт обычных граждан.

С 2002 г. наблюдаются бурное развитие онлайн-платформ в сети «Интернет», миниатюризация планшетов и смартфонов, объединяющих воз-

возможности компьютеров с мобильной связью. IT-сфера и цифровые технологии продолжают интенсивно эволюционировать в настоящее время. Это привело к стремительному увеличению популярности социальных сетей и медиа в целом, где лидируют платформы Facebook, YouTube, Rutube, WhatsApp, Twitter, Instagram, TikTok, Одноклассники и ВКонтакте. Доступность смартфонов обеспечила массовое участие людей всех возрастов в онлайн-активностях. Такая вовлеченность спровоцировала сетевизацию социума, хотя социальные сети как структуры человеческих взаимодействий существовали во всех обществах задолго до цифровой эпохи.

В настоящее время количество пользователей цифровых социальных сетей достигло критической массы по объему и разнообразию, что позволяет электронным коммуникациям охватывать практически все социальные группы и слои глобального общества. Сетевизация общества спровоцировала создание и бурное расширение онлайн-сообществ, где пользователи автономно управляют своими связями через добавление или удаление контактов, формируя динамичные социальные структуры. Пользователи платформ самостоятельно генерируют веб-ссылки, отбирают и распространяют контент, обеспечивая интенсивное общение между людьми из разных регионов, объединенными общими интересами, профессиональными задачами или хобби. Социальные сети предоставляют удобные инструменты для продвижения проектов, поиска партнеров и аудитории, способствуя бизнес-развитию и популяризации идей, а также создавая условия для самореализации, самообразования и обмена актуальной информацией. В итоге платформы стимулируют индивидуализацию пользователей через конструирование личной автономии, самоорганизацию, самопрезентацию и реализацию потенциала в виртуальном пространстве.

Последствия цифровой сетевизации предрекал еще М. Кастельс на исходе миллениума. Он указывал на то, что сети составят новую социальную морфологию социума XXI века. В сетевом обществе (network society) «ключевые социальные структуры» и деятельность его членов будут «организованы вокруг сетей электронных коммуникаций» [3].

Цифровизация и сетевизация являются взаимодополняющими процессами: цифровизация создала технологическую базу для сетевого уклада общества, а сетевизация, в свою очередь, ускоряет и расширяет цифровую трансформацию. Это двунаправленное влияние способствует формированию нового качества социального взаимодействия в цифровом пространстве. Современные онлайн-платформы охватывают практически все сферы социальной и экономической деятельности: от личного общения до бизнеса, маркетинга, образования, развлечений и социально-политической дискуссии. Такой широкий спектр активности способствует формированию интегрированных цифровых сообществ. Социальное онлайн-пространство развивается экспоненциально, становясь, по мнению исследователя Карен Моссбергер, «социально-технологической совокупностью», которая

формирует новый тип публичной сферы и обеспечивает цифровое гражданство - участие пользователей в общественной жизни через цифровые технологии. Это меняет традиционные представления о социальной активности и гражданской вовлеченности [4]. Таким образом, в первые десятилетия XXI века в ходе четвертой технологической революции Интернет, цифровые технологии в области передачи и обработки данных, online-платформы привели к глобальной цифровизации и сетевизации общества эпохи постмодерна.

Как свидетельствует контент-анализ научных публикаций, многие зарубежные и отечественные исследователи (К. Хейворд, Ш. Браун, Г. Страттон, М. Яр, Г. Барак, Д. Лаптон, Н. Селвин, Я. Гилинский, В. Овчинский, В. Номоконов Ю. Комлев и др.) критически оценивают эффекты и проблемы глобальной цифровизации и сетевизации социума постмодерна. Они обращают внимание на дуализм цифровых перемен и считают, что постсовременное общество лучше понимать интегративно как «сплетение человечности, материальности и дигитальности». Теоретики девиантологии, анализируя последствия цифровой трансформации нередко пользуются концепциями «заботы» и «страха», по терминологии Д. Лаптон. В рамках первой из них цифровизация исключает рутинный бумажный документооборот, минимизирует издержки, повышает производительность труда и прибыль. Цифровые технологии снижают роль ошибок, связанных с «человеческим фактором», повышают качество прогнозов и управленческих решений. Так, за счет цифровизации и сетевизации социума реализуются повсеместно фактически неограниченные возможности для разнообразного обслуживания, общения, работы «цифровых граждан». Цифровизация действительно радикально повышает качество жизни миллионов граждан, обеспечивая беспрецедентный доступ к услугам через увеличение их объема, оперативности и доступности. Это проявляется в развитии госуслуг, телемедицины, онлайн-образования и цифровой торговли, что особенно актуально в условиях пространственной удаленности регионов России. Однако такая «забота» о пользователях требует правового регулирования для защиты персональных данных по Федеральному закону № 152-ФЗ, поскольку без должных гарантий массовая цифровизация рискует превратиться в инструмент скрытого контроля. Вовлеченность в цифровой мир способствует эффективному удовлетворению растущих потребностей населения, формированию цифровых компетенций и новым формам самореализации через платформы вроде «Госуслуги» или VK. С точки зрения юриспруденции это усиливает реализацию конституционно-го права на свободу экономической деятельности (ст. 8 Конституции РФ) и образование (ст. 43), но одновременно порождает цифровую стратификацию - неравенство между «цифровыми аборигенами» и пожилыми гражданами, что требует антидискриминационных мер в соответствии с Конвенцией МОТ № 111. Цифровой мир превосходит аналоговую эпоху в обеспечении свободы выражения мнений и доступа к информации (ст. 29 Конституции

РФ), а идея М. Кастельса о «высвобождении духа свободы» из традиционных медиа находит подтверждение в глобализации сетевых сообществ. Тем не менее, с позиций российского уголовного права (ст.ст. 280, 282 УК РФ) это высвобождение несет риски экстремистского контента и дезинформации, что видно по делам о блокировках в Роскомнадзоре. Баланс интересов достигается через Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации», но практика показывает необходимость усиления ответственности платформ за модерацию без ущерба для свободы слова [5].

В контексте концепции «страха» цифровизация и сетевизация способствуют формированию и усилению социального неравенства в цифровом пространстве, порождая новые формы социальной маргинализации и исключения. Эти процессы отражают существующие в обществе экономические и социальные диспропорции, переносимые в цифровую сферу. Цифровой мир создает условия для массовой кибердевиантности, включая рост киберпреступности и кибервиктимизации, что представляет значительную угрозу безопасности и социальной стабильности. В цифровой экономике происходит компрессия рынка труда, когда многие традиционные профессии становятся излишними вследствие цифровой автоматизации - это касается водителей, продавцов, клерков и других занятых рутинной работой. Лица, потерявшие работу, могут проявлять девиантное поведение, адаптируясь к новым условиям, включая ретретизм - своего рода «бегство от действительности», описанное Р. Мертоном.

Сетевые ресурсы и медиа, увы, обслуживают в первую очередь материальные интересы корпоративных собственников, а не обычных пользователей. Отсюда неумемное, патологическое стремление цифровых корпораций – гигантов IT-индустрии (Google, YouTube, Samsung Electronics, Apple, Amazon, Facebook, Sony, Яндекс и др.) к извлечению прибыли, наживы в рамках цифровой экономики, что нередко сопряжено с нарушением и даже разрушением социальных и правовых норм сомнительным контентом. Перевод конфиденциальной и личной информации в цифровую форму создает невиданную ранее зависимость человека от того, кем, как и где хранятся, используются его личные данные. Значительное времяпровождение пользователей в Интернете и на цифровых платформах приводит к формированию сетевой аддикции и цифрового эскапизма как форм бегства от реальности. Эти явления усугубляют социальную изоляцию и когнитивные искажения, особенно среди молодежи. Пользователи бездумно оставляют цифровые следы, становясь мишенями для манипуляций, кибербуллинга и других форм цифровой виктимизации. Массовое вовлечение в цифровизацию провоцирует эпидемию кибервиктимизации через социальную инженерию. Кибермошенники дистанционно применяют психологические манипуляции и приемы социальной инженерии, инсценируя драмы для вызова страха или сильных эмоций у жертв, управляя, по И. Гофману, процессом впечатлений

для достижения преступных целей.

Особое внимание исследователи обращают в рамках концепции «страха» на цифровую девиантизацию социума. Наряду с киберпреступностью среди новых проявлений кибердевиантности социальные угрозы создают такие ее формы, как: сетевая зависимость с утратой навыков реального общения; бегство от действительности в мир виртуальных симуляций (искейперство); киберлудомания (игровая зависимость); кибербуллинг (травля в Интернете, социальных сетях, мессенджерах), кибергруминг (виртуальные сексуальные домогательства и насилие над несовершеннолетними); компьютерная педофилия; Интернет-торговля наркотиками; пропаганда ненависти и распространение экстремистских идей, фишинг, вовлечение подростков и простаков в террористическую деятельность или в финансирование неприятеля на фронтах СВО. Палитра кибердевиантности постоянно расширяется. Однако одним из самых тревожных проявлений кибердевиантности выступает массовая киберпреступность.

С позиций девиантологии киберпреступность представляет собой совокупность проявлений негативной кибердевиантности, выражающихся в нарушении уголовно-правовых запретов с применением компьютеров, смартфонов и цифровых технологий, направленных против пользователей Интернета, социальных сетей и телефонных сетей. Такая девиантность отличается от традиционных форм преступности использованием цифровой инфраструктуры как средства совершения правонарушений, что создает трансграничный характер угроз и затрудняет правоприменение в соответствии с главой 28 УК РФ. Определение подчеркивает объект посягательства - пользователей сетей, что требует дифференциации от иных составов преступлений и совершенствования норм о кибербезопасности для обеспечения неотвратимости наказания. Этот малоизученный феномен цифрового мира отличается от традиционной преступности широким использованием инновационных криминальных практик, цифровых инструментов в сочетании с другими приемами. Объяснительная модель киберпреступности может быть построена в первом приближении, исходя из положений стрейн-теории (теории аномии) Р. Мертон.

Мертон анализировал природу девиантности в социоструктурном и социокультурном контекстах. Под влиянием взглядов Э. Дюркгейма он пришел к убеждению в середине XX века, что некоторые социальные структуры способствуют девиантному поведению. Мертон считал, что аномия, заставляющая обычных людей адаптироваться к ней в условиях капиталистического общества, – это результат «особого структурного разлада культуры», постоянный фактор напряжения в социальной системе. Мертон обратил внимание на примере культуры американского общества, что все его члены от высших до низших слоев сориентированы на достижение цели материального успеха. Все институты социализации и культуры (семья,

школа, масс-медиа) превозносят символы богатства и формируют установку личности на культ денег и материальную состоятельность, но социальная структура жестко ограничивает или полностью устраняет для большей части населения доступ к социально одобряемым законным средствам достижения материального успеха. Такая ситуация воспроизводит постоянное напряжение в обществе, поскольку фрустрированные индивиды не в состоянии получить желаемое законным путем. Анализируя способы преодоления аномической фрустрации, он предложил 5 типов адаптивного поведения личности (конформизм, инноваторство, ритуализм, ретретизм и ребелизм). Мертон обратил внимание на во многом корыстный характер особенно инновационного преступного поведения.

Аномическое напряжение сохраняется в высокотехнологичном мире постмодерна. Многие люди стремятся к материальному успеху, не останавливаясь перед выбором незаконных средств достижения этой цели.

Для объяснения феномена киберпреступности вполне подходит мертоновский концепт «инноваторство», суть которого состоит в достижении девиантом социально одобряемого материального успеха, но с помощью новых нелегитимных практик технологически эффективного совершения преступлений в условиях тотальной цифровизации и сетевизации социума. В киберпространстве «промышлять» стало архивыгодно и более безопасно, поскольку в цифровом мире не всегда действует такой классический принцип уголовного права, как неотвратимость наказания. Теория напряжения, с моей точки зрения, вполне объясняет массовое распространение корыстной киберпреступности, что в итоге привело к изменению формы современной преступности в целом, изменило ее структуру, но сохранило суть, содержание.

Киберпреступность существенно повлияла на структуру современной преступности в целом. Как пишет Я.И. Гилинский, произошла «переструктуризация» преступности, когда преступления в цифровом мире теснят «обычную», «уличную преступность» (street crime)» [6, с. 182-190]. Этот процесс девиантологии метафорично описали как «сохранение старого вина в новых бутылках».

Метаморфозы преступности хорошо иллюстрирует официальная статистика. Данные МВД России фиксируют незначительное снижение общего количества зарегистрированных преступлений, что проявляется в ежегодном уменьшении доли правонарушений в общественных местах, против личности, а также уличных разбоев, квартирных и автомобильных краж. Это свидетельствует о трансформации криминальной активности от традиционных форм к цифровым, где молодежь, ранее вовлеченная в насильственные преступления, мигрирует в онлайн-пространство смартфонов и социальных сетей. Такая динамика отражает эффект цифровизации на социальное поведение, снижая физическую уличную преступность за счет виртуальной активности. Стабильное снижение насильственных преступлений, особенно

среди молодежи, объясняется замещением традиционных форм девиантности цифровыми практиками общения и развлечений. Переход в Интернет-среду снижает вероятность межличностных конфликтов в реальном пространстве, но одновременно создает предпосылки для роста кибердевиантности, включая мошенничество и онлайн-буллинг. Статистика подчеркивает эффект «сетевой изоляции», когда виртуальные взаимодействия замещают уличную социализацию, что коррелирует с глобальными трендами цифровизации. Цифровая занятость подростков и молодежи позволяет им симулировать акты насилия в виртуальном мире цифровых игр, проводить серфинг-досуг в Интернете, находить иные способы самовыражения и самореализации, в том числе и в форме девиаций. Согласно данным МВД России, продолжает наблюдаться существенный рост регистрируемой киберпреступности. В 2022 г. каждая четвертая совершенная преступная акция была связана с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ), а в 2023 г. эта доля увеличилась до каждой третьей. В 2024 г. около 40% всех киберпреступлений составили преступления в форме мошенничества, что выделяет данное направление как наиболее массовое и социально опасное среди ИКТ-преступлений [7]. Риски киберугроз включают не только мошенничество, но также и DDoS-атаки, вирусы-шифровальщики, трояны и вирусы-вымогатели. Современные киберпреступники активно используют искусственный интеллект на различных этапах подготовки и реализации атак, что существенно усложняет борьбу с ними. Преступники применяют специализированные инструменты, такие как чат-бот GhostGPT, для автоматизации создания мошеннических текстов, что вызывает обеспокоенность у экспертов по кибербезопасности и правоохранительных органов. «Прогресс» в киберпреступности продолжается. Общий ущерб от киберпреступности для российской экономики в 2023-2024 гг. был оценен экспертами Сбера в 1 трлн. руб. Из выступления министра внутренних дел по Республике Татарстан Д. Сатретдинова в Государственном Совете в феврале 2025 г. следует, что доля зарегистрированных киберпреступлений выросла в 2024 г. с 48% до 57%, при этом ущерб татарстанцам составил 5,7 млрд. руб. Несмотря на активные меры полиции, Татарстан занимает 2-е место по выявлению IT-преступников в России, уступая лишь Москве, Санкт-Петербургу, Ленинградской области и Краснодарскому краю. Регионы с высоким уровнем цифровизации и сетечентричности, а также с обеспеченным населением привлекают не только квалифицированных работников, но и киберпреступников [8].

Тенденция к быстрому росту уровня киберпреступности, вероятно, сохранится в ближайшей перспективе. Это связано с тем, что правоохранительные органы ограничены в своих возможностях обеспечить полное соблюдение принципа неотвратимости наказания в киберпространстве. Доходы от высокотехнологичных преступлений значительно превышают выручку от традиционных видов преступности, таких как кражи и разбои на

улицах, что делает их более привлекательными для преступных группировок. Эта асимметрия подвергает вызову систему обеспечения правопорядка и требует новых форм реагирования [9, с. 378-382]. Не случайно 90% всех мошеннических действий совершается сегодня в киберпространстве. Кроме того, на мой взгляд, в цифровом мире произошел переход от компьютерного хулиганства, других цифровых девиаций и преступлений, направленных против компьютеров и компьютерных систем, запущенный в начале XXI века, к массовым преступлениям против пользователей Интернета и социальных сетей, цифровых платежных систем и абонентов сотовой связи с низкой цифровой культурой. Жертвами кибермошенников все чаще становятся не только пенсионеры, но и молодые люди, подростки.

Рост киберпреступности наблюдается во всех странах с высоким уровнем цифровизации и сетевизации общества. Эта тенденция имеет универсальный характер, затрагивая развитые цифровые экономики независимо от географического положения. Такой рост порождает серьезные вызовы в области контроля за проявлениями киберпреступности, которые остаются актуальными на глобальном уровне. Россия не является исключением из этой мировой проблемы, сталкиваясь с необходимостью разработки эффективных мер противодействия в условиях трансграничного характера киберугроз.

Обзоры практик социального контроля еще на рубеже XXI века показали, что происходит сдвиг в сторону структурно-средового противодействия группам криминального риска. Т. Дамм назвал этот процесс переходом от «надзора» к «слежению», или мониторингу [10, р. 186]. Идею слежения зафиксировал также Жиль Делез, назвав мир постмодерна «обществом контроля», в котором речь больше идет не об «аресте и возвращении преступника к нормальной жизни» после совершения им преступления, а об осуществлении слежения за действиями индивидов, представляющих опасность, что позволяет принимать упреждающие меры [11].

Рост уровня киберпреступности послужил катализатором ускоренного развития цифровых методов социального контроля, несмотря на некоторое временное отставание в их внедрении. В общественных пространствах стран Европы, Соединенных Штатов Америки, Российской Федерации и, в особенности, Китайской Народной Республики осуществляется активное внедрение систем видеонаблюдения, оборудованных технологиями распознавания лиц и анализа больших данных. В Китае правоохранители, используя смарт-шлемы, в течение нескольких лет дополняют стационарные системы видеонаблюдения, что позволяет осуществлять локальный и оперативный контроль за соблюдением общественного порядка на улицах. Использование алгоритмов искусственного интеллекта и технологий обработки больших данных обеспечивает более эффективный мониторинг, прогнозирование и предотвращение правонарушений в режиме реального времени. В то же время развитие столь масштабных систем контроля

требует строгого соблюдения баланса между обеспечением общественной безопасности и защитой конституционных прав и свобод личности, включая право на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных.

Контент-анализ ряда зарубежных и отечественных работ таких авторов, как L. Khalil, В. Овчинский, Т. Шипунова, Я. Гишинский, Ю. Комлев, по организации цифрового социального контроля для противодействия киберпреступности позволяет выделить и структурировать ряд практик, тенденций и проблем в этой сфере. Наиболее существенные из них состоят в следующем:

1. Китай разработал и внедрил масштабную систему социального кредита, которая представляет собой обширную цифровую платформу, собирающую и анализирующую данные о поведении граждан и организаций для оценки их «социальной надежности». Система функционирует на основе информации, поступающей из видеонаблюдения с распознаванием лиц, социальных сетей, торговых площадок и других источников. Главная цель системы - обеспечить социальный контроль и стимулировать граждан к соблюдению морально-этических норм и государственных стандартов поведения. С помощью цифрового соцконтроля и санкций система формирует механизм поощрения или ограничения, который направлен на «правильное» поведение граждан в обществе. За два десятилетия Китай создал всеобъемлющую сеть видеонаблюдения, которая стала ключевой частью системы социального кредита. Помимо стационарных камер, используются локальные устройства, например, смарт-шлемы полицейских для оперативного контроля за правопорядком. Все данные обрабатываются с помощью алгоритмов искусственного интеллекта, что позволяет осуществлять тотальный цифровой социальный контроль. Система социального кредита рассматривается как инструмент укрепления общественного порядка и повышения прозрачности. Однако одновременно она вызывает беспокойство в области безопасности персональных данных, конфиденциальности и степени прозрачности для граждан. Этот проект стал образцом цифрового авторитаризма с масштабным вмешательством государства в повседневную жизнь своих граждан.

2. Под воздействием пандемии COVID-19 существенно расширились формы биометрического контроля, включающие применение тепловизоров и иных устройств для мониторинга температуры тела и перемещений граждан. Быстрое внедрение мобильных приложений выступило ключевым механизмом отслеживания контактов, обеспечения соблюдения карантинных ограничений, контроля социального дистанцирования, а также мониторинга симптомов заболевания и иных цифровых следов, связанных со здоровьем населения. В Российской Федерации широко применялась система обработки QR-кодов, дополненная сетью из 100 тыс. видеокамер, оснащенных искусственным интеллектом для распознавания и отслеживания лиц, помещенных в карантин. Данный подход обеспечил оперативный контроль за соблюдением

ограничений и послужил примером эффективной интеграции биометрических технологий в систему кризисного управления, однако требует строгого соответствия Федеральному закону № 152-ФЗ «О персональных данных» и ст. 23 Конституции РФ для защиты неприкосновенности частной жизни.

3. В условиях ускоренной цифровизации общественных отношений наблюдается интенсивное развитие интеллектуальных систем цифровой идентификации, обеспечивающих автоматизированную фиксацию и анализ биометрических параметров личности. Ключевыми объектами распознавания выступают отпечатки пальцев, уникальные рисунки сетчатки и радужной оболочки глаза, голосовые паттерны, а также иные физиологические и поведенческие идентификаторы, такие как динамика походки, термо- и геометрические характеристики лица. Эти технологии, интегрированные с алгоритмами машинного обучения и искусственного интеллекта, демонстрируют беспрецедентную точность распознавания (до 99,9% в контролируемых условиях), что делает их незаменимыми в сферах государственной безопасности, правоохранительной деятельности, банковского дела и электронного документооборота. Одним из наиболее масштабных примеров практической реализации подобных технологий служит индийская интегрированная биометрическая система «Аадхар» (Aadhaar), охватывающая более 1,3 млрд. граждан страны и представляющая собой крупнейшую в мире базу биометрических данных. Система функционирует на основе 12-значного уникального идентификатора, привязанного к биометрическим и демографическим характеристикам, и интегрирована с государственными сервисами через централизованную платформу UIDAI (Unique Identification Authority of India). По аналогии с китайской системой социального кредита «Аадхар» выполняет функцию цифрового социального контроля, определяя доступ к фундаментальным государственным услугам и социальным благам: участие в избирательных процессах, официальная регистрация актов гражданского состояния, уплата налогов, получение государственных пенсий, пособий по безработице, субсидий на жилье и продовольственных карточек. Отказ от биометрической верификации или наличие «негативного» статуса в системе может привести к временному ограничению доступа к этим услугам, формируя механизм поведенческих стимулов.

4. Современный этап развития систем видеонаблюдения характеризуется принципиально новым подходом к их совершенствованию, предполагающим интеграцию алгоритмических решений на базе аналитики больших данных (Big Data) и искусственного интеллекта (ИИ) в целях оперативного надзора и мониторинга девиантного поведения. Данные технологии обеспечивают автоматизированный анализ видеопотоков в реальном времени, прогнозирование потенциальных правонарушений на основе поведенческих паттернов и классификацию субъектов по степени риска, что существенно повышает эффективность превентивных мер по сравнению с традиционными методами

визуального контроля. Интеграция указанных систем в правоохранительную практику, судебное делопроизводство и управление пенитенциарными учреждениями представляет собой глобальный тренд. В Соединенных Штатах Америки широко применяется алгоритмическая система COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions), разработанная для количественной оценки рецидивистского риска осужденных. На основе анализа более 137 факторов (включая криминальную историю, социальные связи и демографические характеристики) система присваивает баллы, определяющие целесообразность назначения испытательного срока, условного осуждения или альтернативных наказаний, что способствует оптимизации судебных решений и снижению повторной преступности. Накопленный международный опыт демонстрирует разнообразие применений ИИ в юстиции. В Аргентине внедрена платформа Prometea, предназначенная для автоматизированного вынесения типовых судебных решений по малозначительным делам (например, споры о коммунальных платежах или административные правонарушения), что сокращает сроки рассмотрения дел с месяцев до часов при сохранении сопоставимой точности с человеческим фактором. В странах Европейского Союза (Германия, Эстония, Франция) искусственный интеллект используется для углубленного анализа судебной практики и правоприменительных актов, формируя прецедентные базы данных и прогнозируя исходы дел на основе машинного обучения. Наиболее радикальное разнообразие функций ИИ наблюдается в судебной системе Китайской Народной Республики, где цифровые приложения интегрированы на всех этапах судопроизводства. Помимо автоматизированной подачи электронных исковых заявлений и проверки личности через систему социального кредита, внедрены мобильные платформы для проведения электронных судебных процессов (Online Dispute Resolution), включая виртуальные слушания, анализ доказательств и формирование резолютивной части решений. Такие системы, как Xiao Zhi (Маленький Мудрец), в Верховном народном суде КНР обрабатывают миллионы дел ежегодно, обеспечивая унификацию правоприменения и минимизацию субъективных факторов. Внедрение ИИ в уголовно-правовую сферу требует тщательного правового регулирования для минимизации рисков алгоритмической дискриминации, ошибок предиктивной аналитики и нарушения принципа презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ). В Российской Федерации перспективным направлением выступает разработка национальных стандартов по аналогии с EU AI Act (2024), предусматривающих категоризацию систем ИИ по степени риска и обязательную сертификацию высокорисковых приложений в сферах юстиции и надзора. Необходимость междисциплинарного подхода обусловлена балансом между повышением эффективности правосудия и гарантиями фундаментальных прав личности, включая право на справедливый судебный процесс (ст. 6 Европейской конвенции о правах человека).

5. Для эффективного противодействия распространению кибер-

преступности государства активно совершенствуют механизмы контроля и рестрикций свободного доступа к информации в сети «Интернет». Основными техническими инструментами выступают блокировка адресов Интернет-протокола (IP), системная фильтрация доменных имен (DNS) и иные методы сегментации трафика, направленные на локализацию нежелательного контента и предотвращение его распространения. Эти меры отражают глобальную тенденцию к усилению государственного суверенитета в киберпространстве, где баланс между обеспечением общественной безопасности и защитой конституционного права на свободу информации (ст. 29 Конституции РФ) приобретает первостепенное значение. Китай накопил наиболее обширный опыт целенаправленного ограничения Интернет-доступа посредством системы цензуры, известной как «Великий файрвол» (Great Firewall), которая обеспечивает тотальный контроль за информационными потоками. Эта инфраструктура, интегрированная с алгоритмами машинного обучения, фильтрует контент в реальном времени, блокируя доступ к зарубежным ресурсам, противоречащим государственной идеологии, и минимизируя риски киберугроз. Закон о кибербезопасности КНР 2017 г. институционализировал данную практику, обязывая операторов сетевых услуг хранить персональные данные исключительно на территории страны, предоставлять их властям по запросу и проходить регулярные оценки безопасности, что существенно усилило позиции государства в регулировании цифрового пространства. Страны с высоким уровнем цифровизации, включая США, Китай, Россию, Бразилию и Турцию, усиливают давление на транснациональные технологические корпорации с целью удаления нежелательного контента и локализации данных. В Российской Федерации Федеральный закон № 90-ФЗ от 2016 г. («пакет Яровой») и последующие нормативные акты обеспечивают маршрутизацию внутреннего Интернет-трафика исключительно через пункты обмена трафиком (IXP), предварительно одобренные Роскомнадзором, что способствует созданию автономного национального сегмента сети. Аналогичные законодательные инициативы в Китае, Бразилии и Турции направлены на реализацию концепции «киберсуверенитета», предполагающей приоритет национального законодательства над глобальными стандартами Интернета и возможность полного запрета или искусственного замедления доступа к нежелательным ресурсам. Рестриктивное регулирование вынуждает зарубежные технологические платформы (Google, Meta, Twitter/X) адаптироваться к локальным правовым режимам, включая создание зеркальных серверов в юрисдикции страны-хоста и соблюдение требований по модерации контента. С точки зрения международного права такие меры коррелируют с принципом суверенитета (ст. 2 Устава ООН), однако порождают риски фрагментации глобального Интернета (splinternet) и конфликтов компетенций. В России практика Роскомнадзора по блокировке (реестр запрещенных сайтов по ФЗ № 149-ФЗ) демонстрирует эффективность в борьбе с экстремизмом и дезинформацией, но требует

совершенствования механизмов судебного контроля для минимизации коллатеральных ограничений свободы слова. Перспективы развития предполагают гармонизацию национальных подходов в рамках многосторонних соглашений, таких как Будапештская конвенция о киберпреступности (2001), с учетом баланса между кибербезопасностью и фундаментальными правами человека.

6. В современных условиях осуществляется систематический мониторинг онлайн-активности и персональных данных отдельных лиц и представителей «проблемных» социальных групп в социальных сетях, включая пропагандистов экстремизма, терроризма и вовлечения в самоубийство. Данные меры соответствуют требованиям Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статей 280, 280.1 УК РФ, предусматривающим ответственность за публичные призывы к экстремистской деятельности, однако требуют строгого соблюдения принципа соразмерности для предотвращения массовой слежки за гражданами. Технологические корпорации, такие как Google, развернули приложения для автоматизированного анализа поведения пользователей, выходящего за рамки отслеживания девиантов и затрагивающего законопослушных граждан. Эти системы нарушают конфиденциальность, сканируя электронную корреспонденцию, мессенджеры, календари, геолокацию, историю просмотров веб-страниц и личные предпочтения, что противоречит Регламенту GDPR (ЕС) и Федеральному закону № 152-ФЗ «О персональных данных» Российской Федерации, устанавливающим запрет на обработку данных без явного согласия субъекта. Примечательными примерами выступают приложения Angry Birds и Shazam, автоматически собирающие геолокационные данные и идентификаторы мобильных устройств без информированного согласия пользователей. Подобные цифровые инструменты зачастую разработаны с недостаточным уровнем защиты, не отвечая стандартам кибербезопасности (ГОСТ Р 56939-2016), что создает предпосылки для несанкционированного изъятия, обмена и использования данных в целях вымогательства (ст. 163 УК РФ), шантажа и кибербуллинга, усугубляя риски цифровой виктимизации. Отсутствие адекватной защиты персональных данных в коммерческих приложениях порождает системные угрозы правовому порядку, требуя усиления ответственности операторов по аналогии с китайским Законом о кибербезопасности 2017 г. и разработки в России единого законодательства о цифровой идентификации. Перспективы включают обязательную сертификацию приложений, введение штрафов за утечки данных и создание независимых механизмов аудита, обеспечивающих баланс между инновациями, общественной безопасностью и конституционными гарантиями неприкосновенности частной жизни (ст. 23 Конституции РФ).

7. Исследователи интерпретируют усилия Китая и ряда других государств по обеспечению киберсуверенитета и кибербезопасности как проявление «цифрового авторитаризма», направленного на усиление государственного

контроля, подавление инакомыслия и манипуляцию общественным мнением в интересах власти. Эта концепция предполагает использование цифровых технологий для тотального надзора, включая цензуру и алгоритмическую фильтрацию контента, что ставит под вопрос универсальные принципы свободы информации, закрепленные в ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. Вместе с тем, аналогичные практики цензуры, предвзятости и избирательного модерирования контента наблюдаются в западных демократиях, где технологические платформы под влиянием политических сил осуществляют скрытую цензуру. Характерным примером служит президентская избирательная кампания в США 2016-2020 годов, когда Дональд Трамп подвергся массовой кампании дезинформации (fake news) в социальных сетях и цифровых СМИ, координируемой структурами Демократической партии, что подтверждается расследованиями Конгресса США и отчетами платформ Twitter/X и Facebook о блокировках аккаунтов. Пандемия COVID-19 стала катализатором ускоренной цифровизации государственных услуг, что привело к массовому распространению систем слежения на базе технологий распознавания лиц, биометрических данных здоровья и геолокации. Видеонаблюдение для мониторинга социального дистанцирования и соблюдения санитарных директив внедрялось преимущественно без информированного согласия общественности и общественных консультаций, нарушая принцип прозрачности и соразмерности ограничений прав, предусмотренный ст. 23 Конституции Российской Федерации и Регламентом GDPR Европейского Союза.

8. Современные платформы, такие как Facebook, Twitter и Instagram, реализуют автоматическую цензуру посредством продвинутых алгоритмов машинного обучения и искусственного интеллекта, осуществляющих фильтрацию контента в режиме реального времени. Эти инструменты функционируют скрытно, без явного уведомления пользователей, что делает процесс цензуры непрозрачным и труднообнаруживаемым. Приватизированная природа алгоритмического контроля порождает опасности манипулирования общественным мнением, распространения дезинформации и подавления голосов оппозиции в интересах коммерческих и политических субъектов. Такая практика противоречит основополагающим этическим нормам и ведет к ущемлению прав человека, включая права на свободу выражения мнений и неприкосновенность частной жизни, гарантированные международными договорами и национальными конституциями. Воздействие цифровых систем контроля зачастую выходит за рамки девиантологических мер по противодействию кибердевиантности и киберпреступности, распространяясь на фундаментальные гражданские и политические свободы, такие как свобода собраний и право на личную неприкосновенность. В «обществе наблюдения» цифровые технологии применяются не только для защиты, но и для направления, ограничения и манипулирования поведением человека.

Алгоритмические системы, являющиеся базой принятия решений в цифровом контроле, отличаются высокой непрозрачностью, что осложняет возможности для пользователей оспаривать решения и требовать возмещения ущерба в случае злоупотреблений. Существующая нормативная база недостаточно развита для полноценной защиты от подобных рисков, что требует совершенствования законодательства и внедрения механизмов алгоритмической ответственности и аудита.

9. Девиантологи и специалисты-юристы справедливо констатируют существенное отставание в развитии формальных институтов правового социального контроля, адаптированных к вызовам цифровой эпохи. Существующие когнитивные и нормативные рамки пока не обеспечивают адекватного регулирования и защиты от цифровой девиантности и киберпреступности, что порождает законодательные лакуны и сложности в применении правовых норм. В международной правовой системе существенную роль играет Будапештская конвенция Совета Европы о киберпреступлениях (2001 г.), которая, несмотря на свою значимость как первого глобального правового инструмента, не охватывает современные вызовы, связанные с развитием искусственного интеллекта, алгоритмическим управлением и транснациональной природой цифровых угроз. Государственная информационная политика России в области использования информационных технологий направлена на повышение сервисных функций в предоставлении государственных услуг и защиты данных. Однако нормативная база, фиксирующая принципы и нормы правового регулирования в этой сфере, определяется Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», положения которого определенно нуждаются в коррекции. В 2016-2017 годы приняты Доктрина информационной безопасности Российской Федерации и Стратегия развития информационного общества в России на 2017-2030 годы, разработаны и реализуются национальные правительственные программы «Информационное общество» (2014), «Цифровая экономика Российской Федерации» (2019), где есть Федеральный проект «Информационная безопасность». Тем не менее, в силу высоких темпов роста киберпреступности экспертами высказываются существенные претензии к отставанию нашей страны в разработке и использовании отечественного программного обеспечения (так, переход на мессенджер МАХ активно происходит лишь в последние месяцы), слабой кадровой обеспеченности в области ИТ- безопасности, а также к законодателям относительно определения составов киберпреступлений (глава 28 УК РФ, статьи 272-274) и структур, занятых противодействием киберпреступности.

10. Крайне неравномерно, а иногда с заметным отставанием от вызовов времени идет процесс институционализации специализированных полицейских структур по борьбе с киберпреступностью (киберполиции). Так, в Китае лишь с 2015 г. создана «сетевая полиция» в Министерстве общественной

безопасности. Для борьбы с кибермошенничеством организованы отделы кибербезопасности в крупнейших китайских Интернет-компаниях. Киберполиция создана и в Германии как подразделение Федерального уголовного агентства. Международная киберполиция (ICP) создана в 2018 г. для реализации решений ООН по борьбе с организованной преступностью, коррупцией и терроризмом, криминалом, нарушением прав человека во всех регионах мира. Шесть государств Евросоюза (Эстония, Хорватия, Польша, Нидерланды, Румыния, Литва) в 2020 г. создали Кибернетические силы быстрого реагирования. В Польше в 2025 г. планируют сформировать киберполицию как самостоятельное подразделение. В России продуктивно работает Центр информационной безопасности ФСБ. Преступлениям в IT-сфере противодействует управление «К» МВД РФ. С 2020 г. идет работа по созданию российской киберполиции. Противоборствуют киберпреступности и специальные подразделения кибербезопасности в федеральных и региональных ведомствах, крупных компаниях и банках России. Работа по защите сервисов и цифровых данных организована в Минцифры, ЦБ РФ, Сбере, ВТБ, МТС и т.д.

11. Одним из новшеств трансформации социального контроля в пост-современном мире стала его гибридизация, а именно, сочетание формального и неформального контроля с использованием цифровых инструментов. Например, равнодушные люди обращают внимание на парковку автомобилей в неустановленных местах: на тротуарах, газонах, иных озелененных территориях. Подобный факт фиксируется очевидцем с помощью цифровой камеры, а файл с номером, маркой транспортного средства, датой, местом нарушения (фото) направляется в рамках ГИС «Народный инспектор» в местный общественный пункт охраны порядка для разбора и вынесения административного решения.

12. Отечественные исследователи обоснованно акцентируют внимание на необходимости систематического повышения уровня «цифровой грамотности» среди населения как ключевого механизма снижения кибервиктимизации и формирования массовой и индивидуальной культуры безопасности при использовании цифровых технологий. Эта мера предполагает не только освоение технических навыков, но и развитие критического мышления для распознавания фишинговых атак, социальной инженерии и иных форм цифровой девиантности. Самоконтроль граждан в цифровой среде приобретает не меньшую значимость по сравнению с совершенствованием формального социального контроля, включая его правовые и технологические компоненты. В условиях отставания международного и национального законодательства (Будапештская конвенция 2001 г., ФЗ № 152-ФЗ) личная ответственность за защиту данных и этичное поведение в сети становится компенсирующим фактором, минимизирующим риски киберпреступности. Актуальным решением выступает создание комплексной системы подготовки «цифровых граждан» с детского возраста, ориентированной на адаптацию к возможностям цифровых технологий и защиту от их негативных последствий. Данная модель удачно

структурирована Майком Рибблом, который выделяет девять ключевых элементов цифрового гражданства:

- Цифровой доступ - равный доступ к технологиям без дискриминации.
- Цифровая торговля - этичное участие в онлайн-коммерции.
- Цифровая коммуникация - ответственное общение в сети.
- Цифровая грамотность - способность критически оценивать информацию.

- Цифровой этикет - соблюдение норм поведения в виртуальном пространстве.

- Цифровое законодательство - понимание правовых норм киберпространства.

- Цифровые права и обязанности - баланс свобод и ответственности.

- Цифровое здоровье и благополучие - защита от аддикции и стресса.

- Цифровая безопасность - меры против киберугроз.

Внедрение данной концепции в российскую образовательную систему через федеральные стандарты (ФГОС) и программы «Цифровая грамотность» позволит гармонизировать индивидуальный самоконтроль с государственным регулированием, обеспечивая устойчивость общества к вызовам цифровизации. Такой подход требует межведомственного взаимодействия Минпросвещения РФ, МВД и Роскомнадзора для создания единой платформы обучения, интегрированной с правовым просвещением [12].

13. В совершенствовании системы цифрового социального контроля чрезвычайно важны не только совершенствование законодательства, практик его применения, развитие цифрового гражданства и самоконтроля, но и подготовка квалифицированных специалистов по кибербезопасности в целом и особенно в сфере правоохранительной деятельности. Реализация государственной информационной политики в рамках федерального проекта «Информационная безопасность» приближает нас к решению этой кадровой проблемы. Однако сохраняющийся дефицит киберполицейских – все еще существенное препятствие на пути эффективного противодействия киберпреступности [9, с. 378-382]. Опыт стран с высоким уровнем цифровизации и сетевизации социума показывает, что там создаются и развиваются факультеты, кафедры, образовательные программы (как правило - магистратуры) по подготовке междисциплинарных специалистов по кибербезопасности. Россия не исключение. В нашей стране готовят специалистов либо по техническим направлениям подготовки («Безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере» - 10.05.05; «Информационная безопасность» - 10.03.01 - специалистов по защите информации), либо по юридическому направлению («Правовое обеспечение национальной безопасности» - 40.05.01) с профилизацией по розыску преступников и расследованию киберпреступлений. Для правоведа, специализирующегося в сфере кибербезопасности расследования киберпреступлений, необходимы фундаментальные знания,

умения и навыки в области цифровых технологий; передачи, хранения и обработки цифровой информации; методологии защиты цифровой информации; криптографии; электронной коммерции; кибердевиантности и киберпреступности; документирования цифровых следов преступлений против личности и др. В Российской академии народного хозяйства и государственной службы стали готовить медиаполицейских для выявления деструктивных и экстремистских материалов в интернете и противодействия кибербуллингу. В ведомственных образовательных структурах (Московском и Санкт-Петербургском университетах МВД РФ) созданы и развиваются специальные программы подготовки специалистов по кибербезопасности и защите информации. Однако преодоление вызовов, созданных киберпреступностью, требует готовить не только технических специалистов по кибербезопасности, но и значительно больше правоприменителей - киберполицейских, хорошо разбирающихся в уголовном и других отраслях права, в цифровых технологиях, в кибердевиантных практиках, способах совершения деликтов в IT-сфере, путях их расследования.

Переход России с 1 сентября 2026 г. от Болонской системы к собственной модели высшего образования, предусматривающей три ступени - «базовое высшее» (взамен бакалавриата и специалитета), «специализированное высшее» (магистратура) и «профессиональное» (аспирантура), открывает новые возможности для инновационной трансформации образовательных программ. Такая реформа предполагает кардинальный пересмотр содержания учебных планов и возникновение новых направлений подготовки, сохраняя при этом академическую автономию вузов в формировании основной образовательной программы.

В свете этих изменений настала необходимость разработки специализированных образовательных модулей по праву и кибербезопасности, а также подготовке киберполицейских, обладающих междисциплинарными компетенциями. Научное и учебно-методическое обеспечение таких программ должно базироваться на интеграции уголовно-правовой и девиантологической теории с современными знаниями в области цифровых технологий и лучшими практиками правоприменения. Это позволит формировать специалистов, способных эффективно противодействовать цифровым преступлениям и обеспечивать защиту информационного пространства в условиях динамично развивающегося кибернетического общества.

Таким образом, образование в области права и кибербезопасности должно стать ключевым элементом государственной стратегии цифровой трансформации, обеспечивая высокий уровень подготовки кадров, адекватных вызовам эпохи цифровизации и способных гармонично взаимодействовать с технологическими инновациями и нормативно-правовыми механизмами.

Список литературы:

1. Гилинский, Я.И. Девиантология постмодерна // Российский девиантологич. ж-л. - 2022. - Т. 2. - № 1. - С. 10-16.
2. Комлев, Ю.Ю. От цифровизации социума к киберпреступности, кибердевиантности и развитию цифровой девиантологии // Российский девиантологич. ж-л. - 2022. - Т. 2. - № 1. - С. 17-26.
3. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. / Под ред. О.И. Шкаратана. - М.: ГУ ВШЭ, 2000. - 608 с.
4. Mossberger, K., Tolbert, C., McNeal, R. Digital Citizenship The Internet, Society and Participation. - Cambridge, MA: MIT Press, 2008. - 221 p.
5. Кастельс, М. Власть коммуникации: Учебное пос.: Пер. с англ. Н.М. Тылевич / Под науч. ред. А.И. Черных. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. - 564 с.
6. Гилинский, Я.И. Девиантность в цифровом мире // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. - 2019. - № 4 (34). - С. 182-190.
7. На кибермошенничества в РФ пришлось 40% от всех преступлений в 2024 г. // Интерфакс: сайт. - 2025. - 22 мая. - URL: <https://www.interfax.ru/russia/1003799> (дата обращения: 22.05.2025).
8. «Едут и те, кто хочет подкормиться, провороваться!»: Как впервые публично отчитался Дамир Сатретдинов // БИЗНЕС Online: сайт. - 2025. - 22 мая. - URL: <https://dzen.ru/a/Z7cUwTCGzVdrIhqj?ysclid=mao195k4e1494719960> (дата обращения: 22.05.2025).
9. Комлев, Ю.Ю. От цифровизации социума и киберпреступности к подготовке киберполицейских // Вестник экономики, права и социологии. - 2025. - № 2. - С. 378-382.
10. Dumm, T. The New Enclosures: Racism in the Normalized Community // Reading Rodney King, Reading Urban Uprisings / Ed. R. Gooding-Williams. - New York: Routledge, 1993. - Pp. 186-190.
11. Deleuze, G. Postscript on Control Societies // Negotiations, 1972-1995. -New York: Columbia University Press, 1995. - P. 221.
12. Ribble, M. (2017) Digital citizenship: using technology appropriately. Retrieved from [digitalcitizenship.net](http://www.digitalcitizenship.net). [Электронный ресурс]. - URL: http://www.digitalcitizenship.net/Nine_Elements.html (дата обращения: 22.05.2025).

§ 6.4. Этические и правовые вопросы, связанные с преступной деятельностью

Нуруллина Г.М., Мугинова Н.Х.

Преступная деятельность всегда являлась и остается одной из острейших социально-политических проблем современности. Вопросы криминалистики, уголовного права и уголовной юстиции тесно переплетаются с морально-этическими аспектами, вызывая острые дискуссии в обществе и научных кругах. Истории известны десятки тысяч уголовных дел, которые вскрывают глубокие нравственные проблемы, моральные дилеммы и поднимают фундаментальные вопросы о сущности человеческого зла, справедливости наказания и неотвратимости ответственности. Этические и правовые вопросы, связанные с преступной деятельностью, касаются не только отдельной личности, совершившей преступление, но и целого общества, столкнувшегося с угрозой насилия, краж, коррупционных проявлений и терроризма. Наказание преступников - будь то лишение свободы, штраф или общественные работы - должно быть не только эффективным инструментом устрашения и исправления, но и справедливым, гуманным и последовательным. Ведь чрезмерно суровые меры наказания могут породить несправедливость и жестокость, а чрезмерно мягкие - спровоцировать повторные преступления и ослабить уважение к закону.

Сегодняшний мир столкнулся с новыми вызовами, связанными с развитием технологий и коммуникационных сетей, что открыло путь для кибертерроризма, организованной преступности, отмывания денег и других видов преступлений, которые трудно расследовать и наказать. Параллельно растет число террористических группировок, наркодельцов и насильников, которые продолжают совершать злодеяния, несмотря на ужесточение мер безопасности и усиления контроля со стороны государств. Многие философы и социологи задаются вопросами: почему люди совершают преступления, какими факторами определяются мотивы криминального поведения, насколько сильна зависимость преступности от воспитания, социального окружения и экономических условий? Философские размышления о человеческой природе неизбежно пересекаются с юридической практикой, делая актуальными вопросы соотношения добра и зла, личной ответственности и общественного долга.

Наиболее острым и резонансным примером столкновения морали и права является смертная казнь. Многие правозащитники осуждают смертную казнь как варварскую меру наказания, нарушающую права человека, в то время как другие эксперты полагают, что в особо тяжких случаях (массовые убийства, терроризм) казни неизбежны и оправданы с точки зрения национальной безопасности и предотвращения дальнейших преступлений. Другим полем острых дебатов являются пенитенциарная система и ее влияние на рецидивистов. Современные тюрьмы страдают от перегрузки, плохих санитарных условий и плохого медицинского обслуживания, что стимулирует повторные преступления

и социальную деградацию осужденных. При этом общество сталкивается с проблемой ресоциализации бывших заключенных, возвращающихся в общество после отбывания наказания, зачастую испытывающих дискриминацию и психологические проблемы.

Следует обратить внимание и на международную сторону вопроса. Терроризм, наркотрафик, рабство и торговля людьми давно вышли за пределы границ отдельных государств, превратившись в общемировую угрозу. Противодействие этим видам преступлений требует тесного международного сотрудничества, координации усилий спецслужб и выработки единых стандартов и норм права.

Таким образом, тема этических и правовых вопросов, связанных с преступной деятельностью, не только интересна и познавательна, но и чрезвычайно актуальна. Глубокий анализ проблем преступности позволяет обществу глубже понять человеческую природу, культурные корни агрессии и злоумышленных деяний, а также совершенствовать правовые механизмы, гарантирующие безопасность и справедливость каждому человеку.

Рассмотрим некоторые из этических и правовых проблем подробнее. Как уже отмечалось выше, одной из основных проблем является смертная казнь. В России в порядке Постановления Пленума Конституционного Суда № 3-П от 2 февраля 1999 г. по делу о проверке конституционности положений ст. 41 и ч. 3 ст. 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 г. «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан [1] был введен запрет на применение ст. 59 УК РФ «Смертная казнь» [2]. Вообще вопрос смертной казни - один из самых дискуссионных в праве, из-за чего и является самым актуальным в опросах этики права. Ученые придерживаются разных мнений по поводу целесообразности ее применения. Основные аргументы «за»: смертная казнь является справедливым наказанием за самые тяжкие преступления, такие как массовые убийства, терроризм, изнасилования и похищения людей; наличие смертной казни может отпугнуть потенциальных преступников, заставляя задуматься о последствиях своих поступков; люди, совершившие особо опасные преступления, могут представлять угрозу для общества, и смертная казнь гарантирует их изоляцию навсегда; родственники и близкие погибших часто поддерживают смертную казнь, полагая, что это восстанавливает справедливость и приносит некоторое утешение; содержать убийц и террористов в тюрьмах дорого и бессмысленно, особенно если они совершили чудовищные преступления; в истории человечества смертная казнь использовалась тысячелетиями, и многие общества считали ее естественным и справедливым решением. Как отмечает В.В. Геранин, в ментальности

российского народа смертная казнь является не чуждым, инородным явлением, а важным, нередко единственным, способом восстановления социальной справедливости и воздаянием за содеянное [3, с. 40]. Мы не можем до конца согласиться с данной позицией, поскольку с момента введения запрета на применение смертной казни как наказания прошло слишком много времени и тенденции изменились. Схожего мнения придерживается А.А. Володин. Он считает, что в настоящее время не имеет смысла рассматривать аргументы за смертную казнь, поскольку в настоящий момент смертная казнь в нашем государстве имеет законсервированный характер, даже несмотря на то, что является закреплённой в ряде нормативно-правовых актов [4, с. 83]. Мы поддерживаем эту позицию, поскольку в настоящее время она не применяется более двадцати лет, уже успело вырасти целое поколение, которое не застало смертную казнь вообще, тенденции в обществе изменились.

Аргументов «против» несколько больше, основные из них: история знает сотни случаев, когда ошибочно казнили невиновных людей; нельзя исправить ошибку, если человека уже казнили; смертная казнь нарушает основополагающее право человека на жизнь, провозглашённое во Всемирной декларации прав человека ООН; смертная казнь порождает чувство мести и ненависти, а не предотвращает будущие преступления; видеть казнь близкого человека или узнавать о ней тяжело для родных и близких обвиняемого. Многочисленные исследования показали, что смертная казнь не уменьшает уровень преступности и не останавливает серийных убийц. Альтернативные меры, такие как пожизненное заключение без права условно-досрочного освобождения, могут быть столь же эффективными и гуманными. Процесс вынесения смертного приговора долгий и дорогостоящий, и нередко приводит к многолетним судебным баталиям и апелляциям. Как отмечает В.Г. Пинигин, этическая сторона трактовки феномена смертной казни отличается амбивалентностью: если правовая предписывает отмену казни либо ее применение при особо тяжких преступлениях, то этическая характеризуется высокой степенью спорности, выражением социальной остроты данной проблемы [5, с. 134]. Мы можем согласиться с данной точкой зрения, поскольку одним из поводов для внесения изменений в нормативно-правовые акты является общественный резонанс, в результате чего норма становится политизированной, исходя из запроса общества. Поэтому вопрос о возобновлении или полной отмене смертной казни должен изучаться минимум несколько лет перед тем, как прийти к окончательному выводу. И как верно по этому поводу высказалась Д.С. Осина, следует констатировать, что общество никогда однозначно не относилось и не будет относиться к смертной казни. Там, где она есть, обсуждается ее отмена, а там, где она отменена, ведется активная деятельность по ее восстановлению [6, с. 383]. Таким образом, смертная казнь - это один из самых древних и распространенных способов наказания, вызывающий ожесточенные споры в правовой и философской литературе. Исторически она считалась приемлемой формой возмездия за особо тяжкие преступления,

символизируя общественное неприятие крайней степени злодейства. Однако современная цивилизованная культура склоняется к отходу от смертной казни как карательной меры. Большинство Европейских стран отказалось от нее окончательно, считая ее пережитком прошлого и нарушением базовых прав человека. Действительно, множество случаев неправильных приговоров и казни невиновных людей демонстрирует, что смертная казнь не оправдывает себя как мера наказания. Кроме того, исследования показывают, что смертная казнь не способствует профилактике преступлений и не снижает общего уровня преступности. Психологически население привыкло воспринимать ее как ритуал мести, а не реальный инструмент сдерживания. Противоречивость вопроса усиливается наличием в общественном сознании устойчивых стереотипов и мифов об ее полезности. Вероятно, значительная часть сторонников смертной казни движима чувством неудовлетворенности официальной системой правосудия и желанием увидеть наглядное возмездие. Российский опыт интересен тем, что страна уже отказалась от смертной казни практически двадцать лет назад, но общество периодически возвращается к обсуждению ее возвращения. Возможно, это объясняется исторической памятью и влиянием традиционных ценностей, в которых иногда преобладает стремление к жесткому наказанию. Итоговый вывод заключается в том, что дискуссия о смертной казни останется актуальной и будет зависеть от культурных особенностей, уровня демократичности общества и готовности к гуманизации уголовного права. Однозначного ответа на вопрос о целесообразности смертной казни не существует, и каждая страна выбирает собственный путь, учитывая исторический опыт и нынешние реалии.

Одним из других важных этических и правовых вопросов преступности является преступность несовершеннолетних. Изучение преступности несовершеннолетних является чрезвычайно актуальным направлением современных криминологических исследований. Детская и молодежная преступность представляет собой серьезную угрозу общественной безопасности и благополучию общества, так как молодые люди являются наиболее уязвимой группой, подверженной различным негативным внешним факторам. В наше время детская преступность заметно возрастает, причем преступления несовершеннолетних отличаются повышенной жестокостью и цинизмом, что накладывает дополнительную ответственность на правоохранительные органы и общество в целом. Основными причинами подростковой преступности являются социальные и экономические перемены, происходящие в обществе, которые приводят к деформации ценностных ориентаций молодого поколения. Урбанизация, высокая мобильность населения, падение уровня жизни и ухудшение условий социализации молодежи способствуют росту преступности среди несовершеннолетних. Негативное влияние оказывают также негативные установки, формируемые неблагополучными семьями, низкий уровень воспитательной работы школ и недостаточная занятость досугом подростков.

Немаловажную роль играют технологический прогресс и глобализация,

способствующие быстрому распространению информации, пропагандирующей агрессию, насилие и антиобщественное поведение. Виртуальные сообщества, социальные сети и компьютерные игры формируют у подростков восприятие реальности, далекое от жизненных реалий, что нередко приводит к преступлениям. Еще одним фактором является слабость системы профилактики и раннего вмешательства, отсутствие комплексной диагностики и коррекционной работы с потенциально опасными группами подростков. Нередко первыми симптомами преступного поведения являются прогулы уроков, побеги из дома, бродяжничество, алкоголизм и наркомания, однако на эти сигналы взрослые реагируют поздно или не обращают на них должного внимания. Таким образом, актуальность исследования преступности несовершеннолетних обусловлена необходимостью изучения глубинных причин подросткового антисоциального поведения, выявления факторов, способствующих такому поведению, и разработки эффективных мер по профилактике и ранней диагностике преступности среди подрастающего поколения. Как отмечает В.В. Васильев, в целях профилактики преступности среди детей и подростков необходимо формирование институтов социального контроля в виде организаций, учреждений и общественных движений, оказывающих доступные услуги образования и досуга для несовершеннолетних, что поспособствует их социализации. Также предлагается установление отдельной от общего уголовного права, но подчиненной его принципам ювенальной юстиции в силу специфики субъекта. Ко всему прочему, считается нужным ужесточение уголовной ответственности за преступления против несовершеннолетних или вовлечение их в преступную деятельность [7, с. 48]. Мы можем согласиться с данной точкой зрения, поскольку неэтичным представляется помещение несовершеннолетнего с неокрепшей психикой отбывать наказание в условиях для уже состоявшихся взрослых людей. Однако здесь есть иной спорный момент: восемнадцать лет – это лишь условный возраст совершеннолетия, и психика человека могла не окрепнуть и до этого возраста тоже, и, наоборот, человек мог стать зрелой личностью и до восемнадцатилетия. Что касается формирования институтов социального контроля, то это отличная мера для воспитания и воздействия на человека, для формирования крепкой психики. Как отмечает Т.В. Мясникова, работа по исправлению несовершеннолетнего преступника может считаться эффективной только в том случае, если ее результатом становится возможность для несовершеннолетних адаптироваться в нормальном социальном окружении после освобождения [8, с. 184]. Однако до конца мы оценить это не можем, поскольку не можем до конца прийти к выводу, сформировало ли до конца подвержение уголовному наказанию в юном возрасте личность или нет. Изучение преступности несовершеннолетних представляет собой важное направление криминологии, поскольку данная группа населения является наиболее уязвимой к внешнему влиянию и подвержена риску девиантного поведения. Тенденция к росту детской преступности, ее повышенная жестокость и цинизм заставляют

общество и правоохранительные органы реагировать оперативно и эффективно.

Среди основных причин подростковой преступности выделяют социальные и экономические преобразования, приводящие к деформации ценностных ориентиров, низкие стандарты воспитания в семьях, низкую школьную дисциплину и отсутствие должного контроля за свободным временем подростков. Технологический прогресс и глобализация способствуют распространению негативного контента и виртуальных сообществ, культивирующих агрессию и насилие.

Ключевыми аспектами в борьбе с подростковой преступностью являются профилактика и раннее вмешательство. Необходимо наладить систему комплексной диагностики и коррекционной работы с детьми, демонстрирующими ранние признаки девиаций. Прогулы уроков, побег из дома, бродяжничество, алкоголизм и наркомания - все это тревожные симптомы, игнорирование которых может привести к тяжелым последствиям. Решение проблемы подростковой преступности требует комплексного подхода, включающего укрепление институтов социального контроля, создание доступной образовательной и досуговой инфраструктуры, а также внедрение специализированных мер ювенальной юстиции, учитывающей особенности несовершеннолетних. Специалисты предлагают усилить уголовное наказание за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность и усовершенствовать систему профилактики и реабилитации несовершеннолетних правонарушителей. Таким образом, исследование преступности несовершеннолетних необходимо для выявления глубинных причин, факторов риска и разработки эффективных мер по предупреждению преступности среди молодого поколения.

Таким образом, преступность - это явление, глубоко укорененное в нашей культуре и социальной ткани, требующее не только правового, но и этического осмысления. Одна из наиболее острых и противоречивых тем в этой области - смертная казнь. Ее существование и применение вызывают постоянные споры среди юристов, философов и простых граждан. Несмотря на множество аргументов «за» и «против», большинство современных обществ приходят к выводу, что смертная казнь не соответствует духу XXI века и представляет собой анахронизм. История знает тысячи случаев, когда невиновные люди подверглись смерти из-за судебных ошибок. Никто не может компенсировать такую страшную ошибку, и это серьезно подрывает доверие к судебной системе. Критики смертной казни подчеркивают, что она нарушает базовое право человека на жизнь, закрепленное во Всеобщей декларации прав человека. Вместо устрашения преступников она зачастую вызывает гнев и жажду мести, не способствуя достижению подлинной справедливости. Но главная причина неприятия смертной казни кроется в эволюции представлений о гуманизме и достоинстве человека. Современное общество стремится строить свои законы на принципах уважения достоинства личности, справедливости и равенства перед законом. Поэтому применение смертной казни кажется неуместным и

негуманным. Другой важный аспект этики в уголовном праве - это вопрос о наказании несовершеннолетних. Подростковая преступность представляет собой сложную проблему, обусловленную различными факторами: экономическим положением, качеством воспитания, уровнем образования и воздействием окружающей среды. Современные технологии и социальные сети оказывают серьезное влияние на сознание молодежи, иногда способствуя росту агрессивных наклонностей и криминальных установок.

Вместо простого наказания за преступления подростков необходимо сосредоточиться на профилактике и раннем вмешательстве. Первыми сигналами тревоги могут стать такие проявления, как прогулы уроков, побеги из дома, алкоголизм и наркомания. Несовершеннолетние, находящиеся в зоне риска, должны получать поддержку и заботу со стороны специализированных центров реабилитации и образовательных программ. Для несовершеннолетних преступников важно создание отдельного сегмента правовой системы - ювенальной юстиции, учитывающей специфику их возрастной психологии и социальной среды. Необходимо помнить, что дети и подростки, совершившие преступления, не должны попадать в обычную тюрьму, где их ожидают лишь деградация и разрушение личности. Специализированные меры поддержки и реабилитации помогут большинству юных правонарушителей снова влиться в нормальную жизнь. Таким образом, этические вопросы в уголовном праве требуют тонкого баланса между справедливостью, гуманностью и защитой общества. Смертная казнь должна оставаться редкостью или вовсе исчезнуть из правовых систем, а подростковые преступления требуют чуткости и осторожности, чтобы не сломать будущее молодых людей. Только глубокая рефлексия и мудрые решения позволят обществу двигаться вперед, сохраняя достоинство и человечность в правосудии.

Список литературы:

1. По делу о проверке конституционности положений ст. 41 и ч. 3 ст. 42 УПК РСФСР, пункт. 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 г. «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан»: Постановление Пленума Конституционного Суда РФ от 2 февр. 1999 г. № 3-п // Электрон. текст. дан. - Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ [Ред. от 23.11.2024] // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.

3. Геранин, В.В. Возобновление института смертной казни в России как насущная потребность / В.В. Геранин, С.Н. Мальцева // Вестник Томского инст. повышения квалификации работников ФСИН России. - 2023. - № 1 (15). -

С. 29-43.

4. Володин, А.А. Смертная казнь в России: ее критические предпосылки как одного из видов уголовного наказания / А.А. Володин, А.М. Васильев // Тенденции развития науки и образования. - 2023. - № 93-4. - С. 80-85.

5. Пинигин, В.Г. Непреходящий социально-философский конфликт: смертная казнь vs право на жизнь / В.Г. Пинигин // Инновационная экономика и общество. - 2025. - № 2 (48). - С. 132-141.

6. Осина, Д.С. Смертная казнь: вопросы философии и права / Д.С. Осина // Вопросы российской юстиции. - 2023. - № 24. - С. 380-388.

7. Васильев, В.В. К вопросу о социально-экономических детерминантах преступности несовершеннолетних и в отношении несовершеннолетних / В.В. Васильев // Расследование и предупреждение преступлений, совершенных несовершеннолетними или в отношении несовершеннолетних: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. - Новосибирск, 20 дек. 2023 г. - М.: Московская академия следствен. комитета Российской Федерации, 2024. - С. 45-48.

8. Мясникова, Т.В. Содержание в воспитательных колониях как мера профилактического воздействия на преступность несовершеннолетних / Т.В. Мясникова, А.В. Калмыков // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: Сб. материалов XI Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы РФ. - Пермь, 03-05 апр. 2024 г. - Пермь: Пермский инст. федер. службы исполнения наказаний, 2024. - С. 181-184.

Глава 7. Криминологические аспекты защиты прав человека

§ 7.1. Противодействие экстремизму в молодежной среде через призму соблюдения прав человека

Айнутдинова К.А., Айнутдинова И.Н.

Сегодня мировое сообщество переживает бурный рост радикальных и экстремистских проявлений в молодежной среде, а рост числа преступлений экстремистской направленности фиксируется практически во всех странах, включая Россию. Так, по данным официальной статистики МВД РФ, СК РФ и Генеральной прокуратуры РФ, в 2024 г. (в сравнении с 2023 г.) было зарегистрировано более 1,7 тыс. (+30%) преступлений экстремистской направленности; количество уголовных дел об экстремизме, направленных в суд, составило 615 дел (+43%); количество обвиняемых по таким делам также значительно выросло (более чем на 50%), а от преступных посягательств, в том числе от убийств по мотивам национальной, расовой и религиозной ненависти, погибли 23474 человека (+11,5%) [1]. При этом, по статистике, основная масса преступлений экстремистской направленности и иных тяжких преступлений агрессивного характера совершается лицами в возрасте 14-35 лет (80%) [1], что лишь подтверждает опасную тенденцию по омоложению возрастной структуры преступности, расширению географии преступности, росту темпов и числа криминальных деяний экстремистского характера в молодежной среде [2].

Становится очевидным, что проявления экстремизма и радикализма в молодежной среде приобретают все более опасный характер для общества и государства, а с учетом роста населения в мире и увеличением в нем доли молодежи проблема выходит за рамки региональной угрозы и приобретает глобальное значение [3]. Так, по данным ООН, в 2025 г. в мире проживает около 1,2 млрд. молодых людей, что составляет около 16% мирового населения, а к 2030 г., по их же прогнозам, это число увеличится на 7% и вырастет до 1,3 млрд. (+7%). При этом другие эксперты и различные организации по мировой статистике в реальном времени, такие как Worldometer (<https://www.worldometers.info/>) или Associated Press (AP) (<https://apnews.com/>), считают, что молодежь, согласно данным на октябрь 2025 г., составляет 25% от общего населения Земли (8,2 млрд. чел.) [3]. Цифры и прогнозы впечатляют. А с учетом того, что именно молодежь наиболее подвержена экстремистским проявлениям и радикальным взглядам, которые могут стать последней ступенью к возникновению терроризма, становится тревожно за наше будущее.

Следует отметить, что общепризнанного международного определения возрастной группы молодежи не существует. Например, еще в 1979 г. для статистических целей ООН в контексте подготовки к

Международному году молодежи (1985 год) определило «молодежь» как лиц в возрасте от 15 до 24 лет [4], при этом по классификации возрастов ВОЗ (Всемирной организации здравоохранения) от 2016 г., молодежью считаются лица в возрасте от 18 до 44 лет, что, вероятно, было призвано отразить улучшение здоровья людей и увеличение продолжительности их активной жизни [5]. Для целей нашего исследования, однако, будем придерживаться цифры 14-35 лет как наиболее часто используемой в статистических отчетах и исследованиях ученых в РФ.

Целью данной работы является исследование подходов к профилактике экстремизма и радикализма в молодежной среде через призму соблюдения прав человека. Для достижения этой цели нами были поставлены следующие задачи: 1) изучить и проанализировать причины, условия, факторы, детерминирующие агрессивное и экстремистское поведение молодежи; 2) определить признаки экстремизма и наиболее распространенные формы экстремизма в молодежной среде; 3) провести анализ существующих методов и практик противодействия экстремизму; изучить роль правозащитных механизмов в его профилактике и представить рекомендации по их внедрению в программы работы с молодежью.

Изучение тематической литературы российских и зарубежных авторов, статистики МВД РФ, СК РФ и Генеральной прокуратуры РФ, а также отчетов международных организаций (ООН, ЮНЕСКО и др.) подтвердило гипотезу о том, что экстремизм в молодежной среде является одной из актуальных и наиболее сложных социально-политических проблем современности [2; 6-8]. Молодежный экстремизм, по мнению ряда авторов, следует рассматривать как особую разновидность экстремизма со своими специфическими социальными, психологическими, возрастными и даже биологическими особенностями [9].

При этом молодежному экстремизму присущи все устойчивые и сущностные признаки экстремизма [9]. Во-первых, это наличие особой деформированной экстремистской идеологии, которая сопровождается идеями об абсолютной истинности именно данной идеологии; агрессивная нетерпимость ко всем идеологическим конкурентам или альтернативным идеологиям; антигуманное деление всех на своих (друзей) и чужих (врагов); установка на решительное и немедленное исправление существующей социальной (враждебной) реальности вплоть до ее разрушения и уничтожения; извращенный, экстраординарный и практически нереализуемый кодекс личного поведения во имя какой-то фантомной идеи [9; 10]. Во-вторых, важным признаком экстремизма является специфическая направленность личности как носителя радикальных взглядов, убеждений и идей, искаженных социальных потребностей и деструктивных интересов [10]. Такая личность обладает внутренней готовностью к реализации положений навязанной экстремистской идеологии преступным путем через насильственные и иные противоправные

действия и видит в них единственное средство для разрешения социальных, расовых, национальных, религиозных и политических конфликтов.

Известно, что в молодом возрасте человек стремится к индивидуализации и персонализации своего «Я», что обычно подталкивает его к самореализации, выделению из общей массы и формированию своей уникальности. При этом недостаток жизненного опыта и личностной зрелости, нестабильность социально-экономического и общественно-политического положения, мнимая или реальная социальная несправедливость и напряженность вкупе могут негативно сказаться на его восприятии картины мира, исказить усвоение социальных норм, нравственных установок и ценностных ориентиров [2].

Социально-экономические факторы играют ключевую роль в процессе радикализации молодежи, формируя среду, в которой индивиды принимают экстремистские идеи. Одной из значимых причин является экономическая нестабильность. В странах с высоким уровнем молодежной безработицы, таких как Ирак и Сирия, наблюдается повышенная склонность к радикализации. В 2014 г. уровень безработицы среди молодежи в Ираке достигал 18%, что способствовало вербовке молодых людей в экстремистские организации. Отсутствие экономических перспектив создает ощущение безысходности, которое экстремисты могут использовать для привлечения новых членов [7]. Маргинализация и социальная изоляция определенных групп, как это наблюдается среди мигрантов в Европе и США, увеличивают их уязвимость к радикальным идеологиям [11]. Исследования Европейского совета по международным отношениям показывают, что социальная изоляция мигрантов (например, во Франции и Германии) способствует их радикализации, создавая благоприятные условия для распространения экстремистских идей [7].

Помимо социально-экономических факторов, важную роль в формировании экстремистского типа личности играют внутренние личностные и психологические факторы (например, агрессивность, фанатизм, постоянная готовность к самопожертвованию, слепая вера в правоту своей идеологии, крайняя нетерпимость к иным взглядам, суждениям и верованиям, неприятие социальных норм и ценностей и др.) [2; 10; 12]. Психологические аспекты радикализации молодежи могут усугубляться такими причинами, как чувство несправедливости, поиск идентичности и личная уязвимость. Исследования, проведенные в Великобритании в 2017 г., показывают, что 65% молодежи, склонной к экстремизму, испытывали ощущение несправедливости и отсутствие перспектив. Это чувство побуждает молодых людей искать смысл и принадлежность к некому сообществу, что часто приводит их к радикальным группам с деструктивной идеологией. Кроме того, в работах американского психолога Джона Хоргана [12], признанного эксперта в области психологии терроризма, отмечается, что личная уязвимость, вызванная травматическими

событиями, такими как потеря близких, значительно увеличивает вероятность радикализации. В частности, в своей известной книге «Психология террориста: Почему люди начинают убивать ради идеи» Д. Хорган описывает механизмы, приводящие обычных людей на путь насильственного экстремизма. Их действия зачастую продиктованы разрушительной идеологией, которая оправдывает применение насилия во имя больших целей, однако мотивации экстремистов и террористов могут казаться рациональными только им самим [12]. Влияние зарубежных организаций, сект и радикальных групп, которые насаждают чуждые ценности и отрицают существующие социальные нормы, также способно породить у молодых людей психологические травмы, агрессивность, неуверенность в себе, склонность к максимализму и пр. [14].

Следующая группа причин молодежного экстремизма – это групповые и внешние факторы (например, влияние со стороны референтной группы сверстников и лидеров молодежных организаций; рост религиозного фанатизма и националистических настроений; поиск радикальных идей в сети «Интернет» для участия в неформальных объединениях с противоправной деятельностью) [15]. Многие члены экстремистских молодежных группировок на начальном этапе не знают или не понимают идеологической подоплеки экстремистского движения, к которому они примыкают. Как правило, практически все экстремистские молодежные группировки носят неформальный характер, что воспринимается новичками как приятное времяпрепровождение в кругу сверстников и единомышленников [7]. Зачастую их привлекают громкие лозунги, внешняя атрибутика и другие аксессуары. Однако со временем ячейки (группировки) молодежи экстремистской направленности, которые в обычное время действуют автономно по «сетевому» принципу, объединяются в большие сообщества для проведения массовых противоправных действий, где каждый член группы получает свое задание и ему присваивается определенная роль [7].

В условиях глобализации, информатизации и цифровой трансформации общества экстремистские группы активно используют современные технологии и сеть «Интернет» для распространения своих деструктивных и радикальных идей, что представляет серьезную угрозу для общества. Известно, что широкий доступ к цифровым технологиям и ресурсам сети «Интернет» является неотъемлемой частью жизни современной молодежи, тем самым предоставляя им практически неограниченные возможности для образования, общения и самореализации. Согласно исследованию Pew Research Center, 98% подростков в США имеют доступ к смартфонам, что позволяет им постоянно быть подключенными к Интернету [16]. Вместе с тем, такой доступ создает риски, связанные с воздействием экстремистских и радикальных идей. Молодежь, активно использующая социальные сети для получения информации, становится уязвимой к дезинформации и пропаганде [16]. Как отмечает А.А. Булавкин, одна из главных опасностей,

связанных с распространением технологически опосредованных негативных тенденций, заключается в том, что они проникают, прежде всего, в подростковую и молодежную среду, поражают наименее защищенную в социальном и психологическом отношении часть общества, а именно детей и подростков [15]. Таким образом, информационное общество, обладая потенциалом для развития, одновременно несет угрозу, если его возможности используются в негативных целях [15]. В частности, в последнее время в Интернете и социальных сетях отмечается распространение такого явления, как «подстрекательство к радикализации и склонение к насильственному экстремизму», или «насильственная радикализация» [16].

В докладах ООН и ЮНЕСКО отмечается, что социальные сети стали основным инструментом вербовки молодежи; 70% таких вербовок происходит через платформы, ориентированные на молодую аудиторию [8]. Европол в своем отчете за 2022 г. подчеркивает, что экстремисты применяют онлайн-платформы не только для распространения пропаганды, но и для координации своих действий [8]. За 2022 г. было зафиксировано более 500 случаев такого использования, что указывает на необходимость усиления контроля и разработки эффективных методов противодействия им, чтобы минимизировать влияние экстремистских идей через цифровые каналы [8]. По данным официальной статистики МВД РФ в структуре преступлений экстремистского характера за 2024 г. преобладают уголовные дела за возбуждение ненависти или вражды, унижение человеческого достоинства, а также за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, при этом более половины таких преступлений совершено с использованием сети «Интернет» [1].

Исследователи экстремизма выделяют самые разнообразные его виды (например, экологический, антиглобалистский, моральный, художественный и др.). Однако с учетом того, что современное российское законодательство [17] устанавливает ответственность за возбуждение ненависти или вражды по признаку отношения к расовой, этнической, религиозной или социальной группе, а также рассматривает в качестве экстремистского правонарушения деяния, направленные на насильственное изменение конституционного строя, выделим следующие разновидности или формы молодежного экстремизма: националистический, религиозный, социальный и политический [18].

Националистический экстремизм – это насилие по мотивам национальной или расовой ненависти и вражды, возбуждение ненависти и вражды по отношению к лицам иной национальности или расы. Националистический экстремизм находит выражение в разжигании вражды и ненависти между нациями и народностями, в актах геноцида по отношению к так называемому некоренному населению, представителям других этнических образований, выступает с позиции защиты «своей нации», ее прав и интересов,

ее культуры и языка. При этом отвергаются подобные же права для других национальных и этнических групп [19]. Националистический экстремизм направлен на развал многонациональных государств, утверждение господства коренной нации. Подобный экстремизм ведет к обострению межнациональных отношений и является источником вражды и конфликтов между народами [18-20].

Религиозный экстремизм проявляется в нетерпимости к представителям различных конфессий или в жестоком противоборстве в рамках одной конфессии. Также рассматривается как практика насильственного насаждения религиозной веры среди неверующих либо представителей других религий. Свобода совести (возможность быть верующим либо неверующим) и свобода вероисповедания (возможность выбрать любую религию) – фундаментальные ценности современного общества; толерантность в религиозной сфере – это уважение права другого лица на духовно-мировоззренческий выбор [18].

Социальный экстремизм – это насилие или возбуждение ненависти и вражды по отношению к лицам иной социальной группы, под которой может пониматься возрастная, гендерная, профессиональная и иные группы [18].

Политический экстремизм проявляется в агрессивных, насильственных способах и методах (включая террористические) отстаивания взглядов на политическую жизнь общества и формы организации власти. Можно сказать, что это теория и практика насильственного, незаконного захвата и удержания государственной власти, а также деяния и призывы к деяниям, направленным на насильственное изменение конституционного строя, незаконный захват или удержание власти, незаконное отделение части территории государства [18]. Несмотря на различия, в реальной жизни все формы экстремизма могут тесно переплетаться и в синергии создавать еще большую опасность для общества.

Проведенное исследование показало, что при возрастающих темпах своего развития проблема молодежного экстремизма в России может в скором будущем занять ведущее место в статистике преступлений. Поэтому следует выработать систему общих и специальных мер по профилактике и предупреждению молодежного экстремизма с акцентом на соблюдении прав человека и в целях формирования толерантной и уверенной личности. Принимая во внимание, что экстремизм нарушает права других людей (через физическое насилие, дискриминацию, нарушение свободы слова и религии, нарушение права на неприкосновенность частной жизни и др.), необходимы решительные меры по борьбе с этим явлением [21]. При этом важно найти баланс между противодействием преступности и защитой законных конституционных прав и свобод молодежи. Все меры по противодействию молодежному экстремизму должны строго соответствовать законодательству РФ, а также международным документам, определяющим основные права и

базовые свободы людей [22-23].

Принципы прав человека, закрепленные в таких международных документах, как Всеобщая декларация прав человека [22] и Международный пакт о гражданских и политических правах [23], содержат универсальные нормы, направленные на обеспечение достоинства, свободы и равенства каждого человека. Эти принципы формируют основу для построения общества, в котором все члены чувствуют себя защищенными и уважаемыми, а гарантия соблюдения прав человека способствует социальной справедливости, играет важную роль в предотвращении радикализации, что исключает дискриминацию и маргинализацию, часто порождающие экстремистские настроения [6; 11; 14]. Защита прав человека в данном контексте выступает как ключевой элемент для обеспечения социальной стабильности и предотвращения насилия в обществе.

Методы противодействия экстремизму можно классифицировать на правовые, социальные, образовательные и технологические подходы, каждый из которых имеет свои особенности и области применения. Правовые меры включают законодательные акты, такие как Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» в Российской Федерации, который создает правовые рамки для борьбы с экстремизмом [17]. Социальные программы (например, инициатива «Молодежь против экстремизма») направлены на вовлечение молодежи в общественную жизнь и предотвращение ее радикализации. Образовательные подходы, такие как включение уроков толерантности в школьные программы, активно применяются в зарубежных странах (например, во Франции) для формирования у молодежи уважения к культурным и религиозным различиям. Технологические меры, включая мониторинг социальных сетей для выявления экстремистского контента, внедряются в США и других странах для контроля за распространением радикальных идей. Все эти методы в совокупности создают комплексный подход к борьбе с экстремизмом, учитывающий различные аспекты проблемы.

Как известно, экстремизм – это приверженность к крайним, радикальным взглядам и мерам в общественной, политической или иной деятельности, направленным на насильственное изменение конституционного строя, разжигание ненависти или вражды, достижение социально-политических, религиозных, национальных целей посредством «крайних», запрещенных способов, что подчеркивает необходимость применения многоуровневых стратегий для эффективного противодействия этому явлению [9; 15; 16; 21].

Эффективность методов противодействия экстремизму варьируется в зависимости от их характера и контекста применения. Правовые меры, такие как запрет экстремистских организаций, часто подвергаются критике за возможное нарушение права на свободу выражения мнений, что особенно актуально в демократических обществах [6-7]. Социальные программы, направленные на реинтеграцию бывших экстремистов, сталкиваются с обще-

ственным сопротивлением из-за стигматизации участников, что ограничивает их эффективность. Образовательные программы демонстрируют высокую результативность в 70% случаев, хотя их реализация требует значительных финансовых, кадровых, временных и энергозатрат. При этом положительные результаты указывают на необходимость доработки и адаптации существующих методов к новым технологическим вызовам для обеспечения их долгосрочной эффективности в борьбе с экстремизмом [6-7].

Одним из продуктивных механизмов применения прав человека для предотвращения экстремизма является программа Совета Европы «Молодежь за демократию». Эта инициатива направлена на продвижение идей демократического участия и прав человека среди молодежи. Программа включает образовательные и практические мероприятия, способствующие развитию критического мышления, толерантности и активного гражданства. Такие подходы помогают молодежи осознать свою роль в обществе и предотвращают ее вовлечение в экстремистские движения, предлагая альтернативные пути самореализации. Важно отметить, что успешная профилактика экстремизма в молодежной среде невозможна без эффективно действующей системы научно-методического и аналитического сопровождения этой работы. Таким образом, комплексный подход к образованию и поддержке молодежи становится ключевым фактором в борьбе с экстремизмом [14-15].

Исследования показывают, что соблюдение прав человека напрямую влияет на уровень снижения радикализации среди молодежи. Данные ООН подтверждают, что в странах с высоким уровнем соблюдения прав человека процент радикализированных молодых людей значительно ниже. Это связано с тем, что в таких странах молодежь ощущает свою принадлежность к обществу, где ее права и интересы защищены. Важно учитывать, что люди, чьи права не соблюдаются (например, жертвы дискриминации или преследования), как правило, являются представителями бедных слоев населения. Таким образом, соблюдение прав человека не только укрепляет социальные связи, но и предотвращает дискриминацию и маргинализацию, которые часто становятся почвой для радикализации и иных экстремистских проявлений [6; 11; 14].

Примеры успешной интеграции молодежи в гражданское общество через соблюдение прав человека можно найти в международной практике Скандинавских стран. Например, программа «Молодежь за права человека», реализуемая в Норвегии, продемонстрировала значительные результаты; за 5 лет уровень преступности, в том числе экстремистской направленности, среди молодежи снизился на 25%. Это стало возможным благодаря образовательным инициативам, направленным на повышение осведомленности молодежи о правах человека, формирование и развитие у них навыков мирного разрешения конфликтов, воспитание толерантного отношения к расовому и гендерному равенству, расширение прав и возможностей женщин и др. [8; 13]. В целом, в Норвегии стремятся обеспечить равные права и возможности для всех граждан,

что снижает риск радикализации среди молодежи из уязвимых групп. Меры противодействия экстремизму включают контроль за Интернет-контентом, вовлечение молодежи в альтернативные кружки и организации [8].

Другим примером успешного применения правозащитных механизмов в борьбе с радикализацией молодежи является программа «Prevent» в Великобритании, которая как часть национальной антитеррористической стратегии CONTEST направлена на предотвращение радикализации, экстремизма и терроризма через образовательные программы и активное привлечение местных сообществ к сотрудничеству с государством. «Prevent» работает на трех уровнях: борьба с идеологией, поддержка лиц, подверженных радикализации, и предоставление возможности отказаться от экстремистской и террористической деятельности и пройти реабилитацию [8]. В Германии аналогичная программа «EXIT» также предоставляет поддержку людям, желающим выйти из экстремистских организаций; включает психологическую помощь, социальную реинтеграцию и консультирование, что помогает участникам проекта противостоять радикальным идеологиям и вернуться к нормальной жизни [13]. Образовательные программы ЮНЕСКО, запущенные в 2021 г. в Центральной Азии, иллюстрируют, как повышение знаний молодежи о правах человека формирует у них устойчивость к экстремистским идеологиям. Описанные примеры показывают, как правозащитные механизмы могут эффективно использоваться для профилактики экстремизма [8; 13].

Внедрение лучшего международного опыта применения правозащитных механизмов возможно и в России, однако это потребует адаптации программ с учетом национальных, социальных особенностей и культурных различий. Например, программа «Prevent» может быть внедрена через создание образовательных курсов, направленных на развитие толерантности и критического мышления у молодежи, а методы программы «EXIT» подойдут для разработки инициатив по реинтеграции лиц, покинувших экстремистские организации, с учетом национальных, социальных и культурных реалий. Опыт Норвегии в области равноправия и социальной интеграции может быть полезен для России как многонациональной страны в профилактике и предотвращении межэтнических и межконфессиональных религиозных конфликтов [8; 13].

Описанные примеры показывают, как международные практики могут быть адаптированы для эффективного противодействия экстремизму в различных национальных контекстах. При этом не все программы включают элементы, способствующие формированию и развитию таких ключевых навыков, как критическое мышление и знания о правах человека, что делает значительную часть молодежи уязвимой к влиянию экстремистских идеологий. Исследование ЮНЕСКО показало, что в России и ряде других стран лишь 27% образовательных программ учитывают необходимость формирования у студентов данных навыков, при этом 65% студентов не получают достаточной

информации о правах человека в рамках программ обучения в вузе. Эти данные указывают на серьезные пробелы в образовательных системах, которые необходимо устранить для эффективного противодействия экстремизму [8; 21]. Некоторые методы работы с молодежью также зачастую не соответствуют современным требованиям, поскольку опираются на устаревшие принципы и менторские подходы. Для продуктивной реализации стратегии профилактики экстремизма необходимо пересмотреть арсенал коммуникативных приемов и техник и адаптировать их к потребностям и интересам молодежи [8; 21].

Отмечается также и отсутствие единых стандартов и требований к организации работы служб и подразделений, ответственных за вопросы обеспечения безопасности образовательных организаций, а также регламентов и нормативов по обеспечению коммуникации и координации их работы с подразделениями, ответственными за воспитательную, социальную работу и реализацию программ профилактики и противодействия экстремизму [8; 21].

Для устранения выявленных недостатков и пробелов необходимы разработка и внедрение новых образовательных инициатив, основанных на правозащитном подходе. Существуют успешные примеры. Например, в 2019 г. Европейский Союз реализовал инициативу, направленную на развитие у молодежи навыков анализа информации и понимания прав человека, что существенно снизило уровень радикализации среди молодежи в странах ЕС. В Канаде в 2021 г. был разработан курс для старшеклассников, включающий модули по правам человека, критическому мышлению и медиаграмотности, что способствовало повышению осведомленности учащихся о важности правозащитных принципов. Эти примеры могут служить основой для разработки аналогичных программ в других странах, включая Россию, что позволит создать устойчивую основу для профилактики экстремизма в молодежной среде. По мнению В.Е. Батюковой [21], для эффективного распространения информации о правозащитных инициативах необходимо учитывать специфику молодежной среды и использовать современные технологии, такие как Интернет [21]. Для результативного противодействия молодежному экстремизму необходимо также создать сетевые платформы, обеспечивающие взаимодействие между молодыми людьми и представителями государственных структур. Эти платформы должны способствовать открытому диалогу, в котором молодежь сможет не только выражать свои мысли и мнения, но и предлагать решения для важных и актуальных проблем [8; 21].

Примером такого подхода является Федеральный проект Росмолодежи «Диалог на равных», запущенный в России в 2021 г. Он включает встречи и дискуссии молодежи с известными представителями бизнеса, политики, спорта и культуры, что предоставляет студентам возможность общаться с успешными людьми, задавать вопросы, получать ответы и находить совместные решения. Подобные инициативы укрепляют доверие между гражданским обществом и государственными структурами,

а также способствуют формированию у молодежи чувства сопричастности, вовлеченности и ответственности [13].

Важную роль в профилактике экстремизма играет социальная активность самой молодежи. Программы, направленные на вовлечение молодых людей в общественную жизнь, помогают формировать у них чувство принадлежности к обществу и ответственности за его развитие. Примером такой инициативы является Программа «Молодежь России-2025», которая включает мероприятия по развитию лидерских качеств и вовлечению молодежи в волонтерскую деятельность. Эти мероприятия способствуют укреплению социальных связей, развивают навыки сотрудничества и повышают уровень гражданской активности среди молодежи. Участие в таких программах помогает молодежи осознать свою роль в обществе и вносить вклад в его позитивное развитие [8]. Как отмечает В.Е. Батюкова, «проблемы противодействия экстремизму среди молодежи требуют комплексного подхода, включающего как правозащитные механизмы, так и активное участие молодежных организаций» [21].

Анализ тематической литературы показал, что существующие национальные стратегии по профилактике экстремизма в большинстве стран имеют недостатки и пробелы в области соблюдения прав человека и не всегда соответствуют международным правозащитным стандартам. Данные факты подтверждаются докладом ООН за 2020 г. в котором указано, что лишь 40% стран мира внедрили стратегии, соответствующие данным стандартам. Сложившаяся ситуация актуализирует необходимость пересмотра подходов к внедрению механизмов, обеспечивающих защиту прав человека на всех уровнях. Разработка и внедрение правозащитных механизмов в контексте профилактики экстремизма потребуют усилий и комплексного подхода. Однако результативность мер по профилактике молодежного экстремизма напрямую зависит от систематического применения правозащитных механизмов [21].

В ходе проведенного исследования выявлено, что соблюдение прав человека играет ключевую роль в противодействии экстремизму среди молодежи, при этом правозащитные подходы способствуют социальной интеграции, формированию критического мышления и активному участию молодежи в общественной жизни. Традиционные методы профилактики экстремизма часто игнорируют эти аспекты, что может приводить к усилению радикальных настроений. Комплексный подход, включающий правозащитные механизмы, является эффективным инструментом в борьбе с радикализацией.

Соблюдение прав человека является не только этическим обязательством, но и практическим инструментом для предотвращения экстремизма. Правозащитные механизмы создают условия для равенства и справедливости, что снижает вероятность социальной изоляции и маргинализации молодежи. Это способствует укреплению доверия к государственным институтам и вовлечению молодежи в конструктивные

общественные процессы, что особенно важно в условиях глобализации и цифровой трансформации [16].

Адаптация международного опыта в российских условиях позволит расширить спектр правозащитных практик. Дальнейшие исследования следует сосредоточить на изучении долгосрочных эффектов от внедрения правозащитных механизмов в процесс противодействия молодежному экстремизму в РФ и мире.

Список литературы:

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 г. - М.: МВД РФ, ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». - 64 с.
2. Ревягин, А.В., Бойко, В.П. Природа молодежного экстремизма // Научный вестник Омской академии МВД России. - 2023. - Т. 29. - № 3 (90). - С. 202-207. - DOI: 10.24412/1999-625X-2023-390-202-207.
3. Jain, N. et al. Global population surpasses eight billion: Are we ready for the next billion? // AIMS Public Health. - 2023. - Vol. 10. - № 4. - Pp. 849-866. - DOI: 10.3934/publichealth.2023056.
4. Galstyan, M. Re-Conceptualising Youth: Theoretical Overview// Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University. - 2022. - Vol. 13. - № 2 (36). - Pp. 22-27. - DOI: 10.46991/BYSU:F/2022.13.2.022.
5. Волкова, Н.С., Путило, Н.В., Аксу, Э. О правовом положении молодых ученых и начинающих исследователей: российский и зарубежный опыт // Ж-л зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. - 2022. - Т. 18. - № 6. - С. 118-127.
6. Казанцев, С.Я., Сафин, Н.М. Особенности предупреждения молодежного экстремизма // Вестник экономич. безопасности. - 2022. - № 3. - С. 111-114. - DOI: 10.24412/2414-3995-2022-3-111-114.
7. Campion, K., Colvin, E. Community, More than Conviction: Understanding Radicalisation Factors for Young People in Australia // Studies in Conflict & Terrorism. - 2025. - Pp. 1-18. - DOI: 10.1080/1057610X.2025.2478957.
8. Barracosa, S., March, J. Dealing with radicalized youth offenders: The development and implementation of a youth-specific framework // Frontiers in Psychiatry. - 2022. - Vol. 12 (773545). - Pp.1-12. - DOI: 10.3389/fpsyt.2021.773545.
9. Балицкий, А.А. Социально-правовая природа молодежного экстремизма // Молодой ученый. - 2021. - № 44 (386). - С. 83-85.
10. Петрянин, А.В. Личность экстремиста: криминологический аспект // Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2012. - № 20. - С. 104-109.
11. Степаненко, Р.Ф. Общеправовая теория маргинальности о проблеме правового регулирования социально-экономических отношений // Ученые записки Казанского ун-та. - Сер. Гуманитарные науки. - 2014. - Т. 156. - № 4. - С. 43-53.
12. Хорган, Д. Психология террориста: Почему люди начинают убивать ради идеи / Джон Хорган. - 2025. - М.: Альпина Паблишер, 318 с.
13. Беккер, П.И. Психологические аспекты молодежного экстремизма // Социальная политика и социология. - 2016. - № 2. - С. 81-82.
14. Darden, J. Tackling Terrorists' Exploitation of Youth // Jessica Trisko Darden. - 2019. - The American Enterprise Institute (AEI). - 24 p.

15. Булавкин, А.А., Османов, М.М., Рябко, Н.В. К вопросу о профилактике радикальной идеологии терроризма и экстремизма в сети «Интернет»: теоретические аспекты и способы противодействия // Российский научный вестник. - 2025. - № 1. - С. 200-205. - DOI: 10.24412/2782-3830-2025-1-200-205.

16. Алава, С., Фрай-Мейгс, Д., Хасан, Г. Молодежь и насильственный экстремизм в социальных медиа: сопоставление исследований [Youth and Violent Extremism on Social Media, 2017] / При сотрудничестве Х. Хуссейна и Юань Вэй. При поддержке Программы «Информация для всех» (IFAP). - 2019. – ЮНЕСКО. - 173 с. (in Russ.).

17. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изм. и доп., ред. 23.07.2025). [Электронный ресурс] (доступ: 10.09.2025). - URL: <https://base.garant.ru/12127578/>.

18. Муленков, Д.В., Филина, Н.В. Понятие, формы и виды экстремизма // Ж-л прикладных исслед. - 2023. - № 1. - С. 146-149. - DOI: 10.47576/2712-7516_2023_1_146.

19. Мамытов, Т.Б. Религиозный и националистический экстремизм // Проблемы современной науки и образования. - 2016. - № 5 (47). - С. 258-263.

20. Андриенко, Ю.И. Национализм как фактор зарождения экстремизма // Проблемы правоохранительной деятельности. - 2014. - № 1. - С. 17-21.

21. Батюкова, В.Е. Проблемы противодействия экстремизму среди молодежи // Государственная служба и кадры. - 2020. - № 1. - С. 67-68. - DOI: 10.24411/2312-0444-2020-10013.

22. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). [Электронный ресурс] (доступ: 12.09.2025). - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/.

23. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). [Электронный ресурс] (доступ: 14.09.2025). - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/.

§ 7.2. Нарушение прав человека как следствие деформации морального сознания под влиянием негативного онлайн-контента

Рябцева О.Н.

Периоды внешних вызовов, обусловленные информатизацией, глобализацией и технологизацией социального пространства в современной эпохе и связанные с ними трансформации, происходящие в социальной системе, обуславливают принципиальные изменения в ценностных установках каждой личности. Эти процессы затрагивают сферу нравственных ориентиров индивидуума.

Нравственность является не только основой духовной жизни личности, но и важнейшим, а также единственным условием духовности индивидуума⁴⁸ [9].

⁴⁸ Нравственность – особая форма общественного сознания и вид общественных отношений

Основные нравственные представления носят исторический характер, так как передаются из поколения в поколение. Вследствие чего можно говорить о трансформации нравственных норм в привычки, которые находят поддержку среди мнения общественности. Стоит отметить, что нравственность имеет регуляторную функцию: в процессе усвоения общественных норм каждый отдельно взятый индивид становится способен не только регулировать собственное поведение, но и оценивать поступки окружающих.

Моральные требования подчиняются лишь общественному воздействию, выражаясь либо в одобрительной оценке, либо в порицании и осуждении, что, несомненно, отличает исполнение данных предписаний от норм права. В морали находят отражение как общественные интересы, так и потребности индивида. На основе последних и формируется моральное сознание каждой отдельно взятой личности ⁴⁹.

Стоит отметить, что вышеупомянутой регулятивной функции морали присуща универсальность: нравственные ориентиры затрагивают все сферы жизнедеятельности индивида [9].

Моральные ориентиры, являющиеся традициями современной России, являются конкретно историческими и представляют из себя набор духовно-нравственных ценностей, составляющих базу мировоззрения гражданина. Ценности, проповедуемые нациями и народностями российского государства, включают в себя следующие категории: жизнь, достоинство, права и свободы человека; патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу; высокие нравственные идеалы; крепкая семья; созидательный труд; приоритет духовного над материальным; гуманизм, милосердие, справедливость; коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение; историческая память и преемственность поколений; единство народов России.

Данные ценности находят поддержку в российских культуре и творчестве, составляют основу образовательной политики и законодательства – одним словом, являются основой идентичности граждан Российской Федерации и несут функцию объединения российских наций. Укреплению традиционных российских ценностей особенно содействуют православие, национальная память. Кроме того, процесс сохранения наследия и традиций российской культуры направлен на нравственное воспитание гражданина и патриота [8].

Таким образом, приходим к выводу о сочетании духовных, семейных, патриотических и социальных ценностей, которые являются базой нравственности и стойкости российского общества.

(моральные отношения), один из основных способов регуляции действий человека в обществе с помощью норм.

⁴⁹ Моральное сознание - ценности, нормы, идеальные представления человека, являющиеся отражением жизненно-практического и исторического опыта (Дробницкий, О.Г. Проблемы нравственности. - М.: Наука, 1977).

Следует обратить внимание на то, что данные трансформации носят не только положительный характер. В таких случаях можно говорить о девальвации нравственных ценностей и нравственных ориентиров. Считаем, что данный процесс неразрывно связан с эволюцией социума и характеризуется разрушением стереотипов мышления, а также сменой нравственных ориентиров, влекущей за собой изменение ценностной базы личности. Кроме того, в современном обществе отмечается более частое проявление таких негативных качеств, как агрессивность, нетерпимость, жестокость.

В последнее время большую популярность среди аудитории, в особенности молодого поколения, имеет негативный онлайн-контент, главным образом проявляющийся в формате треш-стримов⁵⁰ [1]. Треш-стримы («мусорные трансляции») подрывают представления о морали и этике по нескольким причинам:

- Популяризация насилия и аморального поведения. Популяризация насилия и аморального поведения в треш-стримах происходит через создание шокирующего и эпатажного контента, который выходит за рамки нравственности и нарушает нормы права. Стримеры выполняют опасные, унижительные и аморальные задания, зачастую предложенные зрителями за донаты, что превращает насилие и аморальность в основной элемент трансляций. Это способствует росту зрительской аудитории и увеличению доходов стримеров [2]. Особенно опасно влияние треш-стримов на подростков и молодежь, которые находятся в процессе формирования своих моральных ориентиров. Под воздействием такого контента у них снижается чувствительность к страху и стыду, пропадает эмпатия, формируется зависимость от виртуального одобрения и повышается риск подражания агрессивному и девиантному поведению в реальной жизни. Это может привести к подрыву веры в системе ценностей и законов, а также к росту девиантности и агрессии в обществе [2].

Кроме того, треш-стримы создают эффект вовлеченности зрителей, которые через донаты и комментарии стимулируют стримеров к выполнению все более экстремальных и аморальных действий, что усиливает взаимное поощрение насилия и унижений. Такое взаимодействие между аудиторией и стримером делает контент особенно привлекательным и опасным [3].

В России с целью защиты общественной нравственности и несовершеннолетних принят Закон о запрете треш-стримов, предусматривающий административную и уголовную ответственность за организацию и распространение такого контента [3; 7; 10; 12].

- Поощрение негативного контента через вовлеченность ауди-

---

⁵⁰ Треш-стриминг (англ. *Trash stream*) - форма потокового видео в прямом эфире, заключающаяся в трансляции треш-контента, т.е. поведения, носящего ненавистнический характер, побуждающего к агрессии (в т.ч. к самоагрессии), насильственного (в смысле насилия над животными и людьми), вульгарного, социально неприемлемого в культуре (вещатель, называемый здесь мусорным стримером).

тории. Зрители активно комментируют и финансируют экстремальные поступки стримеров, создавая эффект толпы и взаимного стимулирования аморальных действий. Это усиливает ощущение безнаказанности и снижает внутренние моральные барьеры как у участников, так и у зрителей [3]. Поощрение негативного контента через вовлеченность аудитории в треш-стримах происходит за счет механизма прямого взаимодействия зрителей с участниками трансляции. Зрители делают донаты (денежные пожертвования) и оставляют комментарии с просьбами или требованиями выполнить экстремальные, опасные или унижительные действия. Это создает цикл взаимного стимулирования: стримеры идут на все более аморальные и рискованные поступки ради финансовой поддержки и внимания, а аудитория подталкивает их к эскалации поведения.

Такой формат трансляций усиливает эффект толпы и снижает чувство ответственности у зрителей, поскольку анонимность и дистанция в Интернете способствуют безнаказанности и агрессивному поведению. Многие зрители получают удовлетворение от чувства власти и контроля, наблюдая за страданиями или унижениями других, что дополнительно мотивирует их поддерживать треш-контент.

Психологи отмечают, что подобное поведение аудитории может быть связано с внутренними травмами, потребностью в острых эмоциях или желанием самоутвердиться за счет сравнения с «аутсайдерами». При этом значительная часть зрителей – молодые люди, у которых еще не сформированы устойчивые моральные установки, что делает их особенно уязвимыми к влиянию такого контента.

В России с целью борьбы с этим явлением принят Закон о запрете треш-стримов, однако трансляции продолжают существовать, что свидетельствует о сложности регулирования и необходимости комплексных мер по просвещению и защите аудитории [4; 6].

- Идентификация с героями трансляций. Зрители эмоционально отождествляют себя с участниками эфиров, переживая их эмоции, что может приводить к усвоению негативных моделей поведения и снижению критического отношения к насилию и унижениям. Идентификация с героями трансляций в треш-стримах происходит через эмоциональное отождествление зрителей с участниками эфира – как с «мучителями», так и с «жертвами», последнее содержит стойкие признаки виктимизации. Зрители в своем сознании дублируют эмоции и переживания этих персонажей, что создает эффект «безопасного» переживания экстремальных ситуаций, поскольку сами остаются в безопасности, наблюдая со стороны. Это явление сравнивают с историческими примерами публичных казней и других запретных видов зрелищ, которые всегда привлекали внимание людей.

Для подростков и молодежи, находящихся в процессе формирования личности, такая идентификация особенно опасна, так как они склонны

перенимать модели поведения и эмоциональные реакции, демонстрируемые в трансляциях. Часто это связано с личными травмами и внутренними конфликтами, когда человек через просмотр или участие в треш-стримах пытается компенсировать собственный опыт унижения или насилия, ощущая власть и контроль над ситуацией [5].

- Реализация потребности в признании через шокирующий контент. Для стримеров и зрителей треш-стримы становятся способом самоутверждения и поиска уникальности, что стимулирует создание и потребление все более экстремального и аморального контента. Реализация потребности в признании через шокирующий контент в треш-стримах связана с желанием участников выделиться и обрести уникальность в глазах аудитории. Подростки и молодежь, стремясь привлечь внимание и получить признание, создают и демонстрируют экстремальные, аморальные или опасные действия, которые вызывают сильные эмоции у зрителей и способствуют росту числа подписчиков и донатов.

В условиях быстроменяющегося контента в социальных сетях, чтобы оставаться востребованным, стримерам приходится постоянно удивлять аудиторию, что ведет к эскалации шокирующих и негативных поступков. Такой контент обеспечивает высокий уровень вовлеченности зрителей, которые чувствуют себя причастными к происходящему и могут влиять на ход трансляции через донаты и комментарии [3].

Для многих участников треш-стримов это способ реализовать потребность в социальном признании и самоутверждении, особенно если в реальной жизни они испытывают дефицит внимания, поддержки или имеют проблемы с самооценкой. Однако такая реализация часто сопровождается серьезным риском для психического и физического здоровья стримеров [3].

- Отсутствие возрастных ограничений и законодательных пробелов. Несмотря на запреты, треш-стримы продолжают распространяться, что делает их доступными для уязвимых групп, в том числе несовершеннолетних, которые еще не сформировали устойчивые моральные установки [6].

В итоге треш-стримы разрушают представления о морали, подрывая традиционные ценности, снижая чувствительность к насилию и аморальности, а также формируя у зрителей и участников искаженные нормы поведения и восприятия. Совет Федерации одобрил Закон о запрете треш-стримов [10].

Отсутствие возрастных ограничений и законодательных пробелов долгое время способствовало распространению треш-стримов, поскольку такой контент был доступен широкой аудитории, включая несовершеннолетних. До недавнего времени не существовало эффективных механизмов для быстрой блокировки и наказания за трансляции, содержащие сцены насилия, унижений и противоправных действий, что позволяло треш-стримерам набирать популярность и влиять на молодежь.

В России ситуация начала меняться с принятием в 2024 г. Закона о запрете треш-стримов [10]. Закон устанавливает административную и

уголовную ответственность за организацию и распространение такого контента, вводит штрафы для граждан, должностных и юридических лиц, а также предусматривает изъятие оборудования. Кроме того, Закон обязывает Интернет-платформы мониторить и оперативно удалять треш-стримы, а Роскомнадзор получил полномочия по ограничению доступа к таким трансляциям [10].

Однако до вступления Закона в силу и в силу сложности мониторинга и регулирования онлайн-контента треш-стримы оставались доступными для детей и подростков, что создавало серьезную угрозу их психическому здоровью и формированию моральных ценностей [12]. Отсутствие возрастных цензов и эффективного контроля позволяло молодым зрителям вовлекаться в деструктивный контент, а стримерам – использовать это для привлечения аудитории и заработка.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что треш-стримы популяризируют насилие и аморальное поведение, разрушая традиционные моральные ориентиры и оказывая негативное влияние на психику и поведение особенно уязвимых групп – подростков и молодежи. Это подтверждают и социологические исследования, проводимые в 2022 г., благодаря которым анализировалось влияние деструктивного контента на молодежь [11].

Втягивание аудитории через донаты и комментарии напрямую поощряет распространение и усиление негативного, аморального и опасного контента в треш-стримах. Идентификация с героями треш-стримов способствует формированию искаженных моральных установок, снижению чувствительности к насилию и аморальности, а также повышает риск подражания деструктивному поведению в реальной жизни. Шокирующий контент в треш-стримах становится инструментом удовлетворения потребности в признании и уникальности, что поддерживает популярность и распространение этого опасного жанра. Отсутствие возрастных ограничений и законодательных пробелов долгое время способствовало распространению треш-стримов и их негативному влиянию на уязвимые группы населения. Принятые меры направлены на устранение таких пробелов, защиту несовершеннолетних и повышение ответственности за распространение опасного контента.

Научно-технический и технологический прогресс в современном мире предлагает широкие возможности для развития общества и каждой отдельно взятой личности, но в то же самое время ставит перед социумом особые требования, касающиеся формирования ценностно-нравственных ориентиров.

Список литературы:

1. Берестовой, А.Н., Бавсун, М.В. Треш-стриминг: понятие, характеристика и методологические принципы в зарубежном законодательстве // Российский девиантологический ж-л. - 2023. - № 3. - С. 335-345.

2. Бугатова, Д.А. Социально-правовая природа треш-стримов // ExLegis: правовые исследования. - 2022. - № 1. - С. 9-12.
3. В НовГУ рассказали, почему людям нравится смотреть треш-стримы. [Электронный ресурс] // Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. - URL: <https://www.novsu.ru/university/press/news/237222/> (дата обращения: 11.07.2025).
4. Грачева, Ю.В., Маликов, С.В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации // Актуальные проблемы российского права. - 2021. - Т. 16. - № 6. - С. 202-210.
5. Гурьянов, С. Мальчики для биття: за шок-контент собираются наказывать жестко. [Электронный ресурс] // Известия. - URL: <https://iz.ru/1483089/sergei-gurianov/malchiki-dlia-bitia-za-shok-kontent-sobiraiutsia-nakazyvat-zhestko> (дата обращения: 01.08.2025).
6. Почему люди с ментальными особенностями попадают на треш-стримы и как с этим бороться. [Электронный ресурс] // Агентство социальной информации. - URL: <https://asi.org.ru/2024/04/12/tresh-strimy/> (дата обращения: 24.06.2025).
7. Приняты законы о запрете треш-стримов. [Электронный ресурс] // Гос. Дума Федерального собрания Российской Федерации. - URL: <http://duma.gov.ru/news/59795/> (дата обращения: 18.07.2025).
8. Путин: традиции и нравственные ориентиры составляют основу национальной идентичности РФ. [Электронный ресурс] // ТАСС. - URL: <https://tass.ru/obschestvo/16329405> (дата обращения: 04.08.2025).
9. Сахабутдинова, Р.А. Формирование нравственной культуры старших школьников в процессе изучения гуманитарных дисциплин: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. - Казань, 2005. - 216 с.
10. Совет Федерации одобрил Закон о запрете треш-стримов. [Электронный ресурс] // Известия. - URL: <https://iz.ru/1736896/2024-08-02/soviet-federacii-odobril-zakon-o-zaprete-tresh-strimov> (дата обращения: 15.06.2025).
11. Титор, С.Е. Роль сети «Интернет» в современной жизни детей и подростков: анализ соц. опроса // Вестник ГУУ. - 2023. - № 1. - С. 213-221.
12. Федорова, М. Член ОП РФ Малькевич напомнил об опасности треш-стримов для подростков. [Электронный ресурс] // Парламентская газета. - URL: <https://www.pnp.ru/social/chlen-op-rf-malkevich-napomnil-ob-opasnosti-tresh-strimov-dlya-podrostkov.html> (дата обращения: 04.06.2025).

ЧАСТЬ IV. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Глава 8. Гражданско-правовые и процессуальные аспекты защиты прав и восстановления нарушенных интересов

§ 8.1. Гражданско-правовая ответственность в сфере недропользования и восстановление нарушенных прав участников

Салиева Р.Н.

Недра являются важным природным ресурсом государства, имеющим огромное экономическое значение. Регулирование отношений в сфере недропользования осуществляется комплексом правовых норм, разными нормативными правовыми актами, имеющими разноотраслевой характер и способствующими обеспечению сохранности ресурсов. Одно из направлений норм данного правового института - защита и восстановление нарушенных прав участников.

Недропользование представляет собой сложный процесс взаимодействия государства, бизнеса и общества, связанный с извлечением полезных ископаемых из недр земли. Пользование недрами возможно лишь на основании специально выданной лицензии, подтверждающей право конкретного лица осуществлять соответствующую деятельность на конкретном участке недр. Исходя из предмета регулирования Закона РФ «О недрах», недропользование охватывает круг отношений, которые непосредственно связаны с использованием и охраной недр. Круг этих отношений определен во вводной части Закона «О недрах».

В перечисленных сферах отношений осуществляется деятельность недропользователей, которая связана с использованием участков недр. Соответственно, участниками отношений выступают государство как собственник недр, пользователи недр, получившие соответствующее разрешение, и граждане, которые могут осуществлять пользование для бытовых целей в границах земельного участка.

В рамках лицензии недропользование сопровождается серьезными рисками: экономическими, производственными, экологическими и другими. В случае нарушения установленных норм и правил, в частности, в связи экологическими нарушениями, конфликтом интересов между недропользователями и государством, в связи с нарушением прав граждан и организаций в сфере недропользования, для нарушителей наступает юридическая ответственность.

Законом РФ «О недрах» установлен особый режим регулирования, который включает в себя меры административной и уголовной ответственности за правонарушения в сфере пользования недрами. Так, положениями

раздела VI указанного Закона закреплены правила об административной и уголовной ответственности в области недропользования (ст. 49), а также нормы об обязательности возмещения вреда, причиненного недрам (ст. 51). Непосредственно основания и условия привлечения к административной и уголовной ответственности определены соответственно в главе 8 КоАП РФ и в главе 26 УК РФ. Вместе с тем, в ст. 51 Закона РФ «О недрах» закреплено общее правило о том, что причинители вреда недрам должны возместить причиненный вред. При этом установлено отсылочно, каким нормативным правовым актом, принятым на уровне Правительства РФ, регламентируется порядок⁵¹. Расчет размера вреда производится на основании официально утвержденных методик, введенных указанным документом. Данная методика ограничивает возможность полного возмещения убытков, поскольку основывается на строгих критериях расчетов.

В юридической литературе отмечается особенность данного порядка, связанная с ограничением общего правила о возмещении вреда, установленного в ст. 1064 ГК РФ, на уровне подзаконного нормативного акта, хотя по правилам ст. 400 ГК РФ такое ограничение может устанавливаться на уровне закона [10]. Следует согласиться с авторами, отмечающими, что, согласно положениям ст. 400 ГК РФ, возможно в отдельных случаях установление ограничения подлежащего возмещению вреда, и оно может быть введено на уровне закона. Данное обстоятельство свидетельствует о необходимости включения в Закон РФ «О недрах» соответствующих положений.

В сфере недропользования отношения ответственности в части возмещения вреда восстановления нарушенных прав имеют гражданско-правовой характер, при этом защищаются имущественные права участников отношений недропользования.

Основаниями привлечения к ответственности могут быть:

1. Нарушение условий лицензионного соглашения.
2. Несоблюдение требований экологической безопасности.
3. Незаконное использование земельных участков.
4. Нарушение правил охраны окружающей среды.
5. Неправомерные действия должностных лиц государственных

органов.

На основе обобщения практики рассмотрения дел о возмещении вреда в сфере природопользования даны разъяснения Верховного Суда РФ⁵². Отмечается, что способ возмещения причиненного вреда выбирается истцом.

В рассматриваемых делах судами принимаются во внимание вопросы восстановления состояния окружающей среды, а также учитываются наличие

⁵¹ Постановление Правительства РФ от 04.07.2013 г. № 564 «Об утверждении Правил расчета размера вреда, причиненного недрам вследствие нарушения законодательства Российской Федерации о недрах» // Собр. законодат. РФ. - 15.07.2013. - № 28. - Ст. 3830.

⁵² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2018. - № 2.

публичного интереса в поддержании окружающей среды в благоприятном состоянии, доводы участников процесса. В основе решения находятся все исследуемые обстоятельства, при этом учитываются цели, задачи природоохранного законодательства (пункты 1-2 ст. 78 Закона об охране окружающей среды; ч. 1 ст. 196 ГПК РФ; ч. 1 ст. 168 АПК РФ).

В Обзоре судебной практики выделены часто встречающиеся основания возложения ответственности⁵³.

Наиболее распространенной формой гражданско-правовой ответственности в исследуемой сфере является возмещение убытков. Оно включает компенсацию реального ущерба и упущенную выгоду, понесенные вследствие противоправных действий субъектов правоотношений. Например, в том случае, если недропользователь начал разработку месторождения полезных ископаемых на частных землях без согласования с собственником участка. В случае возникновения спора и рассмотрения его судом по решению суда компания обязана будет возместить владельцу стоимость поврежденного имущества и затраты на приведение земельного участка в первоначальное состояние.

Анализ правоприменительной практики и специальной литературы показывает, что нормы института возмещения вреда, причиненного как в целом окружающей среде, так, в частности, недрам в сфере недропользования, способствуют решению вопросов охраны окружающей среды, защиты прав участников отношений в сфере природопользования⁵⁴.

Также проведенный анализ показывает, что имеются теоретические вопросы определения, в частности, понятий «окружающая среда» [5], «экологический вред» [7].

Проведенный анализ специальных законов в сфере природопользования показал, что в структуре законов обязательно содержится норма о возмещении причиненного вреда, а также правило об определении размера причиненного вреда в соответствии с установленными таксами и методиками и о возмещении фактических затрат на восстановление нарушенного состояния при отсутствии таких методик⁵⁵. Правовые позиции

⁵³ Обзор судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.06.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2022. - № 10.

⁵⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2018. - № 2.

⁵⁵ Ст. 59 Федер. закона от 21.11.1995 г. № 170-ФЗ (ред. от 18.03.2019) «Об использовании атомной энергии» // Собр. законодат. РФ. - 27.11.1995. - № 48. - Ст. 4552; Ст. 32 Федер. закона от 04.05.1999 г. № 96-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «Об охране атмосферного воздуха» // Собр. законодат. РФ. - 03.05.1999. - № 18. - Ст. 2222; ст. 69 Водного кодекса Российской Федерации от 03.06.2006 г. № 74-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собр. законодат. РФ. - 05.06.2006. - № 23. - Ст. 2381; ст. 76 Земельного кодекса // Собр. законодат. РФ. - 29.10.2001. - № 44. - Ст. 4147; ст. 51 Закона «О недрах» // Собр. законодат. РФ. - 06.03.1995. - № 10. - Ст. 823; ст. 100 Лесного кодекса // Собр. законодат. РФ. - 11.12.2006. - № 50. - Ст. 5278; ст. 56 Федер. закона от 24.04.1995 № 52-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О

Конституционного Суда Российской Федерации помогают в разрешении возникающих вопросов. Так, Конституционный Суд РФ отметил особенности возмещения экологического ущерба:

а) неочевидность причинно-следственных связей между негативным воздействием на природную среду и причиненным вредом, что предопределяет трудность или невозможность возмещения вреда в натуре и исчисления причиненного вреда, и в силу этого - условность оценки его размера;

б) сложность его проявлений, включающих: 1) экологический вред окружающей среде; 2) вред, причиняемый здоровью человека (социальный вред); 3) вред имуществу, находящемуся в частной или публичной собственности (экономический вред)⁵⁶. Отмечена также необходимость применения методик⁵⁷.

В литературе высказывается предложение о целесообразности применения понятия «вред, причиненный окружающей среде» [6], также авторами отмечается, что при определении вреда, причиненного недрам, целесообразно учесть те результаты хозяйственной деятельности, которые влекут за собой причинение вреда окружающей среде в целом [11].

Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации способствуют формированию единообразной практики и обоснованию теоретических предложений по вопросам определения основных понятий. Для примера можно привести, в частности, Определение Конституционного Суда РФ от 09.02.2016 г. № 225-О⁵⁸, Постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 г. № 12-П⁵⁹. В указанном Постановлении Конституционным Судом РФ отмечено, что поскольку эксплуатация природных ресурсов, их вовлечение в хозяйственный оборот наносят ущерб окружающей среде, издержки на осуществление государством мероприятий по ее восстановлению в условиях рыночной экономики должны покрываться, прежде всего, за счет

животном мире» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Собр. законодат. РФ. - 24.04.1995. - № 17. - Ст. 1462.

⁵⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 99, ч. 2 ст. 100 Лесного кодекса РФ и положений Постановления Правительства РФ «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения Лесного законодательства» в связи с жалобой ООО «Заполярье» // Собр. законодат. РФ. - 15.06.2015. - № 24. - Ст. 3547.

⁵⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 21 дек. 2011 г. № 1743-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ООО «Ува-молоко» на нарушение конституционных прав и свобод ч. 2 ст. 69 Водного кодекса РФ и п. 3 ст. 77, п. 1 ст. 78 Федер. закона «Об охране окружающей среды» // Определение размещено на сайте Конституционного Суда РФ (<http://www.ksrf.ru>).

⁵⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 09.02.2016 г. № 225-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ООО «Монолит и К» на нарушение конституционных прав и свобод п. 3 ст. 77 и п. 1 ст. 78 Федер. закона «Об охране окружающей среды» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 99, ч. 2 ст. 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений Постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения Лесного законодательства» в связи с жалобой ООО «Заполярье» // Собр. законодат. РФ. - 15.06.2015. - № 24. - Ст. 3547.

субъектов хозяйственной и иной деятельности, оказывающей негативное воздействие на окружающую природную среду. Публичная власть, также несущая конституционную ответственность за сохранение природы и окружающей среды, обязана, в свою очередь, принимать меры, направленные на сдерживание загрязнения окружающей среды, предупреждение и минимизацию экологических рисков.

Необходимо также отметить, что высказываются разные предложения по решению вопроса о возмещении вреда, причиненного недрам: об экономической ответственности недропользователей за причиненный ущерб⁶⁰, о внесении дополнений и изменений в ГК РФ и принятие Закона о возмещении экологического вреда [2] и целесообразности закрепления экономической ответственности недропользователей [12].

Специальные правила содержатся в Постановлении Правительства от 28.12.2020 г. № 2295⁶¹. В частности, отмечается особенность, согласно которой в соответствии с п. 5 Правил, эксплуатирующая организация обеспечивает уплату суммы причиненного вреда, а также расходов на привлечение дополнительных сил и средств единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в течение месяца со дня получения от органов госнадзора соответствующего требования [4; 9].

Конституционным Судом РФ отмечено, что перечень способов защиты нарушенных прав является открытым (Постановление от 9 апр. 2020 г. № 16-П)⁶².

Механизмы защиты и возмещения вреда участники могут реализовать несколькими путями:

1. Досудебный порядок урегулирования споров.

Перед обращением в суд заинтересованные лица могут урегулировать конфликт мирным путем через переговоры, соглашения сторон, заключение мировых соглашений и добровольное выполнение обязательств.

2. Судебный порядок разрешения конфликтов.

Защита прав осуществляется посредством подачи иска в судебные органы общей юрисдикции или арбитражные суды. Рассмотрение дела проходит по правилам процессуального законодательства, с соблюдением принципов состязательности и равноправия сторон. Заинтересованные лица имеют право привлекать к процессу представителей общественных

⁶⁰ Модельный кодекс о недрах и недропользовании для государств-участников СНГ (Принят в г. Санкт-Петербург 07.12.2002 г. Постановлением 20-8 на XX Пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информац. бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. - 2003. - № 30 (ч. 2). - С. 5-218.

⁶¹ Постановление Правительства РФ от 28.12.2020 г. № 2295 // Собр. законодат. РФ. - 04.01.2021. - № 1 (ч. II). - Ст. 153.

⁶² Постановление Конституционного Суда РФ от 09.04.2020 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности п. 2 ч. 3 ст. 104 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в связи с жалобой гражданина В.В. Сонина» // Вестник Конституционного Суда РФ. - 2020. - № 3.

организаций, научных учреждений, органов местного самоуправления, чтобы подтвердить наличие факта нарушения либо обосновать размер компенсации. С учетом правоприменительной практики целесообразно в специальных природоресурсных законах - Лесном кодексе РФ, Водном кодексе РФ, в Законе РФ «О недрах» - предусмотреть ссылки на общие положения гражданского законодательства о возмещении вреда, а также ссылки на общие нормы Закона РФ «Об охране окружающей среды» о возмещении вреда, причиненного в связи с нарушением законодательства [13].

Эффективное применение предусмотренных в законодательстве мер гражданско-правовой ответственности и мер восстановления нарушенных прав в сфере недропользования способствует устойчивому развитию отрасли и соблюдению баланса интересов всех участников в сфере пользования недрами.

Список литературы:

1. Брославский, Л.И. России нужен закон о возмещении экологического вреда // Экологическое право. - 2020. - № 3. - С. 37-43.
2. Брославский, Л.И. Ответственность хозяйствующего субъекта за причинение экологич. вреда // Хозяйство и право. - 2023. - № 5. - С. 69-96.
3. Бринчук, М.М. Благоприятная окружающая среда - важнейшая категория права // Ж-л российского права. - 2008. - № 9. - С. 37-52.
4. Винницкий, А.В., Вагина, О.В., Гаевская, Е.Ю. Актуальные вопросы возмещения вреда, причиненного недрам вследствие нарушения экологич. законодательства // Современное право. - 2022. - № 6. - С. 84-90.
5. Голиченков, А.К. Экологическое право России: Словарь юридических терминов: Учебное пос. для вузов. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: ИД «Городец», 2012. - С. 249.
6. Краснова, И.О. Конкретизация как способ совершенствования законодательства // Lexrussica. - 2016. - № 6. - С. 146-157.
7. Жаворонкова, Н.Г., Агафонов, В.Б. Правовые проблемы возмещения прошлого (накопленного) экологического вреда в сфере недропользования // Актуальные проблемы российского права. - 2016. - № 1. - С. 85-92.
8. Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Возмещение экологического вреда: законодательные новеллы // Lexrussica. - 2016. - № 8. - С. 130-140.
9. Пешкова (Белогорцева), Х.В., Аверина, К.Н., Бергер, Е.В., Борисов, А.А., Ведышева, Н.О., Гаевская, Е.Ю., Иванова, Ж.Б., Камынина, Н.Р., Коновальчикова, С.С., Левочки, В.В., Марьин, Е.В., Налетов, К.И., Чернущ, Н.Ю., Вагина (Шихалева), О.В., Бабич, А.А., Котухов, С.А., Югова, Л.И. Комментарий к Закону Российской Федерации от 21 февр. 1992 г. № 2395-1 «О недрах» // СПС «КонсультантПлюс». - 2021.
10. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: Монография / А.В. Белицкая, В.С. Белых, О.А. Беляева и др. / Отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. -

М.: Юстицинформ, 2019. - 376 с.

11. Салиев, И.Р. Правовое регулирование в области обеспечения охраны недр при разработке нефтяных месторождений в Российской Федерации и в СНГ // Энергетическое право. - 2014. - № 2. - С. 42-47.

12. Салиева, Р.Н. Правоприменительная практика по вопросам возмещения вреда, причиненного недрам / Р.Н. Салиева // Ученые записки Казанского филиала Российского гос. ун-та правосудия. - 2021. - Т. 17. - С. 109-116.

13. Салиева, Р.Н. Вопросы возмещения вреда, причиненного недрам и другим природным объектам, в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. - Казань. - 2021. - № 16. - С. 147-153.

§ 8.2. Цифровые технологии в гражданском судопроизводстве и обеспечение процессуального равенства сторон

Ахметов Р.Р., Ахметова А.Р.

В последние десятилетия цифровизация стала одним из основных направлений развития общества, трансформируя все сферы общественной жизни, включая деятельность государственных институтов. Одним из направлений такой трансформации является цифровизация судебной системы, которая затронула, в частности, гражданское судопроизводство. Подача исков через электронные ресурсы, проведение дистанционных судебных заседаний и использование электронного документооборота становятся неотъемлемыми элементами современной системы правосудия.

Цифровизация гражданского процесса представляет собой внедрение современных информационных и коммуникационных технологий в юридическую практику с целью повышения эффективности судопроизводства, расширения доступности правосудия и обеспечения прозрачности судебных решений [1]. Теоретически, цифровизация позволяет преобразовать традиционные формы судебного взаимодействия и снизить издержки, связанные с проведением судебных процедур. Основные теоретические подходы к цифровизации гражданского процесса включают два взаимосвязанных аспекта: технологический и правовой.

С технологической точки зрения цифровизация предполагает создание и использование различных электронных инструментов и платформ, таких как электронное правосудие, системы управления делами и автоматизированные правовые базы данных. Эти технологии направлены на повышение эффективности работы судов, упрощение процессуальных процедур и обеспечение равного доступа к судебной защите для всех участников гражданского судопроизводства.

Правовой контекст цифровизации связан с необходимостью разработки новых норм и механизмов, которые бы регулировали

использование технологий и гарантировали права граждан на справедливое и независимое правосудие. Иными словами, законодательство должно адаптировать традиционные правила к новым цифровым реалиям, обеспечивая юридическую силу электронных действий, безопасность персональных данных и соблюдение прав всех участников процесса [2].

На сегодняшний день гражданское судопроизводство в Российской Федерации характеризуется постепенной интеграцией цифровых технологий, охватывая все большее число процессуальных действий. Такая интеграция обусловлена как потребностью повышения эффективности и оперативности работы судов, так и изменениями в правовом регулировании, предусматривающими обязательность направления отдельных процессуальных документов в электронном виде, а также возможность осуществления процессуальных действий с использованием цифровых механизмов.

На практике выражается в возможности участия в судебных заседаниях посредством видеоконференцсвязи, направления процессуальных документов через государственную автоматизированную систему «Правосудие», а также совершения иных юридически значимых действий с использованием электронных платформ, которые становятся неотъемлемыми элементами современного гражданского процесса.

Цифровизация гражданского судопроизводства позиционируется как важный шаг к повышению эффективности и доступности судебной защиты. Однако подобные технологические изменения не только модернизируют судебную практику, но и актуализируют вопросы обеспечения принципов гражданского процесса, прежде всего принципа процессуального равенства сторон.

Принцип процессуального равенства сторон традиционно рассматривается как одно из основополагающих начал гражданского судопроизводства, отражающего идею юридического равноправия участников спора перед судом и гарантирующего каждой из сторон равную возможность реализовать свои процессуальные права. Этот принцип закреплен в ст. 12 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и находит подтверждение в международно-правовых актах, прежде всего в ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой каждое лицо имеет право на справедливое судебное разбирательство, включающее равноправие сторон и обеспечение условий для эффективного участия в процессе.

Реализация принципа процессуального равенства сторон предполагает не только формальное равенство процессуальных прав, но и реальную возможность каждой из сторон в равной мере пользоваться доступными средствами судебной защиты, представлять доказательства, участвовать в рассмотрении дела, заявлять ходатайства и возражения, а также реализовывать иные процессуальные права, направленные на защиту интересов стороны в

рамках судопроизводства, в том числе право на обжалование судебных актов, если это необходимо для восстановления нарушенных прав [3].

Традиционное очное судопроизводство обеспечивает реализацию принципа процессуального равенства сторон посредством устоявшихся процедурных механизмов, направленных на создание равных условий для обеих сторон в рамках судебного разбирательства. Это включает в себя личное присутствие в зале заседания, возможность непосредственного обращения к суду, устное изложение своей позиции, своевременное реагирование на действия противоположной стороны, предъявление доказательств в режиме реального времени, а также наблюдение за поведением участников процесса и получение оценки со стороны суда. В совокупности это формирует такую процессуальную среду, в которой достижение реального равенства сторон становится не только юридически декларируемым, но и практически достижимым.

В свою очередь, цифровизация гражданского процесса приводит к тому, что равенство сторон, традиционно обеспечиваемое за счет непосредственного участия в заседании и взаимодействия с судом, начинает зависеть от внешних по отношению к судопроизводству факторов [4].

Применение электронных платформ, участие в дистанционных судебных заседаниях, представление доказательств в цифровой форме и использование инструментов удаленного взаимодействия требуют от участников не только владения базовыми техническими навыками, но и наличия стабильного доступа к соответствующей инфраструктуре, включая надежное Интернет-соединение, современное оборудование и программное обеспечение, позволяющее полноценно осуществлять предусмотренные процессуальным законом действия в цифровом формате.

Помимо этого, эффективное участие в цифровом судопроизводстве предполагает понимание процедур электронного документооборота, знание порядка авторизации и направления процессуальных документов, а также способность ориентироваться в интерфейсах специализированных цифровых платформ, которые, как показывает практика, зачастую недостаточно интуитивны и не всегда учитывают специфику отдельных категорий участников процесса.

Недостаток одного или нескольких из таких условий, будь то техническая неподготовленность, ограниченные ресурсы или отсутствие цифровой грамотности, создает предпосылки для возникновения фактического неравенства между сторонами, особенно в тех случаях, когда речь идет о социально уязвимых участниках гражданского процесса, таких как пожилые лица, люди с ограниченными возможностями здоровья, жители сельских и отдаленных территорий, а также представители иных групп, для которых самостоятельное участие в цифровом процессе сопряжено с объективными трудностями [5].

Так, недостаток цифровой грамотности или доступа к необходимой технической инфраструктуре в контексте гражданского судопроизводства перестает быть лишь вопросом удобства. По мере того, как доступ к правосудию все больше зависит от цифровых инструментов, такое неравенство выходит за рамки технической или организационной проблемы и приобретает правовое значение, затрагивая гарантии справедливого судебного разбирательства и нарушая принцип равенства сторон в гражданском процессе.

Развитие цифровых механизмов в гражданском судопроизводстве не только трансформирует порядок реализации процессуальных прав, но и обостряет существующие различия в возможностях их осуществления. Анализируя особенности цифровизации гражданского судопроизводства, представляется необходимым затронуть проблему цифрового неравенства, которое проявляется не только как различие в уровне доступа к цифровым технологиям, но и как разграничение по характеру их использования, по степени цифровой грамотности участников процесса, а также по объему возможностей, предоставляемых цифровой средой [6]. Цифровое неравенство, проявляющееся как между отдельными категориями участников процесса, так и между различными социальными группами, нередко фактически сводит на нет гарантии процессуального равенства, формально закрепленные в законе.

Цифровое неравенство в литературе понимается как «неравномерный и неравный доступ стран, социальных групп и отдельных пользователей к сетевой телекоммуникационной инфраструктуре, цифровым устройствам, услугам и контенту, что является следствием комплекса разных причин технологической, экономической, социально-политической, индивидуальной природы, ограничивающих возможности людей во всех сферах их жизни» [7].

В рамках гражданского судопроизводства данное явление проявляется в виде расслоения между участниками процесса по уровню обеспеченности цифровыми ресурсами, степени технической и правовой грамотности, способности адаптироваться к использованию специализированных цифровых сервисов [8]. Это, в свою очередь, отражается не только на качестве взаимодействия с судом, но и на возможности надлежащей реализации процессуальных прав, включая право представлять доказательства, заявлять ходатайства и получать информацию по делу в электронной форме.

Цифровое неравенство в гражданском процессе может быть структурировано по следующим основаниям:

- материально-техническое обеспечение участников (наличие устройств, соответствующих требованиям для участия в цифровом процессе, например, при видеоконференц-связи или использовании личного кабинета в Государственной автоматизированной системе «Правосудие»);
- наличие стабильного подключения к сети «Интернет», способного обеспечивать качественную и непрерывную передачу данных;

- доступность цифровых сервисов, предоставляемых государством и судом, включая возможность подачи документов в электронной форме, получение информации о движении дела, участие в судебных заседаниях дистанционно;

- уровень цифровой грамотности лиц, участвующих в деле, их способность пользоваться электронной цифровой подписью, формировать и направлять электронные документы, ориентироваться в интерфейсах соответствующих платформ.

Перечисленные основания позволяют выделить два взаимосвязанных аспекта цифрового неравенства. Во-первых, технический, охватывающий вопросы обеспечения участников процесса необходимым оборудованием и стабильным подключением к сети «Интернет», и, во-вторых, социально-правовой, проявляющийся в различном уровне цифровой грамотности, обусловленном возрастом, уровнем образования, социально-экономическим положением и территориальной удаленностью. В совокупности эти факторы формируют структурное неравенство в доступе к правосудию, при котором одни участники оказываются в более благоприятных условиях, тогда как другие находятся в положении, затрудняющем реализацию их процессуальных прав.

В наибольшей степени данное неравенство проявляется в отношении отдельных социально уязвимых категорий граждан. Так, например, пожилые участники, особенно проживающие вне крупных городов, нередко сталкиваются с совокупностью факторов, включая ограниченный доступ к современным устройствам и стабильному подключению к сети «Интернет», а также недостаточные навыки работы с цифровыми сервисами и снижение интереса к их освоению [9]. Такие обстоятельства приводят к пропуску процессуальных сроков, невозможности ознакомления с представленными доказательствами и другими документами, а также ограничивают реализацию права на подачу возражений, ходатайств или апелляционных жалоб. Совокупность этих факторов снижает качество правовой защиты и становится источником фактического неравенства между участниками гражданского процесса, ограничивая доступ к правосудию для социально уязвимых граждан.

Аналогичные трудности характерны и для лиц с особыми потребностями, поскольку используемые в гражданском судопроизводстве электронные платформы в ряде случаев оказываются технически и функционально неадаптированными для граждан с нарушениями зрения, слуха, моторики и когнитивных функций. Отсутствие интерфейсов, соответствующих принципам доступности, либо несовместимость программных решений с адаптивными технологиями приводят к фактическому исключению таких участников из полноценного осуществления процессуальных прав. Подобная практика не только противоречит основополагающему принципу равного доступа к правосудию, но и не соответствует международным обязательствам Российской Федерации, вытекающим, в частности, из ст. 13 Конвенции о пра-

вах инвалидов, требующей обеспечения эффективного доступа лиц с инвалидностью к системе правосудия наравне с другими.

Представляется, что вектор на дальнейшую цифровую трансформацию судебной деятельности будет сохраняться и усиливаться, вплоть до того, что использование цифровых инструментов, в том числе расширение функционала соответствующих электронных платформ, развитие систем межведомственного взаимодействия и сокращение документооборота в бумажной форме, станет обязательным условием доступа к правосудию.

Отсутствие навыков работы с государственными электронными сервисами, использования квалифицированной электронной подписи, а также отсутствие материальной возможности приобрести технические средства, отвечающие минимальным требованиям для участия в дистанционных заседаниях в случае полной цифровизации гражданского судопроизводства, станут факторами, которые могут фактически исключить отдельные категории граждан из полноценного участия в судебных процедурах [10]. Может сложиться ситуация, при которой формально равные участники процесса оказываются в заведомо неравном положении. В то время как одна из сторон, например, государственный орган, орган местного самоуправления, кредитная организация или иное юридическое лицо, имеющее в штате квалифицированного специалиста или профессионального представителя, обладает достаточными ресурсами, опытом и подготовкой для полноценного использования цифровых инструментов, другая сторона может оказаться лишенной как технических возможностей, так и необходимых знаний.

Возможность перехода гражданского судопроизводства в преимущественно цифровую форму, при которой подача искового заявления, направление процессуальных документов, а также участие в судебных заседаниях смогут осуществляться исключительно посредством электронных платформ, представляется вполне вероятной в ближайшей перспективе.

Подобный вектор развития, обусловленный как объективными технологическими изменениями, так и административными приоритетами в области цифровизации правосудия, может потребовать от участников не только формальной правовой готовности, но и фактической способности реализовать свои процессуальные права с использованием соответствующих технических средств. Переход к преимущественному или исключительному формату цифрового взаимодействия в гражданском процессе способен привести к неравенству сторон, поскольку подача документов в электронной форме, представление доказательств и участие в дистанционных заседаниях требуют от участников не только правовой, но и технической готовности.

Для преодоления такого неравенства требуется внедрение комплексных мер, направленных на обеспечение доступности судебных процедур для всех категорий участников.

К таким мерам можно отнести предоставление консультационной

поддержки гражданам, использующим цифровые сервисы для взаимодействия с судом, создание удобных и интуитивно понятных сервисов, в том числе для граждан, не обладающих навыками работы в сети «Интернет», а также для лиц с ограниченными возможностями здоровья [11]. Кроме того, принципиально важно сохранить традиционный порядок судебного взаимодействия и обеспечить свободу выбора участниками процесса наиболее подходящего для них формата. Совокупность этих мер позволит обеспечить реальное, а не только формальное равенство сторон в условиях цифровизации правосудия. Таким образом, правовые механизмы в контексте цифровых технологий предоставляют правообладателям правовую защиту и содействуют развитию инноваций и креативности. Гибкость правовых защитных механизмов означает их постоянное усовершенствование и адаптацию к изменяющейся цифровой среде, при этом ожидаемые эффекты имеют не только правовое, но и экономическое, а также социокультурное значение [12].

Цифровизация гражданского судопроизводства способствует ускорению рассмотрения дел, упрощению подачи процессуальных документов и расширению доступа участников к судебной информации, однако внедрение цифровых технологий одновременно и обостряет проблему цифрового неравенства, проявляющуюся в различиях по доступу к техническим средствам, уровню цифровой грамотности и способности эффективно использовать электронные платформы.

При дальнейшем развитии и внедрении цифровых технологий в гражданский процесс игнорирование этих различий может привести к ситуации, когда формально равные участники оказываются в заведомо неравном положении, что напрямую затрагивает реализацию одного из основополагающих начал гражданского процесса - принципа процессуального равенства сторон. Цифровизация призвана обеспечивать расширение доступа к правосудию, а не создавать новые препятствия для реализации процессуальных прав. Законодательство и практика судопроизводства обязаны предусматривать механизмы, гарантирующие равные возможности для всех участников процесса, независимо от их социального положения, уровня цифровой подготовки или территориальной удаленности.

Список литературы:

1. Журавлева, М.Д. Цифровизация гражданского судопроизводства: вызов правосудию или благо для современного общества // Социальные нормы и практики. - 2024. - № 2. - С. 22-35.
2. Гелиева, И.Н. Использование цифровых технологий в гражданском судопроизводстве // Ученые записки Крымского федер. ун-та им. В.И. Вернадского. Юрид. науки. - 2023. - № 3. - С. 349-355.
3. Шляхтин, Н.Д. Принципы равноправия и состязательности: их содержание и реализация в судебной практике // Ж-л «Право и управление». -

2024. - № 11. - С. 142-146.

4. Харитонов, Ю.С., Ян, Т. Правовые проблемы трансформации основных начал правосудия в условиях цифровизации цивилистического процесса в России и Китае // Вестник граждан. процесса. - 2023. - Т. 13. - № 1. - С. 203-235.

5. Петришин, А.П. Влияние цифровых технологий на реализацию принципа гласности правосудия // Образование и право. - 2021. - № 10. - С. 209-213.

6. Платонова, С.И. Цифровое неравенство как новая форма социального неравенства // Интеллект. Инновации. Инвестиции. - 2024. - № 6. - С. 139-149.

7. Вартанова, Е.Л., Гладкова, А.А. Цифровое неравенство, цифровой капитал, цифровая включенность: динамика теоретических подходов и политических решений // Вестник Московского ун-та. - Серия 10: Журналистика. - 2021. - № 1. - С. 3-29.

8. Váradi, Á. Remarks on access to justice and the digital divide from the aspect of procedural law. [Электронный ресурс] // Multidiszciplináris Tudományok. - 2024. - Vol. 14. - Pp. 61-71. - URL: https://www.researchgate.net/publication/387188138_Remarks_on_access_to_justice_and_the_digital_divide_from_the_aspect_of_procedural_law (дата обращения: 13.08.2025).

9. Kuźlewska, E., Tomaszuk, M., Malinowski, D. The Elderly Digital Divide: Digital Exclusion Versus the Right not To Use the Internet. [Электронный ресурс] // International Journal for the Semiotics of Law. - 2025. - URL: <https://doi.org/10.1007/s11196-025-01624-2> (дата обращения: 13.08.2025).

10. Задорожная, В.А. Цифровое неравенство в доступе потерпевших к уголовному правосудию: дефиниция понятия // Виктимология. - 2022. - № 1. - С. 40-48.

11. Федина, А.С. Влияние процессов информатизации и цифровизации сферы правосудия на реализацию отдельных принципов гражданского процесса // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. - 2025. - № 2. - С. 110-117.

12. Аламова, С.М. Правовые механизмы защиты интеллектуальной собственности в контексте цифровизации / С.М. Аламова // Право и государство: теория и практика. - 2024. - № 9 (237). - С. 348-351. - DOI: 10.47643/1815-1337_2024_9_348. - EDN RTCQMZ.

13. Ахметов, Р.Р. Организация гражданского процесса в период пандемии: вызовы и решения / Р.Р. Ахметов // Российское государство, право, экономика и общество: проблемы и пути развития: Материалы Национ. науч.-практ. конф. - Наб. Челны, 24 сент. 2021 г. - Казань: ИЦ Университета управления «ТИСБИ», 2021. - С. 12-16. - EDN ZAITDI.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коллективная монография «Современные концепты защиты прав человека: актуальные проблемы» представляет собой комплексное исследование, посвященное одной из центральных проблем правовой науки и практики на различных уровнях ее проявления - от философских основ до специальных направлений защиты.

Предложенный авторами анализ демонстрирует, что современная защита прав человека не может рассматриваться исключительно с позиций какой-либо одной правовой отрасли или методологического подхода. Первая часть монографии, посвященная теоретико-философским основам, убедительно показала, что понимание прав человека требует единства философского осмысления, исторического анализа и нормативно-правовой регламентации. Вторая часть работы, анализирующая международные механизмы и стандарты защиты прав человека, выявила сложную диалектику между универсальными принципами и национальным правовым суверенитетом. Третья часть монографии, исследующая уголовно-правовые и криминологические аспекты защиты прав человека, раскрывает тесную взаимосвязь между репрессивными механизмами государства и защитой прав личности. В четвертой части о гражданско-правовых и процессуальных аспектах защиты прав показаны практические инструменты, через которые реализуется правовая защита в системе частного права.

Проведенное коллективное исследование позволяет сформулировать ряд ключевых выводов:

- Во-первых, эффективная защита прав человека возможна только при условии комплексного подхода, охватывающего все уровни и направления правовой системы. Отдельные успехи в одной области права (например, в уголовном праве) не способны компенсировать недостатки в других областях (гражданском, административном, трудовом праве). Система защиты прав человека - это не совокупность разрозненных механизмов, а интегрированное целое, в котором каждый элемент функционирует в связи с другими.

- Второй вывод подчеркивает критическую роль юридического образования, формирования правосознания и этического воспитания будущих юристов. Технического совершенства правовых норм недостаточно для защиты прав человека, если те, кто применяет эти нормы, не обладают необходимой моральной зрелостью, профессиональным сознанием и пониманием значимости своей роли в системе правовой защиты. Кризисы правовой системы часто являются кризисами правосознания и нравственности ее субъектов.

- В-третьих, система защиты прав человека нуждается в постоянной адаптации к новым вызовам современности. Цифровизация общества, трансформация социальных структур, глобальные угрозы (террористические, экологические, эпидемиологические) требуют инновационных подходов к

защите традиционных прав и признания новых, сообразных изменившимся условиям существования человека. Монография предлагает примеры такой адаптации в виде анализа киберпреступности, права на живое общение, цифровых технологий в судопроизводстве.

Безусловно, правовая наука не может развиваться в изоляции от этих смежных областей знания. Междисциплинарный подход, реализованный в данной монографии, позволяет избежать узкопрофильной фрагментарности и обеспечить целостное понимание проблемы защиты прав человека.

Коллективная монография, надеемся, будет способствовать дальнейшему развитию отечественной юридической науки, обогащению методологического инструментария, углублению понимания природы прав человека и совершенствованию механизмов их защиты.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айнутдинова Ирина Наильевна - доктор педагогических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань).

Айнутдинова Карина Артуровна - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, УВО «Университет управления «ТИСБИ» (г. Казань).

Аламов Ильдар Ленирович - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, УВО «Университет управления «ТИСБИ» (г. Казань).

Аламова Светлана Мухаметовна - кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права, УВО «Университет управления «ТИСБИ» (г. Казань).

Ахметов Рустем Рифович - старший преподаватель кафедры юридических и гуманитарных дисциплин, НчФ УВО «Университет управления «ТИСБИ» (г. Набережные Челны).

Ахметова Альмира Рустемовна - преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права, УВО «Университет управления «ТИСБИ» (г. Казань).

Бадамин Салават Курбангалиевич - кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, УВО «Университет управления «ТИСБИ» (г. Казань).

Белослудцев Олег Станиславович - кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права, ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарева» (г. Саранск).

Бодурова Гулшан Гурезовна - кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры международного и европейского права, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань).

Бухмин Сергей Владимирович - кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань).

Гатауллин Зюфяр Шакирович - доктор юридических наук, профессор кафедры юридических и гуманитарных дисциплин, НчФ УВО «Университет управления «ТИСБИ» (г. Набережные Челны); профессор отделения экономических и юридических наук, Елабужский институт – филиал Казанского (Приволжского) федерального университета.

Горбунов Максим Дмитриевич - кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского» (г. Нижний Новгород).

Давлатов Хизр Хакимович - кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и естественно-математических наук, Институт мировой экономики и международных отношений Международного университета туризма и предпринимательства Таджикистана (г. Душанбе).

Исаев Эдуард Евгеньевич - кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань).

Исхакова Надия Рафхидовна - кандидат социологических наук, доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин, НчФ УВО «Университет управления «ТИСБИ» (г. Набережные Челны).

Комлев Юрий Юрьевич - доктор социологических наук, профессор, Казанский юридический институт МВД России; профессор кафедры уголовного права и процесса, УВО «Университет управления «ТИСБИ» (г. Казань).

Лебедева Екатерина Александровна - директор Нижегородского института управления - филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Нижний Новгород).

Лесив Богдан Васильевич - кандидат юридических наук, ассистент кафедры теории государства и права и политологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; доцент Департамента теории права и сравнительного правоведения, НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва).

Ливенцев Дмитрий Вячеславович - кандидат юридических наук, доктор исторических наук, профессор, Воронежский государственный аграрный университет им. императора Петра I (г. Воронеж).

Лягин Кирилл Айратович - старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, УВО «Университет управления «ТИСБИ» (г. Казань).

Малышева Юлия Юрьевна - кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии, Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Казань).

Марданова Гульфия Ринатовна - старший преподаватель кафедры юридических и гуманитарных дисциплин, НчФ УВО «Университет управления «ТИСБИ» (г. Набережные Челны).

Матвеев Георгий Валерьевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного и международного права, УВО «Университет управления «ТИСБИ» (г. Казань).

Меликовский Александр Ариевич - преподаватель кафедры теории государства и права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

Мугинава Назира Халитовна - кандидат социологических наук, доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин, НчФ УВО «Университет управления «ТИСБИ» (г. Набережные Челны).

Нуруллина Гульфица Мазитовна - кандидат политических наук, доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин, НчФ УВО «Университет управления «ТИСБИ» (г. Набережные Челны).

Романовская Вера Борисовна - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Нижегородский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Нижний Новгород).

Рябцева Ольга Николаевна - кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры философии, политологии, социологии и психологии, Казанский юридический институт МВД России (г. Казань).

Салиева Рида Наильевна - кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой конституционного и международного права, УВО «Университет управления «ТИСБИ» (г. Казань).

Салиева Роза Наильевна - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, УВО «Университет управления «ТИСБИ»; главный научный сотрудник Института проблем экологии и недропользования, ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (г. Казань).

Солдатов Яков Владимирович - кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, УВО «Университет управления «ТИСБИ» (г. Казань).

Солдатова Алена Владимировна - кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права, УВО «Университет управления «ТИСБИ» (г. Казань).

Степаненко Герман Николаевич - кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной философии, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань).

Тагаева Санавбар Назиркуловна - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, УВО «Университет управления «ТИСБИ» (г. Казань).

Талан Мария Вячеславовна - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»; профессор кафедры уголовного права и процесса, УВО «Университет управления «ТИСБИ» (г. Казань).

Фролова Елизавета Александровна - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории государства и права и политологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

Харисова Эльвира Анваровна - старший преподаватель кафедры

юридических и гуманитарных дисциплин, НчФ УВО «Университет управления «ТИСБИ» (г. Набережные Челны).

Юн Лариса Владимировна - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева (г. Казань).

Научное издание

*СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПТЫ
ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ*
**(памяти профессора А.Б. Мезяева и
профессора Р.Ф. Степаненко)**

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Под редакцией
С.М. Аламовой, Я.В. Солдатова, С.Н. Тагаевой